

СЕРИЯ КНИГ О ЛЭНДОНЕ

А Н Н А

ТОДА

*Ничего
Больше*

Что прячется в тихом омуте?

18+

СЕКСУАЛЬНО, ЗАХВАТЫВАЮЩЕ,
ЭМОЦИОНАЛЬНО – ЧИТАЙТЕ
ПЕРВУЮ КНИГУ СЕРИИ!

wattpad

SENSATION IMAGINATOR1D
www.wattpad.com

Annotation

Мы возвращаемся к тем временам, когда Хардин и Тесса были в ссоре. Но даже на расстоянии сила их страсти столь велика, что в их отношения вовлечены все, кто рядом. Лэндон пытается выжить между двух огней: лучшей подругой и сводным братом. А еще, как назло, именно в тот момент, когда он вновь влюбляется, в его жизни появляется бывшая девушка, и она весьма настойчива... Читайте – первая книга из серии о Лэндоне!

- [Анна Тодд](#)
 -
 - [Ничего больше](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)

- [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Анна Тодд

Ничего больше

© ООО Издательство «Наше слово», перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2017

Ничего больше

Тем из нас, кто в первую очередь думает о других, а не о себе, даже если не может помочь ничем, кроме сочувствия.

Плей-лист Лэндона:

*«Come Up Short» by Kevin Garrett «Let It Go» by James Bay
«Closer» by Kings of Leon
«Pushing Away» by Kevin Garrett
«As You Are» by The Weeknd
«Edge of Desire» by John Mayer
«In the Light» by The Lumineers
«Colors» by Halsey
«Love Me or Leave Me» by Little Mix «Gasoline» by Halsey
«All You Never Say» by Birdy
«Addicted» by Kelly Clarkson
«Acquainted» by The Weeknd
«Fool for You» by Zayn
«Assassin» by John Mayer
«Without» by Years & Years
«Fool's Gold» by One Direction
«Love in the Dark» by Adele
«Hurricane» by Halsey
«Control» by Kevin Garrett
«It's You» by Zayn
«A Change of Heart» by The 1975
«I Know Places» by Taylor Swift*

Глава первая

Моя жизнь довольно проста. Без особых заморочек.
В известном смысле я вполне счастливый человек.
Каждое утро, просыпаясь, я думаю об одном и том же:
Здесь не так многолюдно, как я думал.
Надеюсь, Тесса сегодня не работает, и мы сходим поразвлечься.
Скучаю по маме.

Да, я учусь уже на втором курсе Нью-Йоркского университета, но мама – мой единственный лучший друг.

Я очень скучаю по дому. Хорошо, что рядом Тесса; здесь, вдали от семьи, она – единственный близкий мне человек.

Я знаю, что обычно студенты, разъезжаясь по колледжам, чувствуют себя на седьмом небе от обретенной наконец свободы. Но это не про меня. Оказалось, я люблю свой город. Несмотря на это, в выпускной класс я уехал в Вашингтон, а после школы поступил в колледж, ставший мне вторым домом. Здесь я обрел новую семью и лучшего друга. Но мне очень не хватает давней подруги Дакоты. Когда ее приняли в одну из лучших балетных школ страны, я был готов перебраться с ней в Нью-Йорк и подать документы в местный университет. Но планам не суждено было сбыться. Я собирался начать вместе с ней новую жизнь и даже не представлял себе, что Дакота хочет ехать в колледж одна.

Мне было больно и обидно. Даже теперь, спустя год, испытываю разочарование и досаду, но я желаю ей счастья, пусть и без меня.

В сентябре в Нью-Йорке прохладно, но дожди идут реже, чем в Вашингтоне. Уже кое-что.

По дороге на работу я в сотый раз проверяю телефон. Мама скоро должна родить мне сестренку, и, когда придет время, я тут же полечу домой. Мама с Кеном уже выбрали для малышки имя – Эбигайл; жду не дождусь, когда ее увижу. Мне еще не приходилось нянчить младенцев, но маленькую Эбби я уже люблю больше всех на свете. А пока мама присылает только фотографии своих кулинарных шедевров.

Конечно, не конец света, но все же я так скучаю по маминым обедам!

Лавируя в толпе по пути на работу, я остановился на многолюдном перекрестке среди туристов с тяжелыми фотокамерами на шее и похихикал про себя над подростком, который делал селфи огромным айпадом.

Никогда не мог понять этого увлечения.

Когда светофор замигал красным, я увеличил громкость в плеере. Я часто не снимаю наушники дни напролет. Неожиданно город оказался слишком шумным, и я решил, что нелишне приглушить уличный гул или, по крайней мере, украсить его звуками, которые мне нравятся.

Сегодня это песни Хозиера^[1].

Я слушаю музыку даже во время работы, правда, только одним ухом, чтобы одновременно общаться с клиентами, заказывающими кофе. Сегодня на входе в магазин я отвлекся на двух парней в пиратских костюмах, орущих друг на друга, и налетел на Эйдена, не самого симпатичного своего коллегу.

Он гораздо выше меня, своими почти белыми волосами напоминает Драко Малфоя, поэтому вызывает у меня безотчетный страх. К тому же он иногда бывает довольно груб. Со мной Эйден ведет себя прилично, но я видел, как он смотрел на посетительниц, заходивших в «Мельницу». У него такой вид, будто он работает в клубе, а не в кофейне.

Его снисходительно-кокетливые улыбочки и «значительный» взгляд смущают девушек. Мне это претит.

На самом деле Эйден не такой уж красавчик. Возможно, будь он более приятным человеком, я бы изменил свое мнение.

– Осторожнее, – пробормотал Эйден, похлопывая меня по плечу, будто мы играем в одной футбольной команде.

Меня это просто взбесило...

Отмахнувшись, я отправился за своим желтым передником и проверил телефон. Отметил время прихода и пошел к Поузи. Эту девушку я за две недели должен обучить всему, что умею. Она симпатичная, тихая и старательная. Мне очень нравится, что она всегда берет бесплатное печенье, которое мы каждый день предлагаем, чтобы скрасить рабочую смену. Большинство новичков отказывается, а она съедала по одному каждый день всю неделю и перепробовала весь ассортимент: шоколадное, шоколадно-ореховое, сахарное и какое-то странное зеленое, думаю, безглутеновое, для сторонников естественного питания.

– Привет, – улыбнулся я.

Она стояла, прислонившись спиной к автомату с кубиками льда, и читала надпись на обратной стороне пакета с молотым кофе. Свои рыжие кудри Поузи заправила за уши. Она подняла на меня взгляд, приветственно улыбнулась и снова вернулась к изучению упаковки.

– Нелепо, что за маленькую порцию кофе берут пятнадцать долларов, – с усмешкой заметила она и бросила мне пакет.

Я неловко его поймал и крепко сжал в руках.

– Мы, – поправил я со смехом и вернул пакет на место. – Мы берем.

– Я не так давно здесь работаю, чтобы говорить «мы», – дразнясь, возразила она.

Потом стянула резинку с запястья, аккуратно собрала густые вьющиеся волосы высоко на затылке и кивком показала, что готова приступить к работе.

Поузи прошла за мной в зал и встала за кассу. На этой неделе она осваивает прием заказов покупателей, а на следующей, судя по всему, будет готовить напитки. Мне больше нравится касса, потому что я предпочитаю общаться с людьми, а не обжигать пальцы о кофемашину, что случается каждую смену.

Колокольчик на двери зазвенел, когда я расставлял на прилавке все по местам. Взглянул на Поузи, убедился, что все в порядке и мы готовы встретить первых утренних кофеманов. Довольно шумно вошли две девушки. Голос одной показался мне знакомым, и я повернулся к ним. Это была Дакота в коротком спортивном топе, просторных шортах и ярких кроссовках. Похоже, она явилась прямо с утренней пробежки. Если бы она собиралась в танцевальный зал, она надела бы балетное трико и узкие шорты. И выглядела бы так же хорошо. Она всегда выглядит отлично.

Дакота не заходила в нашу кофейню несколько недель, и ее визит меня удивил. Дрожащими пальцами я принялся нервно водить по экрану компьютера без всякой цели. Подруга Дакоты Мэгги увидела меня первой. Она дотронулась до плеча спутницы, и моя бывшая повернулась с радостной улыбкой на лице. Она слегка вспотела, ее черные локоны выбились из пучка.

– Я надеялась, что ты сегодня работаешь, – сказала она и помахала рукой мне и Поузи.

Она надеялась? И как это понимать? Конечно, мы решили остаться друзьями, но я не думал, что это больше, чем просто вежливость.

Мэгги тоже помахала рукой:

– Привет, Лэндон.

В ответ я улыбнулся и спросил, что им приготовить.

– Кофе со льдом и двойными сливками, – хором ответили они.

Хотя девушки были одеты почти одинаково, Дакота, с прекрасной карамельной кожей и яркими карими глазами, выглядела намного привлекательнее Мэгги.

Привычным движением я взял две пластиковые чашки, зачерпнул лед из специальной емкости и налил из кувшина заранее приготовленный кофе. Я чувствовал на себе пристальный взгляд Дакоты и испытывал некоторую

неловкость. Поузи тоже не сводила с меня глаз, и я вспомнил, что должен все время объяснять ей, какого черта я делаю.

– Ты просто наливаешь напиток поверх льда. Вечерняя смена готовит кофе заранее, чтобы он остыл, – сказал я Поузи.

Когда я делал объяснения в присутствии Дакоты, то чувствовал себя довольно глупо. Мы с ней по-прежнему общаемся, хотя не гуляем и не болтаем, как раньше. Я смирился с тем, что наши трехлетние отношения закончены. В Нью-Йорке у нее появились новые друзья и знакомые, и я не хочу мешать. Я знаю Дакоту много лет и всегда буду о ней заботиться. До нее я уже встречался с одной девушкой, но это было несерьезно.

Я уточнял, взбить ли сливки для кофе, но мой вопрос утонул в шумном приветствии Эйдена:

– Дакота!

Я просто обалдел: Эйден потянулся через прилавок и поднял руку девушки над головой. Дакота с радостной улыбкой покружилась перед ним.

Бросив на меня быстрый взгляд, она немного отступила от стойки и сухо заметила:

– Я не знала, что ты здесь работаешь.

Чтобы отвлечься от их беседы, я перевел глаза на Поузи, а затем сделал вид, что читаю расписание на стене. Мне действительно нет никакого дела до того, с кем Дакота теперь дружит.

– Кажется, вчера вечером я это говорил? – возразил Эйден.

Я закашлялся, чтобы скрыть невольный взглас.

К счастью, никто, кажется, этого не заметил, за исключением Поузи, которая изо всех сил пыталась спрятать улыбку.

Я старался не смотреть на Дакоту, хотя чувствовал ее смущение. В ответ на замечание Эйдена она рассмеялась так же, как когда-то, когда разворачивала рождественский подарок от моей бабушки. Милые звуки! Какое счастье – слышать ее хихиканье над дурацкой поющей рыбой, закрепленной на пластиковой подставке! Дакота снова засмеялась, и я понял, что ей действительно неловко. Пытаясь сгладить неловкость, я с улыбкой вручил ей чашки и призвал заходить к нам почаще.

Не дожидаясь ответа, я вышел в подсобку и увеличил громкость в наушниках.

Пару минут я ждал звонка дверного колокольчика, провожающего Дакоту и Мэгги, а потом понял, что, скорее всего, за криками болельщиков и ударами клюшек (я включил в плеере запись вчерашнего хоккейного матча) ничего не услышу. Вернувшись в зал, я увидел, как Поузи демонстративно корчит изумленную рожицу, глядя, как Эйден

демонстрирует мастерство во взбивании горячего молока. В облаках пара его светлые волосы показались мне еще более нелепыми.

– Он сказал, что учится вместе с ними в балетной академии, – шепнула Поузи, когда я подошел ближе.

Я замер, глядя на Эйдена, не обращавшего на нас внимания и, судя по выражению лица, погружившегося в собственный, без сомнения, чудесный мир.

– Ты сама его спросила? – удивился я, немного беспокоясь, что еще он мог сказать о Дакоте.

Поузи кивнула. Она подошла к раковине и открыла кран, чтобы вымыть железную чашку. Я подтянулся туда же.

– Я заметила, как ты реагировал, когда он держал ее за руку, поэтому решила поинтересоваться, что там между ними.

Девушка пожала плечами, и копна ее кудрявых волос слегка дрогнула. Щеки и переносица Поузи усыпаны веснушками, не такими яркими, как у других рыжих, которых мне доводилось встречать раньше. У Поузи большой рот с пухлыми, как у ребенка, губами. Ростом она почти с меня. Я заметил это на третий день обучения, в момент короткой вспышки интереса к ней.

– Я некоторое время с ней встречался, – признался я новой подруге, подавая полотенце, чтобы она вытерла чашку.

– Ну, я не думаю, что у них роман. Это безумие – выбрать кого-то из Слизерина, – засмеялась Поузи.

Мои щеки вспыхнули, и я тоже расхохотался.

– Ты тоже заметила? – удивился я и предложил ей мятное фисташковое печенье.

Поузи с удовольствием взяла одно и съела половину раньше, чем я успел закрыть коробку.

Глава вторая

Смена закончилась. Я отметил время ухода с работы и взял с прилавка две чашки на вынос, чтобы в честь завершения трудового дня приготовить, как обычно, два макиато: один для себя, второй для Тессы. Но я делаю не простой макиато. Я добавляю ореховый и банановый сиропы в пропорции три к одному. Может показаться, что это чересчур, но не поверите, до чего вкусный получается кофе! Я изобрел это случайно, перепутав бутылки с ванильным и банановым сиропами. С тех пор такая смесь стала у нас с Тессой любимой. А теперь и у Поузи.

В деле обеспечения питанием наших юных, изнуренных учебной работой тел я отвечаю за напитки, а Тесса почти всегда приносит на ужин еду из ресторана «Лукаут», в котором она работает. Иногда пища еще теплая, но и остывшую ее можно есть даже и через несколько часов. Таким образом, несмотря на скудный студенческий бюджет, мы питаемся деликатесами и пьем отличный кофе. В общем, прекрасно устроились.

Сегодня у Тессы вечерняя смена, поэтому я не спешил закрывать магазин. Не то чтобы мне неуютно дома одному, просто торопиться было незачем. Кроме того, я хотел отвлечься от тяжелых мыслей о Дакоте и этом гаде Эйдене. Иногда приятно отдохнуть в тишине пустой квартиры, но я никогда не жил один, поэтому гудение холодильника и лязг труб парового отопления среди безмолвия действуют мне на нервы. Так не хватает звуков футбольного матча из кабинета отца и запаха кленового сиропа от маминой выпечки с кухни!

Я почти дописал работу, заданную на эту неделю. Второй год обучения абсолютно не похож на первый. Я очень рад, что кончились нудные обязательные предметы для первокурсников и теперь можно начать профессиональное обучение. Похоже, я наконец приблизился к карьере учителя младших классов.

В этом месяце я прочитал две книги и пересмотрел все новые фильмы. А Тесса поддерживает в квартире такую чистоту, что мне ничего не приходится делать по хозяйству. В принципе, в свободное время мне делать нечего, потому что у меня почти нет знакомых, кроме Тессы и нескольких сотрудников в «Мельнице». Не думаю, что смог бы общаться с ними вне кофейни, за исключением Поузи. Хотя есть еще один классный парень Тимоти, с которым мы вместе посещаем курс обществоведения. На второй же день занятий он пришел в футболке «Буревестника», и мы

разговорились о хоккейной команде из моего города. Со случайными людьми я обычно разговариваю о спорте и фэнтези. Приходится признать: мне нелегко заводить новые знакомства.

Моя жизнь довольно однообразна. В кампус и обратно в Бруклин езжу на метро, на работу хожу пешком и так же возвращаюсь домой. Привычные дела и маршруты – ничего особенного. Тесса считает, что я в депрессии, поэтому мне необходимо найти новых друзей и больше развлекаться. Я мог бы в ответ заявить, что ей стоит воспользоваться собственным советом, но не секрет, что проще ругать заросший двор соседа, чем стричь собственный газон. Несмотря на то, что и моя мама, и Тесса уверены, что мне недостает общения, я всем доволен. Мне нравится работа и занятия в этом семестре. Я радуюсь жизни в спокойном районе Бруклина и учебе в новом колледже. Конечно, все могло быть лучше, но и так все в полном порядке. Никаких проблем и обязательств. Просто нужно быть хорошим сыном и преданным другом.

Я посмотрел на часы и с содроганием обнаружил, что еще нет и десяти. Из-за женской компании, оживленно обсуждающей разводы и детей, мне не удалось закрыть двери кофейни в обычное время. От столика несло так много «Ой!» и «О нет!», что я предпочел оставить их в покое, пока они не решат жизненно важные проблемы и не уйдут сами. В четверть десятого магазин опустел. На столе остались салфетки, недопитый холодный кофе и недоеденные пирожные. Беспорядок меня не огорчил, поскольку уборка заняла еще несколько минут. Я потратил кучу времени на закрытие, педантично, как можно медленнее, наполнял металлические салфетницы, емкости для льда и контейнеры для молотого кофе. Подметал с пола отдельно каждый фантик.

Время не на моей стороне – оно вообще редко мне помогает, но сегодня дразнит, как никогда, и я начинаю размышлять о наших отношениях с Дакотой. Каждая проходящая минута – это шестьдесят секунд издевательства: медленно движется маленькая стрелка на часах, но, кажется, совсем не трогается с места, как будто время застыло. Чтобы скоротать время, начал сам с собой детскую игру: задерживал дыхание – каждый раз на тридцать секунд дольше. Через несколько минут мне это наскучило, и я отправился в подсобку пересчитать выручку за день. Тишину в кофейне нарушало только гудение машины для льда. Наконец-то десять часов, мне незачем торчать здесь дольше.

Уходя, последний раз окидываю взглядом магазин. Все в порядке: каждое кофейное зерно на своем месте. Обычно я закрываю «Мельницу» не один, а с Эйдемом или Поузи, по графику. Поузи предлагала свою

компанию, но я слышал ее разговор и понял, что она не может найти няню для младшей сестры. Скромная и немногословная, Поузи не любит делиться подробностями своей жизни, но по некоторым деталям я понял, что заботе о сестренке она посвящает много времени.

Заблокировав сейф и включив сигнализацию, я запер дверь. На улице сегодня свежо: легкий холодок тянется с реки и захватывает весь Бруклин. Мне нравится смотреть на воду. Так я почему-то отрешаюсь от городской суеты.

Хотя от Бруклина до Манхэттена рукой подать, они совсем не похожи друг на друга.

Я вытащил ключ из замка и ступил на тротуар. Мимо прошли четверо – двое мужчин и две женщины. Мне с ними по пути. Высокий парень был одет в свитер «Браунс»^[2]. Интересно, он знает их результаты в этом сезоне? Наверное, нет, иначе вряд ли бы носил на груди эмблему с такой гордостью. Поклонник «Браунс» разговаривал громче всех, к тому же у него оказался неприятный низкий голос. Мне показалось, что он пьян. Я решил уйти от них подальше, перешел на другую сторону улицы и позвонил маме. Сообщил, что у меня все хорошо и ее единственный ребенок пережил еще один день в большом городе. Я поинтересовался, как она себя чувствует, но она, как обычно, не ответила на вопрос и принялась расспрашивать о моих делах.

Мама переживала из-за моего переезда не так сильно, как я опасался. Она надеялась, что в Нью-Йорке я буду счастлив с Дакотой. Во всяком случае, так предполагалось. Переезд должен был влить свежую струю в старые мехи наших потускневших отношений. Я думал, нас разлучило расстояние, но, оказалось, Дакота жаждала свободы. Осознание этого стало для меня неожиданностью. Ведь я никогда не вел себя с ней как собственник: не пытался контролировать или указывать, что делать. Я сам этого не люблю. С того памятного дня, когда по соседству с нами поселилась потрясающая девушка с вьющимися волосами, я знал, что в ней есть что-то особенное, что-то необычное и настоящее. Я тоже никогда не скрывал своего отношения к ней (как бы я мог? Зачем?) и всегда поддерживал ее стремление к независимости. Мне нравился ее острый язык и привычка настаивать на своем. Все пять лет, пока мы были вместе, я верил в Дакоту и старался ей дать все, в чем она нуждалась.

Когда ее мучили страхи из-за переезда из Сагино в Нью-Йорк, я изо всех сил ее успокаивал. Мне самому дважды доводилось менять место жительства: из Сагино я уехал в Вашингтон, где продолжил учебу и окончил школу. Я постоянно напоминал Дакоте, почему для нее важен этот

переезд, – говорил о ее любви к балету и ее большом таланте. Не проходило и дня, чтобы я не повторял, какая она замечательная и что ей следует гордиться собой. Несмотря на кровавые мозоли на ногах, она репетировала день и ночь. Таких целеустремленных людей, как Дакота, я в жизни не встречал. Когда мы были подростками, учеба на «отлично» давалась ей легче, чем мне, и она всегда работала. Как-то раз моя мама работала и не могла ее подвезти. Так Дакота проехала до стоянки грузовиков, где подрабатывала кассиром, полтора километра на велосипеде. В шестнадцать лет я получил права, она позволила своему отцу заложить ее велосипед, так как их семья нуждалась в деньгах, и я с удовольствием ее повсюду возил.

И все же мне кажется, что в своей семье Дакота никогда не чувствовала себя так свободно, как ей хотелось. Ее отец не любил, когда она или ее брат Картер уходили из дома. Но щиты, которыми он закрывал окна, не могли удержать детей взаперти. Уехав в Нью-Йорк, Дакота узнала совсем другую жизнь. Не нужно было смотреть, как отец медленно погибает от вспышек гнева и пьянства. Не требовалось пытаться загладить вину за смерть брата. Она осознала, что никогда не жила по-настоящему. Моя жизнь началась, когда я встретил Дакоту, но для нее все было иначе.

Мне было очень больно, когда наши отношения закончились, но я ни в чем ее не винил. И сейчас я против нее ничего не имею. Не стану отрицать, что до сих пор жалею, что совместное будущее, которое мы планировали, никогда не наступит. Я надеялся, что мы вместе снимем квартиру в Нью-Йорке и каждое утро я буду просыпаться рядом с ней и чувствовать сладкий запах ее волос. Мы собирались обойти все парки и посетить самые необычные музеи города. Я возлагал на переезд столько надежд. Я рассчитывал, что начнется новая жизнь, а не закончится прошлая.

К чести Дакоты надо заметить, она осознавала свои чувства и рассталась со мной до того, как я собрался в Нью-Йорк. Она была со мной честна и не пыталась изобразить то, чего нет, пока все не дошло до абсурда. Однако к моменту, когда она разорвала отношения, я уже слишком настроился на перемены, чтобы внезапно отказаться от своих планов. Я заранее оплатил занятия и внес депозит за квартиру. Но я ни о чем не жалею. Оглядываясь назад, я понимаю, что мне и вправду нужно было переехать. Хотя я не в восторге от этого города – меня он не очаровал, как многих других. Я не собираюсь оставаться здесь после колледжа, но на сейчас меня все устраивает. Вообще, мне хотелось бы поселиться в каком-нибудь тихом месте, где солнечный свет радует глаз и покрывает загаром кожу.

Хорошо, что Тесса со мной поехала. Правда, обстоятельства, к этому приведшие, оказались нерадостными, но мне было приятно помочь ей сбежать от проблем. Первым человеком, с которым я подружился в Вашингтонском центральном университете, была Тесса Янг, и она оставалась для меня единственным другом до самого выпуска, как и я для нее. Первый курс принес ей немало сложностей. Кроме всего прочего, она влюбилась в парня и почти сразу же с ним рассталась. А я оказался в сложном положении – между сводным братом, отношения с которым и так оставляли желать лучшего, и Тессой, которую он же бросил.

Я распахнул перед Тессой двери, как только она попросила, и сделал бы это снова. Мне нравилась идея делить с ней квартиру, было очевидно, что ей это поможет. Мне приятно быть хорошим товарищем. Я всю жизнь был отличным парнем, и эта роль удавалась мне как ни одна другая. И я не люблю быть в центре внимания. В последнее время я осознал, что практически всегда стремился избегать подобных ситуаций.

Меня считают надежным человеком и преданным другом. По-моему, это просто замечательно. Когда в Мичигане все пошло наперекосяк, я хотел пережить печаль в одиночестве. Я не нуждался в сострадании, особенно от Дакоты.

Безусловно, ей было так же больно. И не важно, что я сделал, этого уже не исправить. Я оставил Тессу наедине с ее горем и вынужден был наблюдать со стороны, как трагедия, которую я изо всех сил старался предотвратить, разрывала ее мир на части. Она была моей исцеляющей повязкой, а я был ее спасительной сетью. Я удержал ее, когда она падала, и мы всегда будем связаны друг с другом – дружбой или чем-то большим. Нас навсегда объединила боль, которую мы вместе пережили.

Я не часто думаю об этом, стараюсь стереть воспоминания. Клубок проблем остался в прошлом, запечатан суперклеем и похоронен под трехметровым слоем бетона.

Глава третья

На пороге я наткнулся на пакет среднего размера, на котором черным маркером было накорябано «Тесса». По почерку я тут же догадался, от кого он, и, аккуратно отодвинув подарок ногой в сторону, вставил ключ в дверной замок. Свет в квартире не горит, значит, Тесса еще не вернулась с работы.

Я понял, что устал, и решил сразу лечь спать. По вторникам и четвергам занятия начинаются позже, чем обычно, поэтому я люблю эти дни и жду их с нетерпением, чтобы поваляться в постели перед телевизором. В общем, примитивное и унылое развлечение, но для меня это настоящее наслаждение. Я скинул ботинки и поставил их на место, несколько раз громко позвал Тессу, убедиться, что ее действительно нет. Не получив ответа, я начал раздеваться в гостиной, просто потому, что у меня появилась такая возможность. Еще одно невинное удовольствие. Расстегнул и спустил джинсы, стряхнул их с ног и пинком отправил в полет. Они со шлепком упали на пол – там я их и оставил. Во мне проснулся бунтарь, хотя и сильно уставший.

Поразмыслив, я все-таки собрал с пола брюки, рубашку, носки и трусы, отнес вещи в свою комнату и бросил на пол до следующей стирки. Нужно освежиться.

Рычаг душа в нашей единственной ванной постоянно заедает, поэтому приходится слушать журчание в трубах не меньше минуты, прежде чем польется вода. Все попытки починить его были тщетны. Даже Тесса несколько раз собственноручно хотела его отремонтировать, но оказалось, что сантехника не по ее части. Совсем. Я рассмеялся, вспомнив ее, промокшую и злую, когда вода фонтаном ударила из трубы. Металлическая ручка пролетела через всю ванную и проделала в гипсокартонной стене небольшую дырку. Несколько недель спустя рычаг снова заклинило, когда Тесса хотела принять душ. В итоге она из всех сил дернула и сорвала хлипкую ручку со стены. Ледяная вода брызнула ей в лицо. Она закричала как банши и в ужасе выскочила из ванной.

Слушая бег воды по трубопроводу, я быстро облегчился и начал мысленно перебирать события минувшего дня: незаметно промелькнувшие занятия и внезапное появление в «Мельнице» Дакоты и Мэгги. Я до сих пор не пришел в себя от неожиданной встречи с Дакотой; меня особенно поразило ее знакомство с Эйденем. Последний раз мы разговаривали

несколько недель назад; тогда, глядя на ее откровенный наряд, мне было сложно сосредоточиться. Жаль, что у меня не было времени на подготовку. Но, похоже, все прошло нормально. Кажется, я не заикался, не сказал ничего несурзного и не пролил кофе. Любопытно, Дакота чувствовала неловкость из-за вынужденного общения со мной или она уже не замечает возникающего между нами напряжения?

Мы практически не разговаривали, поэтому я не имею ни малейшего представления о ее чувствах и о том, что между нами происходит. Дакота никогда не была склонна раскрывать свои переживания, но я знал, что она из тех людей, кто не забывает обиду всю жизнь. У нее не было никаких причин испытывать ко мне негативные эмоции, но я не могу не думать об этом. Мне до сих пор кажется странным, что от ежедневных бесед мы пришли к почти полному отсутствию общения, практически к тишине. После разрыва я пытался наладить с ней дружеские отношения, но Дакота даже не думала мне в этом помочь.

Иногда я так по ней скучаю!

Черт, я действительно скучаю.

Даже когда я переехал из Мичигана в Вашингтон, мы продолжали ежедневно болтать по телефону, кроме того, несмотря на занятость в колледже, я летал на свидание с ней при первой же возможности. Перебравшись в Нью-Йорк, Дакота начала отдаляться. Я чувствовал, что она изменилась, но надеялся на лучшее. Однако с каждым телефонным разговором становилось все очевиднее, что она ускользает от меня все дальше. Иногда я просто сидел, уставившись на мобильник, и ждал ее звонка в надежде, что ей захочется узнать, как прошел мой день. Хотя бы один вопрос или более долгая беседа, а не краткий пересказ обычных дел на две минуты. Мне хотелось думать, что она просто привыкает к переменам, произошедшим в ее жизни, и все это временно.

Я предполагал, что в другом городе Дакота заведет новых друзей и получит много незабываемых впечатлений, и совершенно не собирался ей как-то мешать. Мне просто хотелось оставаться частью ее жизни, как раньше. Я так же, как она, мечтал, как она поступит в балетную академию, ведь это было для нее очень важно, не собирался отвлекать и старался поддерживать всеми доступными средствами, даже когда она начала забывать обо мне. Я продолжал играть роль отличного парня, а ее жизнь становилась все более насыщенной.

Мне с детства удавался образ хорошего друга, и мне это нравилось. Я всегда такой терпеливый и понимающий. Как и в тот вечер, когда Дакота позвонила и привела массу разных доводов в объяснение, почему

продолжение наших отношений невозможно, а я лишь кивал и повторял, что все нормально и я ее понимаю. На самом деле я ничего не понимал, и ее аргументы были невразумительны, но я знал, что ее не переубедить. Я так же страстно желал за нее бороться, как не хотел быть для нее обузой. Я боялся, что наши отношения станут для Дакоты еще одним полем битвы – она всю жизнь с чем-то боролась, – поэтому я постарался остаться для нее одним из тех немногих, кто приносит в ее жизнь радость, и хочу, чтобы так было всегда.

Я был разочарован и до сих пор чувствую досаду. Мне непонятно, почему она не может проводить со мной какое-то время, если ее страница на фейсбуке полна групповыми фотографиями в разных ресторанах и ночных клубах.

Мне не хватает ее ежедневных отчетов и хвастовства об успехах в академии. Я скучаю по энтузиазму, с которым она ждет предстоящего просмотра. Раньше я рассказывал обо всем ей первой. Но после того, как я познакомился с Тессой и сблизился со своим сводным братом Хардином, все изменилось. Впрочем, я по-прежнему по ней скучаю. У меня нет особого опыта общения с девушками, но то, что сегодняшняя встреча не была свиданием, это точно.

Внезапно я осознал, что, пока я, уставившись на отражение в зеркале, вновь переживал крушение своего единственного романа, ванная наполнилась паром. Наконец, я встал под сильные струи душа, и по коже, обжигая, полилась горячая вода. Я отпрыгнул назад и покрутил кран. Поставил телефон на док-станцию, включив запись хоккейного матча, и вернулся под душ. Раздались низкие громкие голоса дикторов, обсуждающих никому не интересные спортивные интриги. Я попытался понять, о ком говорят, но звук все время прерывался, и я потянулся к телефону, чтобы выключить. Трубка соскользнула с подставки в раковину, и я сразу бросился за ней, пока удачным неловким движением сам я или невидимый домашний эльф не включил воду. Хорошо бы завести домового, желательно Добби или его клона. Но единственный, кому повезло, был Гарри Поттер.

Наша ванная комната слишком мала для двоих, даже если один – эльф. В эту крошечную, практически микроскопическую комнатку втиснулись низкая раковина с разболтанным краном и небольшой унитаз, на котором я едва уместаюсь. Кто бы ни делал проект квартиры, он явно не ориентировался на парня ростом метр восемьдесят три. Если, конечно, рослый мужчина – не любитель мыться под душем на полусогнутых. По спине текла теплая вода, а я продолжал мучить себя мыслями о Дакоте. Она

занимает лучшие апартаменты в моей голове, и я не могу заставить ее съехать. Сегодня она так классно выглядела в спортивном топе и шортах, чертовски сексуально.

Интересно, она заметила, как изменилось мое тело с нашей последней встречи? Бицепсы увеличились, а на прессе появился рельеф, над которым я усердно работаю.

В детстве я был довольно пухленьким. Комплекция часто становилась предметом обсуждения в переполненных школьных коридорах. Меня называли «жирный Лэндон».

– Смотрите, чтобы Лэндон вас не придавил, – насмехались одноклассники.

Возможно, сейчас это кажется нелепо и по-детски, но тогда придурки, ходившие по пятам с глупыми дразнилками, доставали меня до чертиков. Это был один из углей в аду, которым стала для меня средняя школа. Это ничто по сравнению с тем, что произошло с Картером, но сегодня я не хочу об этом думать.

Чем больше я размышляю о нашей встрече в «Мельнице», тем глубже погружаюсь в воспоминания, и в голове все путается. Я не могу сказать, о чем Дакота думала. Никогда не мог. Даже в детстве у нее были свои тайны. В те годы это казалось привлекательным, любопытным и таинственным. Теперь, когда мы повзрослели и она порвала со мной практически без объяснений, это не так весело.

Уставившись на кафель цвета зеленых водорослей, я думаю, что мне следовало бы сказать и сделать в те пять минут. Это какой-то порочный круг: перебирать варианты, потом напоминать себе, что все это не так уж важно, – и потом все это безумие снова и снова. Гляжу на стену, опять представляю себе, как она стояла передо мной. Вот бы прочитать мысли, спрятанные в глубине миндалевидных глаз, или услышать слова, не высказанные пухлыми губами. Эти губы...

Губы Дакоты – что-то особенное: чувственные, цвета нежных розовых лепестков. Они всегда сводили меня с ума, и она мастерски этим пользовалась. Когда нам было по шестнадцать, она подарила мне щенка – в честь двух месяцев наших отношений. Я знал, что мама не позволит мне его оставить, и Дакота тоже понимала это, поэтому мы решили прятать щенка в моем шкафу. Дакота часто делает то, чего не следовало, но всегда из лучших побуждений. В зоомагазинчике по соседству мы покупали для маленького серого комочка шерсти самый лучший корм. Щенок редко лаял, а когда подавал голос, я начинал громко кашлять, стараясь заглушить твяканье. Так продолжалось, пока пес не вырос слишком большим, чтобы

держат его в спальне.

Продержав щенка в плену два месяца, я во всем признался маме. Она расстроилась не так сильно, как я боялся. Но рассказала, сколько стоит содержать щенка, я вспомнил свой жалкий заработок на автомойке, где подрабатывал время от времени, и понял, что этих денег явно не хватит. Счет от ветеринара я не смог бы оплатить даже с учетом чаевых. После долгих слез и споров Дакота наконец смирилась. Чтобы облегчить страдания, мы пересмотрели подряд все фильмы про Властелина колец. Потом обпились фразпучино в «Старбаксе», переживая, что пять долларов за чашку – слишком дорого, объелись конфетами и печеньем с арахисовым маслом так, что у нас заболели животы, и я кончиками пальцев рисовал на щеках Дакоты круги – ей всегда это нравилось, – пока она не заснула у меня на коленях.

Проснувшись, я увидел свой член у нее во рту. Полусонный и возбужденный до предела, я изумленно наблюдал, как Дакота меня ласкает. Она сказала, что хотела попробовать сделать это раньше, но стеснялась. Нежные прикосновения губ были такими волнующими, что оргазм наступил слишком быстро.

Ей понравилось доставлять мне такое удовольствие, и она делала это почти на каждом свидании. Конечно, мне было приятно.

Черт, кого я пытаюсь обмануть? Я был в восторге. Я уже не помню, когда считал мастурбацию приятным способом разрядки. Это было ничто по сравнению с ее губами, а позже – с ее мягкой, влажной киской. Мы довольно быстро перешли от орального секса к традиционному; и нам всегда было мало.

Я не занимался самоудовлетворением до переезда в Вашингтон, хотя мастурбация не кажется мне чем-то плохим или недостойным. Мне так не хватало Дакоты и, конечно, близости с ней! Я посмотрел, как горячая вода сбегает по моему расслабленному члену, потом взял его в руку и, дразня, прикоснулся к концу большим пальцем так, как это делала Дакота языком.

Стоя с закрытыми глазами под струями теплой воды, я почти поверил, что это не моя рука. Я представлял Дакоту, стоящую на коленях перед моей старой кроватью в Вашингтоне. Тогда выующиеся волосы были светлее. Постоянные репетиции сделали ее тело подтянутым и упругим. Дакота выглядела великолепно, и чем больше мы выросли, тем более неотразимой она становилась. И вот ее губы двигаются быстрее... Я будто слышу ее стон, я уже на грани.

Приятное покалывание распространяется от кончиков пальцев ног вдоль всего позвоночника. Поскользнувшись, теряю равновесие и

прислоняюсь спиной к холодному кафелю. С губ сорвались слова, обычно мне не свойственные, я схватил и резко дернул душевую занавеску с шахматным рисунком.

Щелк, щелк, щелк! Занавеска порвалась и упала с пластиковых колец, увлекаая меня за собой. Стукнувшись коленом о край крошечной ванны, я снова завопил и, откинувшись назад, сильно ударился об унитаз. Струя горячей воды ударила мне в лицо.

– Черт! – заорал я.

Схватившись за края ванны, я попытался из нее выбраться. Коленка начала опухать, а руки дрожали, словно желе. К моему ужасу, резко распахнулась дверь. Я отпустил ванну и шлепнулся на дно, ударившись головой. Прежде чем прикрыться, я увидел Тессу, размахивающую руками, как гиппогриф.

– Ты цел? – взвизгнула она. Быстро окинула глазами мое обнаженное тело и зажмурилась. – О боже! Извини!

– Какого черта? – закричала София, появившись на пороге.

Здорово... теперь и она здесь. Я потянулся за оторванной занавеской, чтобы за ней спрятаться. Что может быть хуже? Я взглянул на девушек и кивнул, пытаясь отдышаться. Щеки пылали. Я бы предпочел залезть в кучу собачьего дерьма, чем оказаться голым, в позе эмбриона на дне ванны, с перекинутой через край ногой. Я уперся свободной рукой в мокрый пол и попытался подтянуться.

София оттолкнула Тессу и схватила меня за руку, чтобы помочь подняться. Убейте меня кто-нибудь! Она быстрым движением заправила каштановые волосы за уши и уже обеими руками потянула меня вверх. Пожалуйста, прикончите меня! Я пытаюсь не дать соскользнуть занавеске, но она падает, как только я встаю. Я нагибаюсь и поднимаю ее с максимально невозмутимым видом.

Кто-нибудь меня слышит? Если не убьете меня, то сделайте так, чтобы я исчез сию секунду. Умоляю.

Раньше я не замечал в карих глазах Софии зеленоватые искры. А может, их и нет, и это я не в себе после падения. Стараюсь не смотреть на Софию, но под ее взглядом рассматриваю острые носы ее коричневых туфель, напоминающих мне ботинки Хардина.

– Теперь все нормально? – София подняла одну темную бровь.

Можно ли чувствовать большую неловкость? Не думаю. Хуже просто не бывает. Полминуты назад я мастурбировал в душе, а теперь – голый и смущенный. Все это вызвало бы у меня истерический хохот, случись это с кем-то другим.

София все еще смотрела на меня, и я понял, что так и не ответил на вопрос.

– Да, да. Я в норме. – Ответ еще хуже, чем я себя чувствовал.

– Не смущайся, – тихо проговорила она.

Я покачал головой.

– Все в порядке, – солгал я и, низко наклонившись, выжал из себя смешок.

Худший способ помочь человеку преодолеть неловкость – сказать ему, чтобы он не смущался.

Тесса обеспокоенно взглянула на меня и хотела было что-то сказать, но тут раздался громкий писк, от которого я вздрогнул.

Может ли быть что-нибудь хуже?

– Шоколад горит! – закричала Тесса и выбежала из ванной, которая казалась еще теснее обычного.

Зеркало и стены запотели, а София так и стояла рядом со мной. Она улыбнулась и прикоснулась пальцами с длинными черными ногтями к моему животу чуть выше пупка.

Мне понравилось, как это выглядит. Дакота не могла позволить себе отрастить ногти из-за занятий. Она часто сетовала на это, но танцы были для нее важнее красивого маникюра.

– Тебе нечего стыдиться.

Комплимент прозвучал как мурлыканье. Мое тело откликнулось. Палец Софии медленно спускался, мои мысли путались, но я не хотел, чтобы она останавливалась. Она продолжала рисовать линию как раз там, где заканчивалась занавеска, прикрывающая мое мужское достоинство. Я пытался сообразить, зачем она это делает, я силен сдержать эрекцию.

Я не очень хорошо знаю Софию, но ясно, что она намного смелее всех знакомых мне девушек моего возраста. Она не из тех, кто будет отбирать у тебя пульт, когда по телику показывают «Шеф-повар», и для нее точно не проблема прикоснуться к моему обнаженному влажному телу. София играла, шевеля кончиком указательного пальца волоски на пушистой дорожке, протянувшейся от пупка к паху.

Она что-то сказала? А, да. Она сказала:

– Тебе нечего стыдиться.

Когда перестанет пищать сигнализация?

Что она хочет этим сказать? Мне нечего стыдиться? Я чуть не разбил задницу в душе во время мастурбации, к тому же две девушки застали меня голым на полу в душевой.

Естественно, мне стыдно. И как раз сейчас чары ее прикосновений

начали ослабевать, и ко мне медленно стало возвращаться сознание.

Я смотрел на Софию, на отражение ее темных волос в запотевшем зеркале.

– Спасибо, – еле слышно прозвучал мой голос. – Мне тут пришлось немного покувыркаться, – откашлявшись, добавил я и рассмеялся, осознав, насколько забавно все это выглядело со стороны.

Ее взгляд потеплел, а палец все еще медленно двигался по моему животу и дразнил. В этом не было ничего особенного, но я не знал, что сказать или сделать. До того как я нашел решение, она с улыбкой отстранилась.

Покраснев, я отвернулся и вытер зеркало рукой. София стояла между мной и вешалкой для полотенец. Я посмотрел на свое отражение и поморщился, дотронувшись пальцем до маленького, но глубокого пореза над глазом. По лбу стекала струйка крови. Я сорвал полотенце для рук с вешалки за спиной Софии, промокнул рану и пообещал себе никогда больше не пытаться выйти из крошечного душа, пока не надену доспехи или хоть что-нибудь. Чтобы остановить кровь, я прижал полотенце изо всех сил.

София не выходит из ванной. Мне надо заговорить с ней или что-то сделать? Я не понимаю, о чем она думала, трогая меня. Существует ли какое-то правило этикета для таких ситуаций? Это обычное поведение для одиноких молодых людей?

До сих пор у меня был только один роман, у меня нет опыта. Не представляю, о чем эта девушка думает или чего она хочет. Я вообще мало что о ней знаю.

Мы мало знакомы. Встретились в Вашингтоне, когда ее семья поселилась по соседству с домом моей мамы и Кена. София старше меня на несколько лет и любит, чтобы друзья называли ее Норой, а я все время ошибаюсь только затем, чтобы Тесса с недовольным видом меня поправила. София всегда пахнет сладостями. Еще я знаю, что она много раз переезжала, потому что ей не нравятся соседи, и она тусуется с Тессой, когда я занят. Так или иначе, последние несколько месяцев они дружат. Вот, в общем-то, и все. Может показаться, что мне известно довольно много, но на самом деле все это просто факты, ни о чем не свидетельствующие. А, да, она только что окончила кулинарную школу и работает с Тессой в одном ресторане.

И теперь могу добавить, что она любит трогать голые мокрые животы. Я отвернулся от зеркала и снова посмотрел на нее.

– Ты хочешь убедиться, что у меня нет сотрясения мозга? –

поинтересовался я.

Она кивнула, широко улыбнувшись. В уголках ее глаз – мелкие морщинки, а губы невероятно пухленькие, особенно когда она облизывает их языком. Влажные губы и такие глаза... Она убийственно хороша.

Она это знает.

И я знаю.

Все знают.

София из тех женщин, которые тебя пережуют и выплюнут, а ты будешь наслаждаться каждым мгновением процесса. Она постукивала указательным пальцем по нижней губе, а я по-прежнему хранил молчание. Она же не заигрывает со мной? Я в замешательстве. Мне не на что жаловаться, просто она запутала меня.

– Благодарю за беспокойство, – поблагодарил я Софию и подмигнул.

Неужели я действительно это сделал?

Я быстро отвел глаза, ужаснувшись, как мне пришлось в голову сделать такую глупость. Подмигнул? Мне это не свойственно, я наверняка выглядел как полный придурок.

Наши взгляды встретились глазами, ее губы разомкнулись. София сделала широкий шаг ко мне.

Я невольно отшатнулся, попятился и уперся поясницей в раковину.

– Ты такой хороший. – Ее голос был таким нежным, а глаза блуждали по моей обнаженной груди.

Слышать от того, кто просто источает сексуальность, слово «хороший» не особенно приятно. Вся она – от обворожительных губ до изгиба бедер – сплошное желание. Я всегда очень хороший. Ни одна женщина никогда не увлекалась мной и не называла сексуальным.

Нора подняла руку, от чего я слегка вздрогнул: вдруг она собирается дать пощечину за то, что я не раз представлял ее голую? Но она меня не ударила, возможно, потому, что ей были недоступны мои мысли, хотя я чувствовал себя полностью разоблаченным. Она постучала пальцем по кончику моего носа. От неожиданности я зажмурился, а когда открыл глаза, она уже отошла от меня.

И Нора без лишних слов вышла из ванной в коридор.

Я провел рукой по лицу, пытаюсь стереть из памяти последние пять минут... хотя последние две, может, и не стоило.

Раздался вопрос Тессы, все ли со мной в порядке. Откинув голову назад, я сделал глубокий вздох, закрыл дверь и со щелчком закрыл замок. На полу валялась порванная занавеска, а вся ванная выглядела так, словно в ней бушевал торнадо. Повсюду рассыпаны пластиковые кольца от

шторки, флакон с шампунем и жидкое мыло – на полу. Расставляя все по местам, не могу удержаться от смеха. Да уж, такое могло случиться только со мной!

Одежда, которую я принес, промокла: на рубашке – влажное пятно во всю спину, а шорты почти сухие. Натянув их, я собрал мокрые вещи, чтобы отнести их в свою комнату. Мои темные мокрые волосы почти высохли. Я причесался фиолетовой расческой Тессы и пригладил растительность на лице, которую с некоторых пор решил отращивать. Тессин ванильный лосьон маслянистый, но так хорошо пахнет, а я все время забываю купить собственный. К счастью, в шкафчике есть пластырь, чтобы заклеить порез.

Разумеется, это не обычный лейкопластырь, Тесса купила особый, охлаждающий.

Ура, жизнь налаживается!

Когда я вышел в коридор, на всю квартиру раздавался хохот Норы, а Тессу не было слышно. Она не смеялась с тех пор, как мы съехались, и это беспокоило меня. Но я понимал, что она должна сама справиться, и не торопил события. Тесса не из тех, кто следует чужим советам, тем более когда дело касается Хардина. Я задумался о нем и почему-то вспомнил, что завтра у меня дневная смена. Черт! Завтра рано вставать, надо поторопиться. Я бросил одежду в корзину для стирки в коридоре и отправился в кухню выпить воды и пожелать девушкам доброй ночи. Ведь это такое естественное желание – все исправить и закончить вечер, сделав вид, что мне больше нечего делать.

Тесса сидела на диване, положив ноги на подушку, а Нора лежала на ковре, завернутая, как буррито, в мое желто-бордовое гриффиндорское одеяло. Я склонился на телевизор. «Кексовые войны». Как всегда. Эти женщины не смотрят ничего, кроме кулинарных шоу и подростковых драм на кабельном канале. Честно говоря, некоторые мне тоже нравятся. Сериал про подростков – охотников за демонами – мой любимый, а еще люблю смотреть про приемную семью.

– Девчонки, вам нужно что-нибудь из кухни? – спросил я, перешагивая через ноги Норы, торчащие из-под одеяла.

– Воды, пожалуйста.

Тесса наклонилась к телевизору и поставила запись на паузу. На экране неподвижно застыла женщина с кудрявыми черными волосами, широко открытым ртом и поднятыми вверх руками. Она нервничала из-за подгоревших кексов или чего-то такого.

– А у тебя есть что-нибудь, кроме воды? – поинтересовалась Нора.

– Здесь не продуктовый магазин, – ответила Тесса, дразня подругу.

Нора вынула подушку из-под головы и запустила в нее.

Тесса улыбнулась и поймала подушку. Этого слишком мало. В норме она любит посмеяться.

Я не знал, что у нас есть из напитков, и, подняв вверх палец, пошел это выяснять. Ровными рядами выстроились бутылки. Да, Тесса следит за наполнением нашего холодильника, и, оказывается, у нас есть что предложить измученной жаждой душе, кроме воды.

– Гаторейд^[3], сладкий чай со льдом, апельсиновый сок! – перечислил я.

Неожиданно прямо у меня над ухом раздался голос Софии, я аж подскочил.

– Фу... Мне нравится только синий гаторейд, – произнесла она таким тоном, будто ее лично обидел мой любимый напиток.

– Фу? Как ты можешь такое говорить, София? – Я с недоверием посмотрел на нее и положил руку на открытую дверь холодильника.

– Легко. – Она улыбнулась, прислонившись к стойке. – И прекрати называть меня Софией, а то с этого момента я буду к тебе обращаться: Джордж Стрейт^[4].

– Джордж Стрейт?

Не могу сдержать смех. Из всех возможных имен она выбрала именно это... Ладно, это, очевидно, случайность.

Нора тоже тихонько рассмеялась, устремив на меня острый взгляд. Она отлично выглядит.

Нора-не-София пожала плечами:

– Предпочитаю Джорджа.

Надо посмотреть, как выглядит Джордж Стрейт. Не сомневаюсь, что раньше его видел, но мне с детства не доводилось слушать кантри.

Нора собрала волосы в «конский хвост», длинные локоны спадают на одно плечо, она в короткой рубашке, открывающей живот, и облегающих легинсах-капри. Честно говоря, прежде я был слишком озабочен собственной наготой и просто ее не замечал.

Она флиртует? Не уверен. Дакота всегда подшучивала над моим невежеством в вопросах женского кокетства. Мне больше нравится называть это чистотой и неопытностью. Если бы я понимал в амурных делах, то, возможно, превратился бы в одного из тех, кто одержим девушками. Я бы сомневался во всем, что говорю или делаю. Может, я даже стал бы чуваком, который укладывает волосы гелем, чтобы концы торчали, как иголки у ежа. Таких вечно показывают в обеденно-ресторанном шоу

вроде того, что Тесса с Норой смотрели вчера вечером. Но я не хочу прятать фантастические книги или скрывать, что могу пересказать каждый фильм про Гарри Поттера реплика за репликой. Не хочу казаться равнодушным, потому что я точно никогда таким не буду. Я всегда был чувствительным, и мне это нравится. Кроме того, я предпочитаю не конкурировать с миллионами совершенных мужчин, а вместо этого хранить на полках книги и, если повезет, найти женщину, которой они тоже нравятся.

Раз уж синего гаторейда у нас не оказалось, я попытался соблазнить Нору своим любимым красным.

– Ты такой немногословный, – услышал я.

Нора взглянула на бутылку, в недоумении подняла бровь и покачала головой.

Я промолчал.

– Мне кажется, это лучше, чем вода.

В ее нежном голосе не слышалось ни малейшего недовольства, несмотря на явно серьезные проблемы с гаторейдом. Меня мучило любопытство: что она еще любит? Есть ли другие сладкие напитки, против которых она затаила нелепую обиду? Неожиданно мне захотелось это узнать. Пока я заранее готовился к защите любимых энергетиков, которые она, похоже, терпеть не может, Нора открутила крышку на красной бутылке и сделала глоток.

Спустя мгновение она сказала:

– Да, – пожала плечами и, отхлебнув еще, отвернулась и ушла.

Она странная. Не такая, как те девушки, что живут с мамой и коллекционируют мягкие игрушки. Просто я не могу разобраться, какая она, и мне совершенно непонятно, что значили эти неловкие паузы и случайные прикосновения, хотя вообще-то я хорошо разбираюсь в людях.

Но вместо того, чтобы разгадывать романтический шифр, я взял из холодильника воды и отправился к себе дописывать эссе, а потом лег спать.

Глава четвертая

Утро наступило быстро. Я заснул после полуночи и проснулся в шесть. Сколько часов сна рекомендуют докторы? Семь? До идеала мне не хватает процентов тридцать. Это, безусловно, много. Но я привык ложиться поздно, а просыпаться рано и настоящим ньюйоркцем стану не скоро. В Бруклине я каждый день пью кофе, постепенно начинаю ориентироваться в метро и уже научился уворачиваться от мамаш с детскими колясками.

Тесса набирается опыта одновременно со мной, хотя между нами есть одно, возможно, важное отличие: я даю меньше денег бездомным, которых встречаю по дороге в колледж. А Тесса, возвращаясь с работы, жертвует половину своих чаевых. Не то чтобы мне все равно или я не был склонен оказывать помощь нуждающимся, просто я предпочитаю при возможности угощать их кофе или кексами, а не снабжать деньгами, чтобы не поддерживать потенциальные вредные привычки. Мне понятны чувства, с которыми Тесса вручает бездомному пятидолларовую банкноту. Она искренне надеется, что тот купит еды или то, что ему необходимо. В этом я совсем не уверен, но не хочу с ней спорить. Возможно, Тесса придерживается другого мнения, но я знаю, что она поступает так по личным причинам. Тесса нашла своего отца, давно ушедшего из семьи, когда тот жил на улице. Они познакомились незадолго до того, как отец снова начал употреблять наркотики и умер. Это было чуть меньше года назад. Моя подруга тяжело переживала потерю, и, думаю, помощь незнакомцам облегчает боль от незатянувшейся раны.

За каждый пожертвованный доллар она получает в награду улыбку, благодарность или благословение. Тесса из тех, кто старается видеть в людях только хорошее. У нее щедрое сердце, поэтому и от других она ждет бескорыстия и доброты, надеясь, что в глубине души все люди милосердны. По-моему, таким образом она пытается оправдаться перед собой за неудавшиеся отношения с отцом, а возможно, и с Хардином, одним из самых сложных из известных мне людей. Конечно, так считать наивно, но Тесса – моя подруга, а это единственная позитивная мысль, которая поддерживает ее в последнее время. Ее серые глаза опухли от бессонницы. Она изо всех сил старается вернуться к жизни после постигших ее несчастий: мучительного разрыва с любимым, смерти отца и провала при поступлении в университет.

Слишком много испытаний для одного человека. Год назад, когда мы только познакомились, Тесса была совсем другой. Внешне она не изменилась: красивая блондинка с выразительными глазами и нежным голосом. Высокий средний балл аттестата давал ей все шансы стать студенткой. Стоило нам начать общаться, и я тут же почувствовал, что встретил женскую версию самого себя. Мы первыми пришли на лекцию в первый день занятий в колледже, разговорились и моментально сблизились. Наши отношения стали еще более доверительными, когда завязался роман с Хардином. Я был свидетелем их любви и скорого расставания.

Я видел, как они ссорились и мирились, как они сходили с ума от страсти и терзали друг друга снова и снова. Я то вставал на сторону Хардина, то поддерживал Тессу, так что в этой войне мне тоже досталось. Отношения между ними были слишком сложными и запутанными, поэтому теперь я беру пример с Беллы Свон и сохраняю нейтралитет, как Швейцария.

Ой, я упомянул «Сумерки»! Мне нужен кофеин. Сейчас же.

В кухне я увидел Тессу, сидевшую за нашим маленьким столом с телефоном в руке.

– Доброе утро, – кивнул я и включил кофеварку.

С тех пор, как я устроился на работу в «Мельницу», во мне появился своего рода кофейный снобизм. Это не мешает, когда твоя соседка по квартире – такая же страстная поклонница благородного напитка. Она не такая требовательная, но любит кофе даже больше меня.

– Доброе утро, солнышко, – ответила Тесса рассеянно.

Сначала она едва взглянула на меня, оторвав взгляд от мобильного, но заметила глубокий порез над моей бровью, и на ее лице появилась тревога. Проснувшись, я снял пластырь и намазал рану мазью.

– С головой все в порядке, но, черт возьми, мне так стыдно!

Я насыпал бразильского кофе в кофеварку. Машина занимает половину свободного пространства между бежевым холодильником и микроволновкой, но мы не можем без нее обойтись.

Тесса улыбнулась, прикусив губу.

– Да уж, – согласилась она, прикрывая рот, чтобы скрыть усмешку.

Я был бы рад, если бы она рассмеялась... Я хочу, чтобы она вспомнила, что такое веселье.

– Налить еще? Ты сегодня работаешь? – спросил я, заметив на столе пустую крохотную чашечку.

Вздохнув, Тесса подняла со стола мобильник и тут же положила

обратно.

– Да.

Глаза опять красные от слез. Этой ночью я не слышал плача, но это ничего не значит. В последнее время ей лучше удастся скрывать переживания. Во всяком случае, она так думает.

– Да, налей, пожалуйста, и да, работаю, – ответила Тесса. Покашляла и, опустив глаза, спросила: – Ты не знаешь, когда приедет Хардин?

– Нет. Мы не виделись несколько недель. Ты же его знаешь. – Я пожал плечами. Если кто и знает Хардина, то это Тесса. – Ты уверена, что не против этого? Только скажи – и я поселю его в гостинице или еще где-нибудь, – предложил я.

Я не хотел создавать ей проблем в собственном доме. Хардин, конечно, на меня обидится, но мне по барабану.

Она изобразила улыбку.

– Нет, нет, все нормально. Это же твоя квартира.

– И твоя тоже, – напомнил я ей.

Я поставил первую чашку эспresso для Тессы в морозильник. Последнее время она пьет только холодный кофе. Подозреваю, что все, даже горячий кофе, напоминает ей о бывшем.

– Возьму в ресторане дополнительные смены. Обучение почти закончилось. Сегодня я буду готовить обед и ужин.

Я очень переживаю за подругу, и собственное одиночество сейчас не кажется мне такой уж драмой по сравнению с разбитым сердцем Тессы.

– Если ты передумаешь...

– Нет, все в порядке. Сколько это длилось? – она пожала плечами. – Четыре месяца или вроде того?

Ложь была видна невооруженным взглядом, но если я скажу ей об этом, ничего хорошего не выйдет. Иногда лучше просто не вмешиваться и делать вид, что не замечаешь, что скрывает Тесса, если ей так легче.

Эспresso обжег горло. Очень вкусный и крепкий. Внезапно я почувствовал себя намного бодрее, чем две секунды назад. Да, я понимаю, что это самовнушение, но мне плевать.

Я оставил чашку в раковине и стянул толстовку со спинки стула. Мои кроссовки стояли у двери в ровном ряду вместе с другой обувью. Тесса постаралась.

Впрыгнув в них, я вышел из дома.

Глава пятая

В бодрящем воздухе уже чувствуется наступление осени. Осень – мое любимое время года. Каждый раз я с нетерпением жду этот сезон перемен, мне нравится наблюдать, как зеленые листья постепенно желтеют, нравится запах кедра, заполняющий улицы. Футбольный сезон заканчивается, а хоккейный начинается, моя жизнь становится интереснее. Обычно ожидание нового спортивного сезона начиналось так: вместе с мамой во дворе мы сгребали опавшую листву в огромные грязные кучи и, напрыгавшись по ним вдоволь, запихивали их в пластиковые пакеты с нарисованными на них рыжими тыквенными рожицами.

Листьев всегда было много, потому что перед домом росли две большие березы. Вообще-то осень в Мичигане длится недолго. Без перчаток и пальто мы успевали сыграть лишь пару раз. Хотя и грустно было видеть, как осень близится к концу, но мороз, пощипывающий кожу, я тоже люблю. В отличие от большинства людей, зимой я чувствую себя вполне комфортно. Для меня холод означает спорт, каникулы и кучи сладостей на кухонном столе. Дакота всегда терпеть не могла мороз. Красный нос и сухие волосы приводили ее в бешенство. Она выглядела прекрасно в любое время года, даже когда натягивала на себя несколько свитеров. Клянусь, она начинала носить варежки с сентября.

Так случилось, что самое лучшее место для бега в Бруклине расположено достаточно далеко от моего дома. Парк Маккаррен соединяет два лучших района города: Гринпойнт и Уильямсберг. В этой части Бруклина часто попадаются длинные бороды и клетчатые фланелевые рубашки, как у дровосека. Местные носят очки в черных оправках и держат крошечные ресторанчики с приглушенным освещением и маленькими красивыми тарелками. Мне непонятно, почему двадцатилетним парням нравится одеваться так, словно им семьдесят, но еда, которую здесь готовят, стоит того, чтобы оказаться в толпе мужиков с усами, напоминающими велосипедный руль. Путь туда занимает немногим больше двадцати минут, поэтому обычно я бегу всю дорогу до парка, там накручиваю круги еще час и, сбавляя темп, возвращаюсь домой.

Я обогнал женщину, бегущую с маленьким ребенком в прогулочной коляске. У меня ноет колено, но если она может заниматься спортом с малышом, то и я смогу. Через пару минут тупая боль в ноге превратилась в пульсирующую и стала ощутимее. Тридцать секунд спустя я почувствовал

резкие прострелы в каждой мышце. Каждый шаг напоминает мне о вчерашнем падении в душе. Плевать.

Сегодня выходной, и, несмотря на ногу, мне не хочется сидеть дома в первую субботу после устройства на работу. Тесса – в ресторане. Ее смены отмечены в маленьком органайзере на холодильнике, но она, на всякий случай, меня еще и предупредила. Я решил позвонить маме, присел на скамейку и вынул телефон. Маме скоро рожать, и, мне кажется, я на расстоянии чувствую, как она нервничает. Уверен, она будет самой лучшей мамой для моей младшей сестренки, хотя она сама сомневается в своих силах.

Не отвечает. Итак, единственная подруга занята, а мама не берет трубку. Что же делать? Я всегда был неудачником. Кроссовки стучат об асфальт, и я начинаю считать шаги. Боль в колене утихла, когда я сбавил темп.

– Осторожнее слева! – прокричала женщина, пробежавшая мимо.

Она беременна, а из коляски выглядывают еще два пухленьких малыша. Да, у нее немало забот. Сейчас в Бруклине модно иметь много детей и повсюду брать их с собой. Я встречал людей с колясками даже вечером в баре.

Мне нечего делать. Да, я, двадцатилетний студент колледжа, живу в самом, как считают многие, замечательном городе мира, и в выходной мне совершенно нечем заняться.

Мне жаль себя. Но не до такой степени, чтобы попытаться завязать новые знакомства. Я просто не умею заводить друзей. Нью-йоркские студенты не так приветливы, как учащиеся университета Западной Каролины, и если бы Тесса не заговорила со мной первая, у меня, возможно, и вовсе не было бы друзей. Она – первый человек, с которым я сблизился после смерти Картера.

Хардин не в счет, с ним с самого начала было трудно. Он вел себя так, будто люто ненавидел меня, но я чувствовал, что все не так однозначно и за этим что-то кроется. На самом деле все это было из-за моих отношений с его отцом, которые стали для Хардина воплощением всего, чего так не хватало ему самому. Сейчас я понимаю, что он просто завидовал. Хардин считал несправедливым, что я получил улучшенную версию его отца, в прошлом алкоголика и морального садиста. Он ненавидел меня за то, что я люблю спорт так же, как его отец. Он терпеть меня не мог, потому что его отец переехал жить в большой дом к нам с мамой, Хардин высмеивал автомобиль, который мне подарил отчим. Я понимал, что подружиться со сводным братом будет нелегко, но даже не предполагал, что со временем

смогу взглянуть на все его глазами и почувствовать его боль. Ведь и мое детство было не таким безоблачным, как ему казалось.

Мой отец умер раньше, чем я смог узнать его, и все вокруг старались компенсировать его отсутствие. Мама не переставая рассказывала о нем разные истории. Отца звали Ален Майкл, и, по ее словам, он был очень симпатичным парнем с длинными каштановыми волосами, который мечтал стать рок-звездой. Я скучал по отцу, хотя, в сущности, его не знал. Мама говорила, что он был скромным человеком и умер естественной смертью совсем молодым, когда ему было двадцать пять, а мне исполнилось всего два года. Боль Хардина была совсем иного рода, но я всегда считал, что глупо соревноваться в несчастьях.

И все-таки главное, чем различалось наше детство, – это матери. Моей посчастливилось найти в городе хорошо оплачиваемую работу, кроме того, мы могли рассчитывать на страховые выплаты от завода, где работал отец. А мать Хардина выбивалась из сил, чтобы свести концы с концами. Их материальное положение было несоизмеримо хуже.

Мне трудно представить своего отчима Кена таким, каким его знал Хардин. Сколько я его знаю, он всегда был добрым, веселым и трезвым, как секретарь Колумбийского университета. Он боготворит мою маму и очень много для нее делает. Хардину было трудно принять, что его отец может любить другую женщину больше выпивки, но сейчас он считает иначе. Если бы Кен мог, он еще раньше сделал бы выбор в пользу сына, а не бутылки. Но иногда люди не так сильны, как нам хочется. Боль мучила Хардина и превращалась в гнев, который он не мог сдерживать.

Когда же Хардин и все мы узнали, что Кен не его родной отец, мукам моего сводного брата пришел конец. Он перестал обвинять других в собственных проблемах и решил взять на себя ответственность за свою жизнь, за свои поступки, за самого себя. Хардину помогает в этом психотерапевт, и это очень радует меня и мою маму. Она любит этого сердитого парня как родного.

Я прошел мимо парочки, которая, взявшись за руки, гуляла с собакой. Это зрелище вызвало у меня новый прилив жалости к себе. Может, нужно встречаться с девушками? Но я даже не знаю, как это делать. Мне бы хотелось романтических отношений, но я не уверен, что смогу увлечься кем-то, кроме Дакоты. Вся эта любовная кутерьма так изнурительна, да и Дакота порвала со мной только полгода назад. Интересно, она с кем-нибудь встречается? Или собирается? Не представляю, что кто-то может узнать меня лучше Дакоты или сделать меня таким же счастливым. Мы знакомы так давно, что потребуются годы, чтобы кто-то стал мне так же

близок, как она... когда-то.

Понимаю, что ждать годы не могу: я не молодею. Но мысли о Дакоте не позволяют двигаться дальше.

Парочка остановилась для поцелуя. Я улыбнулся и отвел взгляд. Я рад за них. И рад, что этим незнакомым людям не придется проводить ночи в одиночестве и мастурбировать в душе.

Ха, какие горькие мысли!

Я стал как Хардин.

Кстати, о Хардине. Я же могу ему позвонить и убить минимум пять минут, пока он не повесит трубку. Я вынул телефон из кармана и, найдя его имя, нажал кнопку.

– Да? – после первого же гудка услышал я.

– И это твой самый теплый привет?

Я перешел на другую сторону улицы, продолжая свою бесцельную прогулку по окрестностям. Все равно я хотел лучше узнать этот район, почему бы не начать сегодня?

– Я бы на другой не рассчитывал. Чего тебе?

Разъяренный таксист возмущенно закричал на пожилую женщину, которая слишком медленно переходила дорогу перед его машиной.

– Собственно, сейчас я смотрю на себя в будущем.

Я рассмеялся над собственным сарказмом, продолжая смотреть на дорогу: хотел убедиться, что женщина благополучно доберется до тротуара.

Хардин не засмеялся и не поинтересовался, о чем я, черт подери, говорю.

– Просто мне скучно, и я хотел бы обсудить твой приезд, – продолжил я.

– А что? Я еще не забронировал билет, но рассчитываю быть числу к тридцатому.

– Сентября?

– Разумеется.

Я практически вижу, как он закатывает глаза.

– Ты остановишься в отеле или у меня?

Старуха пересекла наконец дорогу, поднялась по ступенькам и вошла, думаю, в свой дом.

– А она чего хочет? – понизив голос, осторожно спросил Хардин. Он уже давно не произносит имени Тессы.

– Она говорит, что не против, если ты поживешь у нас, но если она передумает, ты понимаешь, тебе придется съехать.

Я одинаково отношусь к ним обоим, но в данной ситуации я

предпочитаю помочь Тессе. Это ее плач я слышу по ночам. Это она старается изо всех сил начать новую жизнь. Я не дурак и понимаю, что Хардину, возможно, еще хуже. Но Хардина поддерживают другие, и у него есть психотерапевт.

– Да, черт, понимаю.

Меня нисколько не удивляет его раздражение. Все, кто пытается помочь Тессе, вызывают у него неприязнь. Он считает, что это его обязанность. И не понимает, что именно от него я стараюсь ее защитить.

– Я не собираюсь делать глупости. У меня назначено несколько встреч, кроме того, я, возможно, немного потусуюсь с вами. Честно говоря, я рад просто жить с ней в одном штате.

– Какие встречи? Ты собираешься сюда переехать?

Очень надеюсь, что нет. Я не готов снова оказаться в центре военных действий. Я думал, у меня будет, по крайней мере, несколько месяцев до того, как эту парочку снова соединят волшебные силы безумия.

– Да нет, черт побери. Это всякая ерунда по работе. Я расскажу тебе, когда будет время, но не сейчас. Кто-то звонит мне по другой линии. – Он дал отбой раньше, чем я успел ответить.

Таймер на экране показывал пять минут двенадцать секунд. Рекорд. Перехожу улицу, закидываю мобильник в карман. Добравшись до угла, решил осмотреться, чтобы сообразить, где нахожусь. Ряды таунхаусов из красного кирпича и особняков из песчаника по обеим сторонам улицы. В конце квартала – маленькая картинная галерея, через окна которой можно разглядеть яркие разноцветные абстрактные фигуры на полотнах, подвешенных на шпагате. Я никогда там не бывал и могу только догадываться, сколько стоят эти шедевры.

– Лэндон! – донесся знакомый голос с противоположной стороны улицы.

Взглянув на тротуар, я увидел Дакоту. Черт побери эту женщину и ее манеру одеваться! На ней вчерашние облегающие леггинсы, те же спортивные шорты и топ. Грудь у нее более чем скромных размеров, но самая упругая из тех, что я видел. Не то чтобы я эксперт по буферам, но ее великолепны.

Пересекая перекресток, Дакота машет мне рукой, и если эта встреча не рука судьбы, то я не знаю, что это.

Глава шестая

Едва приблизившись, Дакота обвила мою шею руками и прижалась ко мне. Наши объятия длятся несколько дольше обычного. Отодвинувшись, она прислонилась головой к моему плечу. Она почти на тридцать сантиметров ниже меня, и я всегда любил ерошить ее густую кудрявую шевелюру, добавлявшую немного роста на фотографии в водительском удостоверении.

Сегодня волосы всклокочены больше обычного, а нос покраснел, хотя еще не очень холодно, правда, ветрено и от пролива Ист-Ривер тянет свежестью.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался я.

Она живет в Манхэттене, а я вижу ее в Бруклине уже второй раз на этой неделе.

– Бегаю. Через манхэттенский мост и дальше, вдоль железной дороги.

Наши глаза встретились, и она быстро перевела взгляд на мой лоб.

– Что случилось с твоим лицом? – Она прикоснулась к ране, и я поморщился.

– Длинная история. – Коснувшись пальцами больного места, я почувствовал припухлость вокруг пореза.

– Ты ввязался в уличную драку по дороге? – пошутила Дакота.

Сердце затрепетало в груди. Я скучаю по ней даже сейчас, когда она рядом. Ничто на свете не заставило бы меня рассказать, что на самом деле произошло с моей головой. Или коленом. Эх, какой же я придурок, когда гляжу на нее и вспоминаю, как мечтаю о ней каждый раз, когда занимаюсь самоудовлетворением.

– Не совсем, – я отрицательно покачал головой, – упал в душе. Но твоя версия мне больше нравится. Звучит точно круче, – рассмеялся я, глядя на Дакоту.

Мой ответ польстил ей, и Дакота, привстав на носки, ударила по асфальту пятками розовых, в цвет к ее крошечным шортам, «найков». Замечаю, что желтый фирменный знак на обуви гармонирует с коротким топом.

– Так что ты собираешься делать? Хочешь кофе или еще чего-нибудь? – спросила она.

Она смотрела на другую сторону улицы, на влюбленную парочку, которую я встретил раньше. Все так же держась за руки, они брели по

улицам Бруклина. Парень кутал девушку в свой пиджак и целовал ее волосы – весьма романтическая сцена. Дакота снова посмотрела на меня. Хотелось бы мне знать, о чем она думает в эту минуту. *Может, она скучает по мне? Может, глядя на эту счастливую пару и их сплетенные руки, она хочет вернуть нашу любовь?*

Она хочет со мной погулять. Что это значит? Я абсолютно не занят, но, возможно, лучше сделать вид, что у меня хватает дел помимо учебы и работы.

– Сейчас у меня есть немного свободного времени, – пожал я плечами.

Дакота взяла меня под руку, и мы пошли вдоль улицы. Неторопливо шагая, я соображаю, как бы начать разговор, чтобы вышло не очень неловко. Говорю «не очень», потому что если кто и может превратить обычную ситуацию в конфуз, так это я.

Два квартала до «Старбакса» Дакота преодолевает молча. Мне кажется, с ней что-то не так.

– Ты замерзла?

Следовало спросить ее об этом раньше. Ей, должно быть, холодно, она легко одета.

Дакота подняла на меня глаза и, несмотря на покрасневший, как у олененка Рудольфа из одноименного мультфильма, нос, выдававший ее, отрицательно покачала головой.

– Возьми, – мягко отстранившись от Дакоты, я стянул через голову толстовку и отдал ей.

Меня тронуло за живое, когда она понюхала грубую ткань, как раньше. Она обожала носить мои худи и все время таскала их у меня в школе. Мне приходилось покупать их каждую неделю, чтобы не остаться раздетым.

– Ты по-прежнему пользуешься «Спайсбомб», – заметила она.

На первое наше Рождество она купила мне первый флакон этого одеколона и потом дарила каждый год.

– Да. Некоторые вещи не меняются.

Смотрю, как она натягивает мою толстовку. На свет появляется макушка, и я помогаю Дакоте вытащить кудри из кофты. Худи достает до колен.

Дакота посмотрела на надпись. «Дары смерти». Потрогала кончик треугольника неокрашенным ногтем.

– Некоторые вещи действительно не меняются.

Я думал, что она улыбнется, но лицо осталось серьезным.

Она снова понюхала толстовку.

– Тебе нравится запах или у тебя там спрятана заначка?

На этот раз Дакота рассмеялась, но мне опять показалось, что она расстроена.

– Ты занимай столик, а я пойду за кофе.

Так мы обычно делали в Сагино: она выбирала место, как правило, у окна, а я заказывал наши любимые напитки. Двойной мокко-фраппучино с дополнительной порцией сахарного сиропа для нее и двойной крепости для себя. Я всегда покупал два лимонных кекса, и она съедала глазурь с моего.

Мой вкус за эти годы изменился. Я больше не могу пить сладкий молочный коктейль, замаскированный под кофе. Заказал ей фраппучино, взял себе американо и два лимонных кекса. В ожидании заказа смотрю на Дакоту. Она сидит за столом, подперев подбородок руками, с задумчивым неподвижным взглядом.

– Мокко фраппе и американо для... Лондона!

Симпатичная задорная бариста называет имя с ошибкой. Она поставила напитки на стойку с широкой улыбкой, как все сотрудники, кто старается получить от начальства в награду фирменный брелок с русалкой.

Я подошел к столу, Дакота слегка привстала. Выдал ей большой пластиковый стакан, а она с интересом посмотрела на мой.

– Что там?

Я сел напротив, и она потянулась губами к моему кофе.

– Тебе не понравится, – предупредил я.

Но поздно: она закрыла глаза и скривилась. Дакоте очень хотелось сплунуть, но она удержалась. Стараясь проглотить смесь воды с эспрессо, наполнившую ее щеки, она стала похожа на очаровательную маленькую белочку.

– Фу! Как ты можешь это пить? – воскликнула она наконец.

Я пододвинул к Дакоте ее стакан.

– У него вкус прямо как у дегтя, фу! – Она всегда любила драматизировать.

– Мне нравится, – потягивая кофе, я пожал плечами.

– И давно ты пьешь такой странный кофе? – Дакота снова сморщила нос в гримасе отвращения.

Я засмеялся.

– Он не странный. Здесь только вода и эспрессо, – сказал я, защищая свой любимый напиток.

Она фыркнула.

– Для меня странный.

В ее словах чувствовалось еще что-то. Трудно определить точно, но похоже, что она за что-то на меня злится, хотя я не понимаю, в чем моя

вина.

Как будто мы все еще встречаемся.

– А я купил тебе лимонные кексы. Две штуки.

Я пододвинул к ней через стол коричневый бумажный пакет. Дакота покачала головой и вернула его на мой край стола.

– Я больше не могу есть такие штуки. Этот кофе – мой завтрак. – Она поморщила нос, и я вспомнил ее жалобы на рацион, принятый в академии. Ей приходится соблюдать строгую диету, и лимонный кекс в нее точно не входит. – К сожалению.

Скривившись, я завернул пакет, чтобы взять кексы домой и съесть их позже, когда Дакота не будет свидетелем моего чревоугодия.

– Как поживаешь? – поинтересовался я после затянувшейся паузы, как будто никто из нас не знал, о чем разговаривать, когда мы уже не пара.

Мы вели себя как чужие. До того как Дакота стала моей девушкой, мы много лет дружили. Ее брат был моим лучшим другом, и это сближало нас еще больше. Чувствуя, как по спине бегут мурашки, я ждал ответа.

– У меня все в порядке.

Она вздохнула, прикрыв на мгновение глаза. Мне стало ясно, что она лжет.

Я вытянул руку и положил на стол. Мне так хотелось прикоснуться к ней, но это было бы неуместно.

– Ты знаешь, что можешь сказать мне всё.

Она снова вздохнула, не принимая помощь.

– Надеюсь, ты помнишь, что я твой безопасный причал? – напомнил я Дакоте.

Когда я впервые увидел ее в слезах, с окровавленной головой на крыльце, я поклялся, что всегда буду защищать ее. Ни время, ни наш разрыв не могут изменить данного мной обещания. Но это было не то, что Дакота хотела услышать.

– Нет, – оттолкнула она мою руку. – Мне не нужен причал, Лэндон, мне нужно... Ну, я сама не знаю, что мне нужно, потому что моя жизнь летит ко всем чертям, и я не знаю, как все исправить.

Ее глаза потемнели. Она ждала моего ответа.

Ее жизнь летит ко всем чертям? Что это вообще значит?

– Как же так? Дело в академии?

– Я говорю обо всем, буквально обо всем.

Не понимаю. Возможно, потому, что она не рассказала мне ничего, что позволило бы мне понять, как ей помочь.

Когда мне исполнилось пятнадцать, я осознал, что готов ради Дакоты

на все. Я специалист. Я тот, кто поможет все исправить. Поможет каждому, особенно девушке с вьющимися волосами, жившей по соседству с мерзавцем-отцом и братом, который мог получить трепку, только попытавшись что-то сказать. И вот пять лет спустя мы уже вдали от нашего неторопливого тлетворного города и от того придурка, а некоторые вещи остались прежними.

– Скажи, что я могу сделать.

Я положил свою руку поверх ее, и она тут же отдернула руку, как я и ожидал. Я не стал настаивать. Я никогда не настаивал.

– Я не получила роль, над которой изо всех сил работала последние два месяца. Я думала, она моя. У меня снизился средний балл из-за бесконечных репетиций перед просмотром. – Она с усилием выдохнула и снова закрыла глаза.

– И что случилось на просмотре? Почему тебе не дали роль? – Мне нужно больше подробностей, чтобы найти решение.

– Потому что я не белая, – ответила Дакота громко и убежденно.

Ее ответ вызвал прилив раздражения. С этим я ничего не мог поделать. Я на многое способен, но, как бы я этого ни хотел, мне не под силу истребить невежество.

– Они так и сказали?

Я невольно понизил голос. Разве можно, в самом деле, говорить такие вещи студентам?

Она покачала головой, задыхаясь от досады.

– Им и не нужно было. На все ведущие роли выбирают белых. Я от этого так устала.

Я откинулся на спинку стула и отпил кофе.

– Ты говорила с кем-нибудь? – неуверенно спросил я.

Мы и раньше об этом говорили. Несколько раз. Представители смешанной расы на Среднем Западе не сталкивались с подобными проблемами, по крайней мере, по соседству от нас или в школе, где мы учились. Обитателей Сагино не волновал расовый вопрос. Сам я жил в районе, где преобладало черное население. Однако, бывало, нас с Дакотой спрашивали, почему мы вместе.

– Почему ты встречаешься только с белыми? – спрашивали ее друзья.

– Почему бы тебе не встречаться с белой девушкой? – интересовались плохие девочки с белыми карандашами и гелиевыми ручками в поддельных дизайнерских сумках из «Кеймарта». Впрочем, ничего не имею против «Кеймарта», мне всегда нравился этот магазин, пока не закрылся. Ну, кроме липких полов – хуже не бывает.

Несколько секунд Дакота шумно тянула коктейль через соломинку. Когда она допила, в уголках ее губ остались следы от взбитых сливок. Я подавил желание аккуратно их стереть.

– Помнишь, как мы часами сидели в «Старбаксе» в Сагино?

Она, как всегда, не хочет говорить о том, что ее действительно беспокоит. Я не настаиваю. Как обычно.

Я кивнул.

– И мы каждый раз назывались разными именами, – рассмеялась Дакота. – А помнишь, как продавщица разозлилась, потому что не могла выговорить «Гермиона» и отказалась писать наши имена на чашках?

Она рассмеялась по-настоящему, и неожиданно я снова почувствовал себя пятнадцатилетним, убегающим вслед за озорной Дакотой, которая, перегнувшись через прилавок, утащила маркер прямо из передника продавщицы. В тот день падал снег, и до дома мы добрались, с ног до головы забрызганные грязью. Дакота напугала мою маму, когда, взбегаая по нашей старой лестнице, закричала, что мы спасаемся от полиции.

Нами овладели воспоминания.

– Мы на самом деле думали, что копы будут тратить время на двух подростков, укравших маркер.

Несколько посетителей поглядывали в нашу сторону, но они быстро нашли в людном кафе другой объект для наблюдения, более интересный, чем странное свидание двух бывших.

– Продавщица сказала Картеру, чтобы мы больше никогда там не появлялись, – добавила Дакота, становясь все мрачнее.

Упоминание о Картере вызвало у меня покалывание в затылке.

Дакота, должно быть, увидела что-то в моих глазах, потому что, потянувшись через стол, она положила руку поверх моей. Она всегда так делала.

Я последовал ее примеру и сменил тему:

– Неплохо мы жили в Мичигане.

Дакота наклонила голову, свет от лампы упал на ее волосы, и они засветились. До сих пор я не осознавал, насколько одинок был все это время. С последнего приезда Дакоты в Вашингтон никто не прикасался ко мне, не считая мимолетного эпизода с Норой. Никто не целовал. Даже не обнимал, исключая Тессу и маму.

– Да, до тех пор, пока ты меня не оставил.

Глава седьмая

Интересно, можно ли по выражению моего лица хоть отчасти понять, что я чувствую. Меня бы это не удивило. От слов Дакоты я дернул головой. Она понимала все, о чем я думал. И я ждал, что она возьмет назад свои жестокие слова.

– Что? – невозмутимо спросила она.

Не может быть, чтобы она в самом деле...

– Я не хотел уезжать... у меня не было выбора, – тихо возразил я.

Надеюсь, она чувствует искренность сказанного.

Парень за соседним столом бросил на нас быстрый взгляд и вновь уткнулся в ноутбук.

Я взял ее руки, лежащие на столе, в свои и мягко сжал, стараясь не пропустить ни одного движения. У нее неприятности в академии, поэтому она проецирует гнев и огорчение на меня. Она всегда так поступала, а я всегда позволял ей это.

– Это не меняет того, что ты сделал. Ты уехал, Картер умер, а мой отец...

– Если бы мое мнение кого-нибудь интересовало, я бы не поехал. Но мама переезжала и не хотела оставлять меня в Мичигане одного, несмотря на то что я учился в выпускном классе. Ты же знаешь.

Я стараюсь быть с ней деликатным, как с раненым животным, которое в отчаянии бросается на всех, кто приближается.

Гнев Дакоты мгновенно исчез.

– Да, конечно, прости. – Она со вздохом расслабила плечи и посмотрела на меня.

– Ты всегда можешь поговорить со мной обо всем, – напомнил я.

Я прекрасно понимаю, каково это: чувствовать себя маленьким человечком в огромном городе. Я никогда не слышал, чтобы Дакота упоминала каких-нибудь подруг, кроме Мэгги. Насколько мне теперь известно, она по какой-то странной причине общается с Эйденем, но не думаю, что мне хочется знать об этом больше. Ее манера общения...

Дакота бросила взгляд на дверь и снова вздохнула. В жизни не слышал, чтобы кто-нибудь так часто вздыхал.

– Все в порядке. Все будет в порядке. Просто, видимо, нужно было выговориться.

Для меня этого слишком мало.

– Нет, не в порядке, Фасолька, – возразил я, невольно назвав ее старым прозвищем.

Она вздрогнула и робко улыбнулась. Откинувшись на спинку стула, я наслаждался вновь возникшей между нами близостью. Дакота расслабилась, и я перестал чувствовать себя рядом с ней неловко.

– Правда? – Дакота пододвинула свой стул поближе к моему. – Просто это был удар по больному месту.

Я молча улыбнулся и покачал головой. Назвав ее прозвищем, я не стремился получить какие-то преимущества. Однажды я случайно назвал ее этим словом, честно говоря, сам не знаю почему, и оно к ней так и пристало. В тот раз она растрогалась и сейчас тает от умиления. Прозвище вырвалось неожиданно, но не скажу, что я не обрадовался, когда Дакота положила голову мне на плечо и взяла меня под руку. Это глупое имя всегда производило такой эффект. И я был счастлив.

– Ты такой накачанный, – сказала она, трогая мои бицепсы. – Когда ты успел?

Я много тренировался, и было бы нечестно говорить, будто я не хотел, чтобы она заметила. Но сейчас, услышав ее слова, я несколько смутился.

Дакота поглаживала мою руку, а я аккуратно отстранял ее волосы от своего лица.

– Ну, не знаю, – ответил я наконец, и мой голос прозвучал гораздо нежнее, чем я ожидал. Ее пальцы продолжали бегать по моей коже, описывая воображаемые фигуры. От удовольствия у меня побежали мурашки по телу. – Я постоянно занимаюсь в тренажерном зале при моем доме. И бегаю почти каждый день.

Ее прикосновения так приятны. Я забыл, как здорово просто с кем-то общаться, не говоря уже о счастье ощущать тепло другого человека. В памяти всплыл ноготь Норы, танцующий по моему животу, и я затрепетал. Прикосновения Дакоты иные, куда нежнее. Она знает, что мне нравится и к чему привык. Нора меня волновала, а Дакота успокаивала. Почему я думаю о Норе?

Дакота продолжает ласково гладить мою руку, а я пытаюсь выкинуть Нору из головы.

Мне немного неловко из-за ее внимания, но в то же время очень приятно, что она заметила результат тренировок. За последние два года я полностью изменил свое тело, и я рад, что Дакота, кажется, оценила мои усилия. Она всегда была красивее меня, и, возможно, глядя на мою новую фигуру, она захочет прикасаться ко мне чаще, может, даже будет проводить со мной больше времени.

Эта мысль – признак отчаяния, но мне больше нечем сейчас удержать Дакоту.

Она стала еще привлекательнее, думаю, с годами она будет только расцветать. Мы строили большие планы на будущее. Дакота хотела двоих детей, я склонялся к четверем. С тех пор все так изменилось, но мысль о том, чтобы вместе повзрослеть и осуществить все наши мечты, показалась такой осязаемой.

Любому жителю маленького города на Среднем Западе яркие огни и огромные города могут показаться абсолютно неправдоподобными. Но не Дакоте.

Дакота всегда хотела большего. Ее мать была начинающей актрисой, поэтому отправилась в Чикаго, чтобы получить роль и стать великой звездой. Но этому не суждено было сбыться: город украл душу матери Дакоты, она пристрастилась к богемным удовольствиям. Она так и не смогла вернуться к нормальной жизни, и Дакота всегда была полна решимости осуществить то, чего не достигла ее мать.

Дакота склонилась еще ближе. Ее волосы щекотали мой нос, и я откинулся на спинку стула.

– Завтра моя сегодняшняя слабость покажется смешной, – сказала она, снова выпрямляясь и меняя тему разговора.

Признаться, меня это обрадовало. Я согласился, что завтра все будет по-другому, а если ей что-нибудь понадобится, нужно только набрать мой номер.

Несколько минут мы сидели в уютной тишине. Затем раздался звонок. Пока Дакота говорила по телефону, я гонял салфетку по столу, а затем стал рвать ее на мелкие кусочки.

– Я приеду, займи мне очередь, – наконец чирикнула она в трубку и сунула мобильник в сумку. – Это Эйден.

Она сделала большой глоток фраппучино. Мое сердце сжалось, я встал.

– Будет просмотр, и он займет мне очередь. Для рекламы академии в Интернете. Мне нужно бежать. Спасибо за кофе! Нужно снова встретиться в ближайшее время!

Она положила руку мне на плечо и поцеловала в щеку.

Торопливо распрощавшись, Дакота ушла. На столе, словно в насмешку над моим одиночеством, остался недопитый фраппучино.

Глава восьмая

Всю дорогу домой я размышлял:

А. Это было странно.

В. Я ненавижу Эйдена, его мерзкие светлые волосы и длинные ноги – что ему вообще от нее нужно?

С. Он, вероятно, пытается переманить ее на темную сторону – но я вижу его насквозь!

В дверях квартиры меня встретил густой запах ванили. Или Тесса снова перестаралась с гелем для тела, или кто-то печет. Господи, пусть будет пирог! Ванильный запах меня успокаивает – мой родной дом всегда был наполнен сладким ароматом шоколадного хрустящего печенья и кленового сиропа, – и я не хотел, чтобы мои чувства обманывал какой-то гель; «заманить-и-подменить» слишком похоже на то, что я недавно пережил с Дакотой...

Я бросил ключи на стол в прихожей и поежился, заметив, что брелок выбил из столешницы кусочек дерева. Когда я переехал в Нью-Йорк, мама подарила этот стол и взяла с меня обещание, что я буду аккуратно с ним обращаться. Это наследство моей бабушки, а мама бережно хранит все, связанное с покойной матерью, особенно после того, как Хардин уничтожил практически все, опрокинув шкаф с бабушкиной посудой.

Мама рассказывала, что бабушка была прекрасной женщиной. У меня сохранилось о ней единственное, очень яркое воспоминание, в котором она какая угодно, только не прекрасная. Мне было лет шеть, и бабушка застукала меня на воровстве арахиса из большой банки в супермаркете. С набитым ртом и полными карманами орехов, я залез на заднее сиденье ее автомобиля. Не помню, почему я так поступил и понимал ли вообще, что делаю. Когда бабушка обернулась и увидела, что я чищу арахис и с чавканьем его поедаю, она резко дала по тормозам, и я от неожиданности подавился кусочком скорлупы. Она решила, что я притворяюсь, и разозлилась еще больше.

Я кашлял, пока застрявший кусочек не выскользнул из горла, потом пытался перевести дыхание, а бабушка, нарушившая правила разворота, не обращая внимание на сигналы справедливо недовольных водителей, везла меня назад в магазин. Она заставила меня сознаться в воровстве и извиниться не только перед продавцом, но и перед менеджером. Это было очень унижительно, но я больше никогда так не делал.

Бабушка умерла, когда я учился в средней школе, оставив двух абсолютно не похожих друг на друга дочерей. Все, что я знаю о ней сверх того, мне рассказала тетя Риз. По ее словам, в отличие от остальных членов нашего тихого и спокойного семейства, бабушка была настоящим торнадо. Никто не рисковал связываться с кем-нибудь с фамилией Такер – это девичья фамилия мамы, иначе им пришлось бы иметь дело с бабушкой Николетт.

Тетя Риз, вдова полицейского, начесывала и укладывала свои длинные светлые волосы в такую высокую прическу, что та могла вместить всю широту тетиных взглядов. Мне всегда нравилась и она, и ее муж Кит. Пока Кит не умер, тетя Риз была веселой и забавной. При смехе она уморительно фыркала. Дядя Кит, которого я автоматически считал отличным парнем из-за того, что он был полицейским, всякий раз при встрече дарил мне коллекционные хоккейные карточки. Помнится, я часто мечтал, чтобы он был моим отцом. Печально, да, но иногда мне просто была нужна мужская компания. До сих пор я помню день, когда он умер: наш дом наполнили душераздирающие крики тети, а мертвенно-бледная мама, сжав дрожащие руки, сказала мне:

– Все нормально, иди спать, милый.

Смерть Кита все перевернула вверх ногами, особенно для тети Риз. Тяжело переживая свою потерю, она практически закрылась дома и полностью утратила интерес к жизни. Каждый раз, доставая чековую книжку, она думала, что на счете лежат кровавые деньги, полученные по страховке жизни ее мужа. Она не следила за домом, не готовила и не наряжалась, хотя всегда беспокоилась о детях. Тетя купала и нянчила малышей, их маленькие круглые животики доказывали, что она считала заботу о детях превыше всего. Поговаривают, что тетя Риз отдала все деньги, полученные за смерть Кита, его старшей дочери от предыдущего брака. Я никогда с ней не встречался, поэтому не могу сказать, правда ли это.

Между тетей Риз и мамой всего два года разницы, и всю жизнь они были очень близки. Когда тетя уехала в Вашингтон, они без конца разговаривали по телефону. Однако смерть бабушки, по-моему, гораздо сильнее отразилась на маме, поскольку ей в одиночку пришлось организовывать похороны и поминки. Она до сих пор горюет. Стол, только что поцарапанный моими ключами, – практически единственная вещь, оставшаяся на память о бабушке. Я – плохой сын.

– Эгей? – крикнула Тесса из кухни, прогоняя призрак маленького Йоды из моего сознания.

Наклонившись, я снял ботинки, чтобы не испачкать идеально чистый паркет. Всю прошлую неделю Тесса его полировала, и я быстро привык не носить обувь в квартире. Клянусь, чтобы стереть появившийся след, она каждый раз ползала по полу с маленьким специальным инструментом в руке не меньше двадцати минут. Учитывая, сколько дряни на улицах Нью-Йорка, очевидно, лучше всего поступать именно так, как делаю я.

– Эй? – послышался голос Тессы уже ближе.

Я поднял глаза и увидел, что она стоит в метре от меня.

– Ты меня напугал, – сказала она, встретившись со мной взглядом.

После того как несколько месяцев назад кто-то проник в квартиру на первом этаже, Тесса очень нервничала. Она об этом не говорила, но каждый раз, услышав какой-нибудь звук в коридоре, бросала беспокойный взгляд на дверь. Тесса была одета в футболку с эмблемой Колумбийского университета и в черные леггинсы, покрытые чем-то вроде муки.

– Извини. У тебя все в порядке? – спросил я, хотя по темным кругам под глазами было видно, что нет.

– Да, конечно, – улыбнулась она, переминаясь с ноги на ногу. – Я пеку торт, что может быть не в порядке? – Тесса натянуто засмеялась. – Нора тоже здесь, на кухне, – добавила она.

Последнее я пропустил мимо ушей.

– Моя мама могла бы мной гордиться, – добавила она.

Я улыбнулся и бросил куртку на подлокотник кресла.

Тесса проследила за курткой глазами, но решила не заострять внимания на беспорядке. Кроме того, что она чистюля, она еще и замечательная соседка. Она оставляет мне личное время и пространство в квартире, а когда оказывается дома, с ней приятно проводить время. Тесса – моя лучшая подруга, но она сейчас не в лучшем состоянии.

– Да! – до меня донесся громкий голос Норы.

Тесса закатила глаза, и я метнул в нее вопросительный взгляд, на что она лишь кивнула в сторону кухни.

– Слава богу, – произнесла она с сарказмом, когда я шел за ней на кухню.

Сладкий запах усиливался с каждым шагом. Тесса сразу направилась к кухонному островку (у нас вместо него – маленький сервировочный столик). На нем лежала стопка из по меньшей мере десяти противней.

– Похоже, она справилась с этой партией.

– Мы захватили твою кухню, – сказала Нора.

На мгновение она перехватила своими зеленовато-коричневыми глазами мой взгляд, затем осмотрела беспорядок вокруг.

– Привет, София Нора де Лаурентис, – сказал я, доставая воду из холодильника.

Услышав «София», Тесса открыла рот, чтобы поправить меня, но потом, похоже, оценила шутку и промолчала.

– Привет, Лэндон, – поздоровалась в ответ Нора, не отрываясь от своего занятия.

Я старался не смотреть на капли фиолетовой глазури на ее груди, плотно обтянутой черной рубашкой, а цветные брызги такие яркие...

Отвернись, Лэндон.

Я взглянул на фиолетовое нечто, стоящее перед Норой. Оказалось, это не нечто, а трехслойный торт, покрытый цветной глазурью и крупными сиренево-белыми цветами. В середине цветочков – желтые кружочки, усыпанные блестками. Торт казался ненастоящим из-за искусно сделанных украшений из глазури. Карамельные цветы такие красивые, что, кажется, можно почувствовать их чудесный аромат. И прежде чем я осознал, что делаю, я наклонился и глубоко вдохнул.

Нора тихонько захихикала, и я оглянулся. Она смотрела на меня, не отрывая взгляда.

Она действительно очень красивая. Высокие скулы придавали ей сходство с богиней. Загорелая кожа и светло-карие глаза выглядели ярко и необычно. Темные волосы светились в лучах жужжащей лампы на потолке.

Надо починить плафон.

Кто-то постучал во входную дверь, прервав процесс созерцания.

– Я открою, – сказала Тесса и добавила с улыбкой: – Красивый, правда?

Она ткнула Нору в бок кондитерской лопаткой и направилась к двери. Как я рад, что она улыбается!

Нора зарделась и опустила лицо, спрятав руки за спиной.

– Да, очень, – согласился я.

Протянув руку, я дотронулся пальцами до ее подбородка и приподнял лицо. Дыхание девушки сбилось, полные губы разомкнулись. По моей спине пробежала дрожь, она отшатнулась от меня.

Почемууууу, ну почему я так прикоснулся к ней? Вот я идиот!

И я смущен.

Смущенный идиот.

Кажется, рядом с Норой подобная ситуация уже возникала. В свою защиту могу заметить, что она первая дотронулась наманикюренными ногтями до моего голого живота.

Взгляд Норы по-прежнему был направлен на меня. За робкой

гордостью за съедобный шедевр чувствовалась скука. Похоже, этой женщине нелегко угодить.

– Что? – спросила она.

Я застрял на полпути между грубостью и лестью.

– Ничего, – пожал я плечами.

Во рту пересохло. Ее глаза изучили мое лицо и остановились на губах. Есть в этой женщине какое-то безумное напряжение. Прежде чем я осознал происходящее, Нора снова приблизилась ко мне, обвила мою шею руками и порывисто впиалась в меня губами. Как только я преодолел первоначальный шок, мой рот в ответ приоткрылся. Ее теплые губы слились с моими в обжигающем поцелуе, язык мягко скользил по моему. Я пытался побороть желание притянуть ее ближе. Маленькие, но не лишенные изящества руки Норы начали медленно двигаться вниз. Сегодня ее длинные ногти окрашены в малиновый. Должно быть, она тратит уйму времени на маникюр. Ее руки ласкали мою напрягшуюся грудь.

Поцелуи, дразнящие, страстные.

Поцелуи – это как прикосновение горячим воском. Как обуревающее пламя тысячи огненных жал, но боль быстро затихает и превращается в нечто совершенно иное, сладкое. Мои руки нашли ее бедра, и я подтолкнул ее к стойке. Нора тихо застонала, покусывая зубами мою нижнюю губу. Мое тело отреагировало прежде, чем я смог взять себя в руки. Я попытался отступить на шаг, чтобы она не почувствовала моего возбуждения, но она не позволила. Она сжала мои бедра и прижала их к своему мягкому телу. На ней была надета узкая рубашка и еще более обтягивающие леггинсы. Я понимал, что она чувствует каждый миллиметр моей взволнованной плоти.

– О боже! – Ее дыхание совсем близко.

Она извернулась и выскользнула, оставив болезненное чувство пустоты. Постучав пальцем по кончику моего носа, девушка улыбнулась. Ее щеки покраснелись, а губы припухли.

– Что ж, это было неожиданно. – Нора поднесла руку к своему рту и пощипала нижнюю губу.

Неожиданно? Ты так думаешь?

Я изобразил равнодушие. Прислонившись к стойке и облокотившись на холодный камень, я пытался придумать и сказать что-нибудь умное. Тело до сих пор ныло, беззвучные электрические импульсы пробегали по моим жилам, а Нора казалась совершенно спокойной. Что это было?

Я решил быть таким же смелым, как она. По крайней мере, на мгновение.

– Почему ты меня поцеловала? – спросил я.

Нора посмотрела на меня, прищулив глаза, и глубоко вдохнула. Ее рубашка немного задралась, открывая крутые загорелые бедра. Она дразнила меня, даже когда не хотела этого.

– Почему? – повторила она, казалось, искренне недоумевая. Волосы выбились из-за уха, и она заправила их обратно. Открытая шея девушки, казалось, умоляла мои губы покрыть кожу поцелуями. – Разве ты не хотел?

«Да» прозвучало бы слишком отчаянно.

Сказать «нет»? Но я боялся показаться грубым и мучительно соображал, что же ответить. Я бы не сказал, что мечтал о ее поцелуе.

В общем-то, я даже не хотел с ней целоваться. Я запутался, но точно знал: если я попытаюсь объяснить свои чувства, то попаду в еще более сложное положение.

Пока я стоял и глупо молчал, на ее лице внезапно появилось скучающее выражение, и я увидел, как жар вокруг нее рассеялся и превратился в теплый туман.

Нора быстро сменила тему:

– Сегодня ты должен пойти потусоваться с нами.

Ладно...

Часть меня стремилась продолжить разговор, чтобы выяснить, почему она поцеловала меня, но Нора явно не собиралась продолжать обсуждение, поэтому я не стал настаивать. Мне бы не хотелось, чтобы она чувствовала себя некомфортно или у нее сложилось впечатление, что мне не понравилось.

Я пытаюсь вести себя как «взрослый», и с каждым месяцем мне это удается все легче, но иногда я забываю, что жаждет немедленной близости только незрелая молодежь. Если бы мы были подростками, ее поцелуи автоматически привели бы к возникновению неких обязательств между нами, но отношения взрослых людей... значительно сложнее. Они развиваются гораздо медленнее. Обычно все происходит так: вы встречаетесь с кем-то из знакомых ваших друзей, между вами возникает симпатия, вы идете на свидание. В конце второго свидания обычно случается первый поцелуй. На пятом вы переспали, после двенадцатого начинаете заниматься регулярным сексом, через год съезжаетесь, в течение следующих двух лет женитесь. Покупаете дом, заводите ребенка.

Иногда последние два события меняются местами, в остальном все более или менее совпадает. Как в телесериалах и романтических фильмах. Естественно, не у таких людей, как Хардин и Тесса, которые явно не читали в Интернете краткое изложение книги «101 свидание» и стали жить вместе раньше, чем подошел к концу пятый месяц их знакомства, но все

же.

– Это значит «нет»? – настаивала Нора.

Я тряхнул головой, пытаюсь вспомнить, о чем мы говорили. Ее соседи... Ах да, пойти погулять вместе с ее соседками по квартире.

Услышав, что Тесса с кем-то разговаривает, я покосился на дверь гостиной. Снова повернувшись к Норе, увидел, что девушка подняла руки вверх, потягиваясь и открывая еще больше тела моему взгляду. Она такая высокая и соблазнительная. Ее рост минимум метр семьдесят два.

Она дразнит, это точно.

– А куда вы собираетесь? – Я не хотел отказываться, мне просто было любопытно.

– Честно говоря, еще не знаю. – Она взяла мобильный со стойки и провела пальцем по экрану. – Сейчас посмотрю. У нас групповой чат, который я обычно игнорирую, потому что большую часть времени три похотливые девчонки спамят там фотографии голых мужиков, но я спрошу.

Я засмеялся.

– Похоже, мне бы этот чат понравился.

Я немедленно пожалел о своей дурацкой шутке, но в ее взгляде мелькнуло веселье. Почему рядом с ней я не могу держать рот на замке? Мне нужен фильтр для глупости. Хотя, если бы я не говорил ничего нелепого, возможно, я бы почти все время молчал.

– Что ж, тогда... – Нора засмеялась, и моя неловкость рассеялась.

Ее смех такой легкий и беззаботный! Мне захотелось снова его услышать.

– Иногда я слишком стараюсь, – рассмеявшись вместе с ней, признался я.

Она склонила ко мне голову.

– Не может быть!

Она капризно надула губы, как будто провоцируя меня. Они словно умоляли меня о поцелуе.

Ее телефон заиграл хорошо знакомую мне песню из шоу. Я удивленно поднял бровь:

– «Парки и зоны отдыха»? ^[5] Я не думал, что ты смотришь этот сериал.

Мне он очень нравился, пока Интернет не украл его у телевизионных фанатов и не превратил в развязное, полное мемов шоу, которое я не смог оценить.

Она быстро отклонила вызов, но телефон опять зазвонил, и Нора тут же снова нажала отбой и положила мобильник на стойку. Я стал думать: стоит ли спросить ее, почему она это сделала, просто чтобы убедиться, что

у нее все в порядке? Ничего не могу с собой поделать. Это стало своего рода привычкой – волноваться, все ли в порядке с моими знакомыми. Прежде чем я вмешался в дела Норы, Тесса вернулась в кухню с молодым человеком в красном форменном жилете. На его талии был пояс с инструментами.

– Он пришел чинить мусоропровод, – объяснила она.

Парень улыбнулся, задержав на Тессе взгляд дольше положенного.

– У нас есть мусоропровод? – удивился я.

Это для меня новость.

Обе девушки посмотрели друг на друга, и по выражению их глаз легко читалось: «О, мужчины!»

Это несправедливо. Я помогаю счищать еду с тарелок и загружать их в посудомоечную машину. Я натираю серебро, если Тесса не опередит меня. Так что я не просто тупой чувак, который не знает, есть ли в доме мусоропровод, из-за лени, – я его просто не заметил. Или не пользовался им. Если подумать, я не помню, чтобы вообще когда-нибудь в жизни что-то выкидывал в мусоропровод.

Нора взяла телефон со стойки. Он засветился, снова зазвонил, но Нора опять выключила его. Прикрыв глаза, она вздохнула.

– Мне пора, – объявила она, потом положила мобильник в карман куртки и сняла ее со спинки стула.

Я помог ей одеться. Мастер по ремонту мусоропровода наблюдал, как Нора обнимала Тессу и целовала меня в щеку на прощание. Когда мастер, даже не подумав скрываться, уставился на ее задницу, во мне вскипело что-то горько-горячее. Я не винил его за желание посмотреть, но надо же соблюдать какие-то приличия!

Прежде чем я вбил в башку этого парня немного хороших манер, Нора махнула мне рукой и сказала:

– Я пришлю тебе эсэмэс, когда узнаю, куда мы пойдем!

Нельзя сказать, что меня это не интересовало, но я несколько сомневался, что она на самом деле мне напишет. Не представляю, сколько у нее вариантов, ведь мне неизвестны статистические показатели моих конкурентов, – о господи, я сравниваю отношения с девушкой со спортивным соревнованием! Опять! Мне не раз приходило в голову, что между ними нет большой разницы, но лучше смотреть на вещи под другим углом.

А почему я вообще решил, что Нора хочет со мной встречаться? Потому что она поцеловала меня, а потом пригласила погулять?

Да, именно поэтому. Трудно сказать, это регресс в процессе моего

«взросления» или нет.

Когда Нора ушла, Тесса состроила рожицу, как у бурундучка, который только что обнаружил тайник с орехами, спрятанный под листьями.

– Что это было? – громко спросила она.

Я привык к ее назойливости, так что меня она не раздражает. Потеребив рукой отросшую на подбородке щетину, я воздел руки, изображая уход в оборону.

– Понятия не имею, она просто меня поцеловала. Я думал, Нора и имени моего не знает.

– Она *что*? – вскрикнула Тесса.

Этой маленькой сплетни достаточно, чтобы Тесса Янг обдумывала ее в течение нескольких дней. Позже я обязательно услышу об этом. Моя мама, возможно, тоже.

Мастер приподнял голову и наострил в нашу сторону ухо, словно слушал очередной сериал. Ему явно не хватало деликатности. С другой стороны, если бы я весь день занимался ремонтом, мне бы тоже хотелось услышать шутку или как-нибудь иначе развлечься. Вроде как добавить немного красок к черно-белой картине.

– Я тоже не понимаю! Но уверена, что твое имя она знала, – заметила Тесса, поняв мои слова еще более буквально, чем обычно.

– Что тут скажешь? Я в таком же замешательстве, как и ты.

Тесса смотрела на меня с таким странным видом, словно хотела скрыть разочарование. Ума не приложу, как ей помочь. Мне кажется, она скучает по Хардину, но, возможно, это не так. Я не знаю, что и думать обо всем этом.

Вместо того чтобы раздумывать над этим, стоило оно того или нет, я подтянул шнурок на своих штанах и направился к двери.

– Мы не закончили, Лэндон Гибсон! – крикнула Тесса вслед.

После всего, что произошло, я почему-то почувствовал себя злоумышленником, сбежавшим с места преступления.

Глава девятая

Я закрыл за собой дверь квартиры и чуть не врезался в кого-то в коридоре.

Даже когда с его головы упал капюшон, я его не узнал. Парень, одетый в черное пальто и серые брюки «Уиндбрейкер»^[6], довольно дружелюбно кивнул мне и снова надел капюшон. В нашем доме – двадцать квартир, и я видел почти всех людей, живущих здесь, но не его. Может, он только переехал?

– Извините, извините! – попытался я загладить вину, но он только пробормотал что-то невнятное в ответ.

На углу квартала я перешел на бег. Как я и ожидал, сразу заболело колено, но теперь боль была не резкой и пульсирующей, а тихо ноющей и вполне терпимой.

Я разогнался до своего обычного темпа. Мои «найки» касались асфальта практически бесшумно. Помню, когда я только начинал тренироваться, ноги горели, а грудь была готова взорваться от напряжения. Но я продолжал заниматься, потому что хотел быть здоровым человеком, и я стал им. Не таким, как мамыши с прогулочными колясками в Бруклине, которые фотографируют завтрак из пырея и дают детям на обед капусту и киноа. А просто подвижным и активным.

Часто на пробежке я забывал обо всем, хотя иногда думал о маме и сестренке, о Тессе и Хардине или волновался, что «Чикаго Блэкхокс» может обыграть «Детройт Ред Уингз»^[7]. Но сегодня мне действительно есть о чем поразмышлять.

Во-первых, поведение Дакоты. После нашего разрыва она почти не разговаривала со мной, а сейчас ведет себя так, будто мы встречаемся каждый день. Она была взвинчена из-за неудачного просмотра, и я очень хотел ей как-то помочь. Но я не могу пойти в одну из самых престижных балетных академий в стране, постучаться и бездоказательно обвинить преподавателей в расовой дискриминации. Особенно если учесть все безумие, которое творится сейчас в стране. Последнее, что я хотел бы сделать, – это привлечь к Дакоте негативное внимание, когда она пытается начать карьеру.

Пустяки, с которыми я раньше помогал ей, не имели ничего общего с этой ситуацией. Я абсолютно ничем не могу посодействовать ей в балетных делах. Препятствия, которые мы привыкли преодолевать вместе,

сейчас кажутся такими далекими. Они остались в прошлом. Тогда проблемы казались гораздо более сложными и безотлагательными. А сейчас я не знаю, что делать с обычными, повседневными делами вроде учебы или выбора профессии.

Мне редко хочется быть таким, как Хардин, но сейчас именно подобный случай. Ну хотя бы на час. Я бы бросился в эту академию, зашел в кабинет и потребовал справедливости. Я бы убедил их, что Дакота – лучшая танцовщица из всех, кто там учится, и, несмотря на то что она еще не дипломированная балерина, она необходима им. Потому что самая талантливая.

Балет для Дакоты – то же самое, что для меня хоккей. Только в десять раз важнее, потому что она сама танцует. В моей школе не было хоккейной секции, и когда мама записала меня в команду местного реабилитационного центра, два часа тренировки стали худшими в моей жизни. Я очень быстро понял, что мне нравится лишь наблюдать за игрой, а не участвовать в ней. А Дакота занималась танцами с детства. Она начинала с хип-хопа, потом перешла на свинг и уже в подростковом возрасте остановилась на балете. Это считается огромным минусом. Существует мнение, что обучение классическому танцу нужно начинать как можно раньше. Но Дакота смогла развеять эти предубеждения во время первого же своего просмотра в школе американского балета. Чтобы она смогла поехать на кастинг, моя мама подарила ей нужную сумму на день рождения. Дакота расплакалась от радости и обещала маме, что сделает все, что может, чтобы отплатить за щедрость.

Мама не хотела, чтобы Дакота возвращала ей долг. Она мечтала увидеть, как милая соседская девушка осуществит свою мечту и добьется чего-то важного. Получив уведомление о приеме в академию, Дакота бегала как сумасшедшая по всему дому и махала письмом над головой. Она так кричала и прыгала, что мне пришлось поднять ее и перевернуть вверх ногами, чтобы хоть как-то успокоить. Она была бесконечно счастлива и горда. Ее школа, конечно, не «Джоффри»^[8], но у академии высокий рейтинг, и я был чертовски рад.

Все, чего я хочу, – чтобы ее талант признали и Дакота была счастлива. Но это не в моей власти. Совершенно удрученный, я не мог придумать решения этой проблемы. Мне нужно было расспросить ее подробнее; там должно быть еще много разных ролей...

Я решил подумать об этом позже и переключился на Нору. Она больше похожа на Нору, чем на Софию, и, к счастью, я лучше Хардина запоминаю имена. Он называет Дакоту не иначе как Далилой, даже в лицо. Ну и хватит

о мрачном Харди.

Харди.

Вспомнив это прозвище, я рассмеялся. Я обращался к нему так каждый раз, когда он называл Дакоту Далилой.

Пробегая мимо продуктового магазина, я заметил, что женщина, державшая в руках кучу набитых бумажных пакетов, удивленно уставилась на меня. И я прекратил смеяться над собой и своими жестокими планами сделать прозвище вторым именем Хардина.

Но потом снова засмеялся.

Мне нужно выпить кофе.

Я всего в двадцати минутах бега от «Мельницы», но парк – в противоположной стороне от моей квартиры...

Кофе того стоит. В этом районе его можно купить практически на каждом углу, но не очень хороший – бр-р, напиток из гастронома самый отвратительный. Кроме того, мне все равно нужно проверить, составлено ли расписание на следующую неделю.

Я развернулся и направился к кафе. Снова пробегая мимо женщины с пакетами, я увидел, как один из них соскользнул с ее руки, и поспешил на выручку, но не успел. Коричневый мешок порвался, и банки с консервами покатались по тротуару. Женщина, казалось, так расстроилась, что неудивительно, если бы она начала звать на помощь.

Я схватил банку куриного супа, прежде чем та выкатилась на дорогу. Порвался еще один пакет, на землю посыпались овощи. Женщина начала ругаться. Ее лицо скрывали темные волосы, но мне показалось, что женщине около тридцати. На ней свободное платье, под которым угадывается небольшая выпуклость. Вероятно, она беременна, а может, и нет, лучше не спрашивать.

Два подростка пересекли улицу и приблизились к нам. В какое-то мгновение я решил, что они нам помогут.

Ничего подобного. Пока мы пытались устранить последствия продуктовой катастрофы, они даже не взглянули в нашу сторону. Никакого дружеского участия: они просто поднимали ноги повыше, чтобы перешагнуть через коробку с рисом, оказавшуюся на их пути. Иногда высшим проявлением гуманизма, на которое вы можете рассчитывать в этом городе, можно считать то, что кто-нибудь не сокрушил все на вашем пути.

– Вы далеко живете? – спросил я женщину.

Она взглянула на меня и покачала головой:

– Нет, всего через квартал.

Женщина схватилась темно-коричневыми руками за голову и заохала. Показав на кучу продуктов, рассыпавшихся по асфальту, я предложил: – Хм, ладно. Давайте разберемся с этим.

Поскольку у меня не оказалось в карманах лишних пакетов, я снял толстовку и начал складывать в нее покупки. Возможно, все не поместятся, но попробовать стоит.

– Спасибо, – поблагодарила она, пытаясь отдышаться.

Женщина хотела нагнуться, чтобы помочь мне, но я ее остановил.

Раздался автомобильный гудок, затем еще, хотя я стоял на проезжей части только одной ногой. Самым большим преимуществом жизни в Бруклине является отсутствие сигналов. Как правило. Манхэттен больше похож на хаотичный, злой, маленький остров, поэтому я предпочел бы поселиться в Бруклине, жениться и преподавать в местной государственной школе. Хотя планы на будущее я обычно связываю с другими городами, более тихими. Кроме того, мне нужно познакомиться с девушкой и начать с ней встречаться, а это может занять некоторое время. Скажем так, это мой список дел на ближайшие пять лет...

Ладно, на десять.

Я поднял и сунул под мышку бутылку растительного масла.

– Все собрали, – я взглянул женщине в глаза, прикрытые капюшоном.

Она скептически посмотрела на меня, пытаясь понять, нужна ли мне ее помощь или все в порядке. Я хотел было заверить ее, что справлюсь. Однако существовала вероятность, что это вызовет у нее подозрения. Поднялся ветер, мгновенно принесся прохладу. Я заторопился и связал рукава толстовки поверх сложенных продуктов, соорудив подобие сумки. Сверху я забросил коробку крекеров и упаковку колбасы.

Поднявшись на ноги, я вручил узел с продуктами женщине. Ее глаза потеплели.

– Вы можете не возвращать толстовку, у меня их куча, – сказал я.

– Уверена, когда-нибудь ты сделаешь свою девушку очень счастливой, молодой человек, – улыбнулась женщина, собрала непорванные пакеты с покупками, перехватила поудобнее узел из толстовки и собралась идти.

Комплимент мне польстил, и стало интересно: почему она решила, что я одинок. Неужели я излучаю отчаяние и одиночество?

Возможно.

– Вам помочь? Хотите, я донесу сумки до вашего дома?

Я постарался, чтобы это прозвучало как предложение, а не как требование. Ей будет нелегко все дотащить.

Она покачала головой, глядя мимо меня, в том направлении, куда

собиралась идти.

– Это совсем рядом. Я справлюсь.

В ее словах слышался легкий акцент, но я не разобрал, какой именно. Когда она ушла, я сообразил, что на самом деле она обойдется без моей помощи – отлично донесет пакеты и толстовку с продуктами. Я предполагаю, что это было своего рода послание для меня от космических сил: я не обязан всем помогать, как Огастус со своими сигаретами в фильме «Виноваты звезды». Ну, не точно так же, но все же. У него с этим явно было еще хуже, бедный парень.

Женщина ушла, а я продолжил путь на юг, в Бушуик. Мне нравится район, в котором я живу. Это близко к Уильямсбергу, но с ощутимо более низкой арендной платой, хотя и у нас она достаточно высока, – я был в шоке, черт побери, когда сюда переехал, по сути, она больше, чем мамин ипотечный кредит. На этом преимущества жизни в нашем районе не заканчиваются. Все-таки здесь все не так дорого, как я ожидал. Недешево, конечно, но слухи о том, что литр молока обходится в Нью-Йорке в десять долларов, неправда... по большей части. Русский парень, владелец магазинчика под моей квартирой, любит задирать цены, но я полагаю, что плачу дополнительные деньги за удобство, так как имею возможность делать покупки, спустившись в торговый зал меньше чем за минуту. Кроме того, я всегда могу потратить больше двух минут и найти другое место для покупок. Одной из самых важных привилегий жизни в большом городе я бы назвал безграничные возможности. От магазинов на каждом углу до ресторанов и людей – всегда есть варианты.

Глава десятая

В «Мельнице» я застал Поузи за прилавком: она наполняла контейнер льдом. Джейн, самая опытная сотрудница кафе, которая иногда тихим слащавым голоском называет себя «старейшиной», мыла грязные деревянные полы. Она опускала швабру в воду, и мыльная пена переливалась через край ведра. Маленькая девочка встала из-за стола у выхода и подошла к Джейн, чтобы посмотреть, что та делает. Я осмотрелся, разыскивая родителей ребенка, но в кафе было немногочленно. Из десяти столов были заняты только два. Я увидел двух девушек с ноутбуками и учебниками и парня с четырьмя пустыми чашками из-под эспрессо.

Поузи встретила меня молчаливой улыбкой.

Девочка, как мне показалось, лет четырех села на пол и что-то достала из кармана. Небольшой красный автомобиль покатился по луже. Глаза девочки засияли. Джейн что-то сказала ей, но я не расслышал.

– Лайла, пожалуйста, не делай этого. – Поузи подняла перегородку и вышла из-за прилавка.

Она приблизилась к девчужке и наклонилась.

Малышка схватила автомобиль раньше Поузи, прижала его к груди и сердито тряхнула головой.

– Хочу машину! – прозвенел ее голосок.

Поузи прикоснулась ладонью к ее щеке.

Она погладила большим пальцем личико девочки и успокоила ее. Должно быть, они знакомы.

Ну, конечно, это ее сестра! Видимо, эта темноволосая малышка и есть тот ребенок, о котором Поузи упоминала несколько раз.

– Ты можешь играть с машинкой, но, пожалуйста, не опускай ее в воду. – Когда Поузи разговаривает с девочкой, ее голос звучит иначе. Мягче. – Хорошо?

Поузи постучала пальцем по ее носику, и Лайла захихикала. Она милая.

– Ладно! – А ее голосок еще милее.

Я направился к ним и сел за ближайший стол. Джейн в последний раз взмахнула шваброй, поздоровалась со мной и ушла на склад заканчивать инвентаризацию. Поузи огляделась, чтобы оценить, насколько заполнен зал, вежливо проверила, все ли в порядке за столами, и вернулась к нам с Лайлой.

– Пожалуйста, не говори Джейкобу, что я привела ее с собой на работу. – Поузи скользнула на стул напротив меня.

– Я и не собирался, – с улыбкой успокоил я.

Джейкоб иногда бывает такой задницей! Он просто еще слишком молод, чтобы быть менеджером, и относится к тому типу людей, которым стоит только почувствовать вкус власти, как они начинают без конца командовать. Он чересчур важный и несколько заносчивый.

– Моя бабушка была на встрече, и я не смогла дозвониться, – нервно оправдывалась Поузи.

– Ну, удача на твоей стороне, тебе ничто не мешает тусоваться здесь с сестренкой весь день.

Поузи улыбнулась и облегченно кивнула.

Маленькая Лайла даже не повернула головы. Послышался звон колокольчика над входной дверью, оповещающая о посетителе. Поузи взглянула на девочку, и я кивнул, давая ей понять, что присмотрю за ней. Вернувшись за прилавок, Поузи поздоровалась с двумя мужчинами в костюмах, а я повернулся к девочке и стал наблюдать за ее игрой. Она не обращала на меня никакого внимания. Машинка ее полностью захватила: малышка ужасно мило катала маленький «Камаро» по неровному полу. Лайла ползала за ним на коленях, хотя была уже немаленькой и умела ходить. Ее маленькие кроссовки начинали светиться, когда она ударяла мыском о пол, а пальчики крепко сжимали игрушку, которую она переворачивала вверх колесами и кружила, не переставая улыбаться.

– Очень у тебя крутая машина, – сказал я девочке.

– Машина, – не глядя на меня, повторила она.

Поузи смотрела на нас, переливая в блендер соевое молоко из коробки. Я улыбнулся, и она расслабилась. На лице Поузи появилась едва заметная ответная улыбка, и она вернулась к работе. На ногтях – темный лак с желтыми точками. Я наблюдал за ее руками: Поузи наливала из кувшина готовый зеленый чай в чашку, наполненную соевым молоком и льдом. Взбивая смесь в блендере, она качала головой в такт песне Coldplay, раздававшейся из динамиков. Я снова повернулся к девчужке и с обожанием посмотрел на ее маленький пластиковый «Камаро».

– Вжик, – тихонько сказала Лайла.

Она подняла машинку в воздух и посмотрела куда-то вдаль.

Я тихо сидел, пока клиенты не исчезли. Поузи протирала влажной тряпкой бутылки с сиропом. Уже восемь столов из десяти не убраны. Я пошел в подсобку и вынул из шкафа корзину для мусора. Лайла по-прежнему лепетала что-то про «машину» и «вжик», а я начал убирать

первый стол. Три доллара чаевых.

Не так уж плохо. Вы бы удивились, узнав, сколько клиентов оставляют на своих столах беспорядок, но и не думают благодарить чаевыми человека, убирающего за ними. Не знаю, хамство это или просто невежество. Как и с водителями «Убера»: мы думаем, что они автоматически получают все положенные чаевые, но я слышал, что это не так. Даже если вы ставите галочку в графе «пятнадцать процентов», на самом деле они не видят этих денег, потому что, как мне рассказывал один мой одноклассник, считается, что благодарные пассажиры оставляют наличные. С другой стороны, он утверждал, что приехал из Франции, но акцент был явно немецким, следовательно, очень может быть, он просто врал...

В любом случае бариста заслуживают намного больше чаевых, чем они получают. Уф, готовая социальная реклама! Поехали дальше.

На следующем столе осталась кучка сахара, высыпанная по меньшей мере из четырех пакетиков. Некоторые посетители еще делают из сахара фигурки. Меня это просто поражает.

Точно в центре сахарной горки, как флаг, торчала зубочистка с кусочком бумажной салфетки. Я попытался вспомнить, как выглядел тот парень, который здесь сидел. Вообще-то, кажется, это была девушка. Или женщина. Я не разглядел ее лица, но, кем бы она ни была, у нее удивительный талант создавать миниатюрные сахарные композиции.

– Лайла! – Я попытался привлечь внимание девочки, которая теперь лежала на полу.

Она взглянула на меня, но не пошевелилась.

– Хочешь посмотреть, как тут интересно? Просто здорово!

Я ткнул пальцем в сахарную горку и засмотрелся на скрученный из пакетика бутафорский меч в руке одной из фигурок.

В ответ прозвучало решительное «нет». Нисколько не удивившись, я смахнул холм тряпкой. Мне приходилось ходить туда-сюда, чтобы в процессе уборки держать Лайлу в поле зрения. Когда я заканчивал протирать предпоследний стол, Поузи вышла из-за прилавка и подошла ко мне.

– Ты не должен этого делать. – У нее такие красные глаза, что почти невозможно разобрать их цвет. – Это же не твоя смена.

– Все в порядке? – поинтересовался я.

Она оглядела магазин, вздохнув, кивнула и присела за стол, который стоял ближе всех к сестре.

– Просто устала, – пожалала она плечами. – Работа, учеба, как обычно.

Поузи задорно улыбнулась. Насколько я знаю, она не любит распространяться о неприятностях или жаловаться, даже имея на то веские основания.

– Если тебя нужно подменить на несколько смен или что-нибудь еще, дай знать. Я готов помочь, в этом семестре у меня есть время.

На самом деле я довольно занят, но мне хотелось что-то для нее сделать. У нее явно больше забот, чем у меня.

Поузи покачала головой, и ее щеки порозовели. Светло-рыжие пряди выбились из-под черной резинки, слишком маленькой, чтобы удержать все волосы, которые при искусственном освещении выглядят так ярко, будто выкрашены в красный. Ее лицо осталось непроницаемым.

– Мне нужна работа. Но если ты знаешь кого-нибудь, кто делает мыльные пузыри, чтобы занять маленькую четырехлетнюю проказницу, пока я работаю, скажи.

Я улыбнулся ей и посмотрел на Лайлу, которая все еще лежала на полу.

– Она аутист, – сказала Поузи. В голове тут же собрались кусочки пазла. – Мы пока не знаем точно, насколько это серьезно. Сейчас она только учится говорить, – она сделала короткую паузу, – хотя ей уже четыре.

– Ну, иногда это не так ужасно.

Я легонько подтолкнул девушку плечом, пытаясь хоть немного рассеять ее мрачность. Она расслабилась и растянула рот в широкой улыбке.

– Это правда.

Поузи наклонилась к малышке, уперев руки в колени. Я не слышал, что она говорила, но видел, как лицо Лайлы осветилось радостью.

Я посмотрел на время: было около шести. Если я собираюсь встретиться с Норой и ее друзьями, нужно вернуться домой и принять душ. Я не нервничаю, просто я не представляю, что Нора обо мне думает. Она часто случайно целует людей? Если так, то все нормально, но мне хотелось бы иметь представление, что она чувствует и как ведет себя на свидании. Вчера она кокетничала – ну, я, во всяком случае, расценил ее поведение как заигрывание. Тем не менее до сегодняшнего утра она никак не намекала, что готова со мной целоваться, и не подавала мне никаких знаков. Она была такой уверенной, когда прижималась ко мне и гладила мою грудь. Я вспомнил вкус ее губ, и мой член напрягся. С этим нужно что-то сделать, но на этот раз я не буду рвать занавески в душе, падать на задницу, ранить лицо и биться коленкой. Безопасный секс: я просто останусь в постели. С запертой дверью. Пожалуй, даже задвину дверь комодом.

Я взглянул на Поузи. Она снова сидела за столом и, хмуря брови, разговаривала по телефону. Я увидел, как она покачала головой и, пробормотав что-то в трубку, нажала на кнопку. Мне стало любопытно, я захотел узнать, все ли у нее в порядке, но в то же время мне было неловко лезть в ее жизнь без приглашения.

– Я ухожу, тебе нужна еще моя помощь? – спросил я, направляясь за стойку бара, чтобы проверить расписание и сделать себе эспresso.

Двойной эспresso. Я размышлял, не сделать ли тройной, но, скорее всего, это не лучшая идея.

Смена Поузи близилась к завершению. Она покачала головой, поблагодарив меня, но сказала, что справится сама. Я на прощание помахал рукой Лайле и Поузи и крикнул «До свидания» Джейн так громко, чтобы она услышала меня на складе.

Глава одиннадцатая

Когда я толкнул тяжелую дверь магазина и вышел в сгущающийся вечер, в кармане затрезвонил телефон. На улице выстроились в ряд тяжелые мешки, набитые мусором; казалось, что они вот-вот лопнут и содержимое разлетится по тротуару. Каждый день одно и то же – но я никогда к этому не привыкну. Манхэттен, со всеми его магазинами и полуторамиллионным населением на сравнительно небольшой территории, еще хуже. Там невозможно жить, если вы не хотите, чтобы на вас постоянно кто-то натыкался, с вами ругался или вам сигналил.

Поразительно, сколько народу можно втиснуть в несметное количество маленьких квартир с крошечными окнами и карликовыми кухнями. Комнаты в моей квартире просторнее, чем я ожидал (ванная достаточно удобна), но я не могу позволить себе снимать в Бруклине жилье площадью более сорока пяти квадратных метров, потому что оно заметно дороже. Мой отчим Кен помогает оплачивать аренду, но с тех пор, как я устроился на работу, я откладываю деньги. Когда-нибудь я верну ему долг, хотя бы частично. Мне не очень нравится, что он платит по моим счетам. Я достаточно ответственный человек, во многом благодаря ему и его лекциям «о планировании расходов студентов». Я не проматываю свои деньги на выпивку или тусовки. Я оплачиваю счета и периодически покупаю книги и билеты на хоккей.

То, что мой родственник занимает высокую должность в университете, несомненно, сделало мою студенческую жизнь легче. Он помог мне выбрать предметы, и только благодаря его усилиям я смог записаться на курс лекций, где уже не было мест. Кен имел гораздо большее влияние в Центральном Вашингтонском университете, чем в Нью-Йоркском, но тем не менее знал все ходы и выходы.

Я часто думаю, какой могла быть моя жизнь, останься мама в Мичигане. Смог бы я бросить ее и уехать в Нью-Йорк с Дакотой? Думаю, вероятность моего переезда была бы намного меньше, не будь у нее в Вашингтоне друзей и Кена. Если бы она его не встретила, моя жизнь могла сложиться иначе.

Иногда я думаю, что, за исключением некоторых очевидных вещей, Нью-Йорк не так уж отличается от Сагино. В Манхэттене солнце часто скрывается за облаками, пряча свет от жителей города в небольшой коробочке на пляже где-то на Западном побережье. Я так привык к

пасмурному небу во всех городах, где мне случалось жить, что когда здесь, в Бруклине, светит солнце, мои глаза полыхают огнем половину дороги на работу. Я купил солнцезащитные очки и тут же потерял. В Бруклине солнце показывается достаточно часто, и это одна из многих причин, почему я решил жить именно здесь. В сентябре тучи затягивают небо до самого горизонта. Чем дальше вы отходите от многоэтажек, тем солнце ярче.

Невысокий коренастый дядька в нескольких пальто, как капуста, и в шляпе прошел мимо меня по тротуару. Следом толкал корзину для покупок, набитую алюминиевыми банками и пластиковыми бутылками, еще один мужик. На руках у него – грязные, толстые, бывшие когда-то коричневыми перчатки. Ключья седых волос торчат из-под шляпы, сшитой из красно-зеленой шотландки, глаза полуприкрыты, будто время и невзгоды довели его почти до полного изнеможения. Бездомный смотрел прямо перед собой, не обращая на меня внимания, но мое сердце сжалось от боли.

Мне невыносимо тяжело смотреть на нищих, обитающих в некоторых частях города. Я скучаю по маме, мне особенно горько выносить печальный, стыдливый взгляд на обветренном лице уже немолодого человека, сидящего напротив окна банка с картонкой, вынужденного просить деньги на еду. Этого попрошайку должно еще сильнее задевать то, что в здании, у которого он устроился, хранятся миллионы долларов. Каково на пустой желудок смотреть, как люди в костюмах идут мимо на обеденный перерыв и тратят двадцать долларов на салат из злаков, чтобы утолить голод.

В Сагино мало бездомных. У большинства неимущих есть жилье. Снаружи их старые домишки практически разрушены, стены гниют от плесени, а кровати кишат клопами. Но у этих бедняков есть крыша над головой. Многие, кого я знаю в Сагино, вновь и вновь пытаются чего-то добиться, но для жителей города это непростое дело. Родители всех моих друзей были фермерами или всю жизнь трудились на заводе, но за последнее десятилетие позакрывались предприятия, и работы просто не стало. Город не может похвастаться ростом ни в одной отрасли, кроме наркоторговли. Семьям, которые десять лет назад имели достаточно средств на жизнь, сейчас едва хватает на еду. Безработица, преступность и наркомания достигли небывалых уровней. Счастье ушло вместе с работой, и иногда мне кажется, они уже никогда не вернуться.

В этом главное отличие Сагино от Нью-Йорка. Люди связывают с самым крупным городом страны надежды на светлое будущее – и все меняется. Сюда приезжают миллионы людей, руководствующихся исключительно эмоциями. Они надеются на большее. Они хотят больше

счастья, больше возможностей, больше впечатлений и – самое главное – больше денег. Улицы переполнены людьми, которые целыми семьями покидают родные места, чтобы строить здесь новую жизнь. Это изумительно.

Мужчины и женщины собирают вещи и переезжают в Нью-Йорк. По статистике – более ста человек в день. Метро работает круглые сутки, всевозможные услуги оказывают двадцать четыре часа семь дней в неделю – и никаких громоздких пикапов и тракторов, занимающих половину дороги, как в Мичигане. Небольшие кирпичные муниципальные здания, которые мы в Сагино называли «центр», не идут ни в какое сравнение с нью-йоркскими пафосными небоскребами.

Поэтому чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что между Нью-Йорком и Сагино нет ничего общего, и это нормально. Может, я пытаюсь найти в них сходство, чтобы убедить себя, что жизнь в этом городе меня не изменит... и что бы ни значило «повзрослеть», я по-прежнему останусь собой, даже когда стану старше. С единственной разницей – в возрасте.

Телефон снова затрезвонил. Я увидел имя мамы, высветившееся дважды, мое сердце забилося чаще. Но прочитал эсэмэски и расслабился. В одной была ссылка на статью об открытии в Торонто тематического бара, посвященного Гарри Поттеру, а в другом сообщении – новые данные о весе моей младшей сестры. Она пока маленькая, но маме осталось еще четыре недели. Надеюсь, последнего месяца будет достаточно, чтобы Эбби подросла до нормы.

Я представил себе младшую сестру, сморщенную, с розовой лентой на голове, с протянутыми короткими пухлыми ручками, и рассмеялся. Понятия не имею, каково быть старшим братом, особенно в моем возрасте. Я слишком взрослый, чтобы иметь что-то с ребенком общее, но хочу стать самым лучшим братом, таким, которого не хватало в детстве самому. Для мамы и Кена все изменится, когда дома появится малыш, ведь другие их дети выросли и в конечном итоге покинули гнездо. Мама постоянно говорила, что ждет не дождется, когда дом будет принадлежать только ей, но я знаю, что ей без меня одиноко. Мы всегда были вместе – и в радости, и в горе.

Я ждал, пока светофор переключится и покажет белый светящийся силуэт. Мне чертовски повезло с мамой. В моем детстве она ни разу не усомнилась в моих поступках и поддерживала все прихоти. Она была из тех матерей, которые заодно с детьми оденутся в костюмы за несколько месяцев до Хэллоуина. Она говорила, что если захочу, я могу жить даже на

Луне. В детстве я часто задавался вопросом, можно ли пробежать до Луны, если бежать достаточно быстро. Иногда я очень этого хотел.

Свет переключился; я заметил девушку, которая с трудом переходила улицу, настолько высокими были ее каблуки. Не понимаю, почему женщины подвергают себя такой пытке, чтобы выглядеть выше. Светофоры на перекрестках здесь переключаются быстро, обычно оставляя пешеходам меньше тридцати секунд. Я быстро написал маме ответ, пообещал перезвонить вечером. Решил почитать о баре позже и сунул телефон обратно в карман.

Мне всегда очень хотелось побывать в Торонто – это всего лишь в часе лета отсюда, возможно, соберусь туда на зимних каникулах. Скорее всего, придется отправиться в поездку одному. Безумная часть меня внезапно предположила, что я могу взять с собой Нору, – ей будет интересно попутешествовать, бьюсь об заклад. Мне, впрочем, кажется, что она повидала больше моего. Даже не зная ее толком, думаю, что она поездила по миру или просто знает о нем больше, чем я. Это единственный учебник, который может научить. Я – живое доказательство. Я люблю путешествовать и надеюсь, что вскоре...

Но почему я представляю себя с Норой на тропическом пляже? Она в крошечном бикини, ее полные ягодички выглядывают из трусиков. Я едва знаю Нору, но не могу выкинуть ее из головы.

В магазине на первом этаже моего дома никогда не бываетлюдно, и иногда мне жаль продавщицу Эллен, юную русскую девушку. Мне не по себе, что она сидит там ночью одна. Когда я вошел, зазвякал дверной колокольчик, и Эллен вынырнула из толстого учебника, одарив меня вежливой улыбкой. Ее короткие волнистые волосы собраны тонким обручем под цвет красного свитера с маленькими белыми горошинами.

– Привет, – поздоровалась она, когда я осматривал дальний отсек холодильника в поисках молока.

– Привет, Эллен, – ответил я, проверяя дату на пакете, потому что мне не раз попадались продукты с истекшим сроком годности. Потом поискал синий гаторейд, чтобы предложить его Норе в следующий раз, когда она придет, но его не оказалось. У меня есть время, так что я просто схожу в ближайший магазин.

Второй раз за сегодня мне бы пригодился один из пакетов, запас которых Тесса держит около двери. Она ратует за отказ от использования пластика, и каждый раз, открывая дверь, я выслушиваю лекцию о вреде, который полиэтиленовые пакеты наносят окружающей среде. Эта женщина смотрит слишком много документальных фильмов. Вскоре она объявит

бойкот тем, кто носит обувь, или еще типа того.

Я подошел и взял пачку жвачки с полки на стойке. Эллен закрыла учебник. Она казалась несколько напряженной, и я пожалел, что не захватил с собой пакет с арбузом и дыней. Арбуз говорит: «Мы должны убежать и пожениться», а дыня отвечает: «Извините», и ниже картинка с более крупным лицом дыни, которая говорит: «Но я дыня».

Эллен любит шутки про фрукты, как и я, а это свидетельствует о том, что она достойный человек. Возможно, этот прикол ее развеселил бы.

– Как дела? – начал я.

– Хорошо, занимаюсь вот.

Старый регистратор попискивал – Эллен вводила стоимость молока и жвачки. Я вынул карточку и протянул ее через считывающее устройство.

– Ты всегда учишься. – И это правда: каждый раз, когда я захожу в магазин, она одна за прилавком читает учебник или делает домашнее задание.

– Мне нужно поступить в колледж. – Она пожала плечами, избегая встречаться со мной взглядом.

Колледж? Она учится в школе и работает здесь до ночи, и так часто? Даже когда я просто прохожу мимо, вижу ее через окно за прилавком.

– Сколько тебе лет? – не удержался и спросил я.

Это не мое дело, и я не намного старше, но, будь я на месте ее родителей, я бы беспокоился о своей дочери-подростке, которая одна работает ночью в бруклинском магазине.

– На следующей неделе исполнится семнадцать, – ответила она с хмурым видом, не очень подходящим девочке-тинейджеру, которая говорит, что скоро станет еще на год ближе к золотому возрасту – восемнадцатилетию.

– Очень мило, – сказал я, а Эллен протянула мне чек на подпись.

Все еще хмурясь, она вручила мне красную ручку, привязанную к небольшой дощечке грязной коричневой веревкой. Я подписал чек и вернул ей. Когда принтер зажевал копию квитанции, она стала изо всех сил извиняться. Эллен открыла крышку.

– Все нормально, я не тороплюсь.

Действительно, мне некуда спешить, разве что домой, учить геологию. Ой, а мое свидание с Норой, из-за которого я дико нервничал? Ничего страшного.

Она оторвала замятую бумагу от рулона и бросила в мусорную корзину под прилавком.

Я подумал, что Эллен никогда не выглядела как обычная беззаботная

семнадцатилетняя девушка. Я часто забываю, что у большинства нет таких мам, как у меня, – черт, во всяком случае, у многих моих знакомых, которых я знал в детстве. Я рос без отца, но меня это особенно не беспокоило, честно. У меня была моя мама. Каждый реагирует на обстоятельства по-разному, в зависимости от своего личного опыта и характера. Хардин, например... его прошлое определенным образом на него повлияло, и он должен был выбрать свой, отличный от моего путь, чтобы понять пережитое. Не важно почему; важно, что он взял на себя ответственность за свою жизнь и не щадил сил, чтобы, опираясь на полученные уроки, построить свое будущее.

Несмотря на то что я и не стремился немедленно куда-нибудь уехать, с двенадцати лет я начал отсчитывать годы и месяцы до своего восемнадцатилетия, пришедшегося на начало последнего года учебы в школе. Из-за того, что я родился осенью, в первый класс меня приняли на год позже, поэтому я всегда был старше одноклассников. До окончания колледжа я не планировал уезжать от мамы, но это было до того, как Дакота начала уговаривать меня отправиться с ней в Нью-Йорк, чтобы она могла окончить там школу. Тогда я потратил несколько месяцев, чтобы оформить перевод и ФАФСА^[9] в Нью-Йоркском университете, а также найти для нас двоих квартиру недалеко от кампуса, чтобы можно было добираться на метро. Я уже смирился, что придется оставить лучших друзей, беременную маму и отца, когда жизнь Дакоты изменилась, но она забыла мне об этом сказать.

Я до сих пор рад, что переехал, и счастлив, что становлюсь человеком, самостоятельным в социальном отношении, который имеет свои обязанности и планы на будущее. Я не идеален, мне непросто справляться со стиркой, и я только начинаю осваиваться в оплате счетов, но учусь я быстро и с удовольствием. Во многом мне помогает Тесса. Она любит порядок гораздо больше, чем среднестатистический человек, но все домашние дела мы делим поровну. Я никогда не оставляю грязные носки в гостиной и не забываю после душа убирать мокрую грязную одежду с пола. Я сознаю, что живу в квартире с женщиной, с которой меня не связывают близкие отношения, поэтому всегда опускаю сиденье унитаза и не выхожу из себя, если вижу обертку от тампона в мусорном ведре. Я мастурбирую, только если ее нет дома, и никогда не оставляю следов.

Хотя, возможно, вчерашние события опровергают последнее утверждение. Мысленно я постоянно возвращаюсь туда, к встрече с Норой.

Выключив и снова включив машинку и дважды поменяв рулон, Эллен наконец напечатала копию чека. Я решил еще немного задержаться.

Похоже, она нечасто взаимодействует с кем-то, кроме персонажей в учебниках по истории.

– Что будешь делать на день рождения? – Мне было действительно любопытно.

Эллен усмехнулась, и ее щеки вспыхнули, бледная кожа покраснела, и она покачала головой:

– Я? Нет, мне надо работать.

Я догадывался, что у нее нет других планов, кроме обычной смены на табурете за высоким прилавком.

– Ну, день рождения явно переоценивают. – Я улыбнулся как можно шире.

В ее глазах мелькнула радость. Эллен слегка распрямилась и расправила плечи.

– Да, действительно.

Я пожелал ей спокойной ночи, заметил, что не стоит слишком усердно заниматься, вышел и закрыл за собой дверь. И это человек семнадцати лет, выросший в городе! Я не мог себе такого представить.

Во время прогулки до магазина в конце квартала я прочитал о баре в Торонто и позвонил маме. Она сказала, что Кен недавно вернулся с конференции в Портленде и ему не терпится рассказать мне о результатах последней игры «Джайентс»^[10]. Благодаря их проигрышу я выиграл небольшую ставку в нашем споре и не мог удержаться, чтобы чуть-чуть не похвастаться. Мы поговорили и торопливо попрощались, чтобы не остыл их ужин.

Я привык ужинать вместе с ними почти каждый вечер, обсуждая между прочим текущие дела, учебу и спорт. Несколько минут я с удовольствием вспоминал дни, проведенные с семьей до переезда в Нью-Йорк. И мысли об этих днях все больше убеждали меня, что пора заводить новых друзей.

Глава двенадцатая

Не найдя ни одного синего гаторейда, я взял три бутылки красного и отправился обратно.

Около моего дома посреди улицы стоял на холостом ходу шумный автофургон. Продукты в магазин доставляют по ночам; в три утра почти каждый день приезжают мусорщики и громко гремят, выгружая баки в свою железную машину, и мешают спать. Недавно я сделал лучшее приобретение в своей жизни. Это гаджет, который воспроизводит звуки моря, дождя в лесу, ночной пустыни и белый шум, – единственный режим, который я использую.

Я терпеливо подождал, когда лифт спустится на первый этаж, и вошел в маленькую кабину, где могут поместиться только два человека средней комплекции с одним пакетом. Обычно я иду по лестнице, но колено снова побаливало.

Поднимая меня на третий этаж, лифт скрипел и стонал, и эти звуки увеличивали мою тревогу. Я беспокоился, что один из старейших лифтов этого города наконец застрянет и продержит меня в заложниках несколько часов. Если это случится именно сегодня, то я не смогу пойти на свидание с Норой.

Нет, сегодня это было бы забавно.

Это было бы забавно, говорил я себе, убирая молоко и гаторейд в холодильник.

Вполне естественно провести вечер с женщиной и ее соседками по комнате, даже с незнакомыми, размышлял я, стоя под успокаивающей струей воды. Обычный душ, никаких занавесок или пострадавшего эго. И одиночество, которым я от души наслаждаюсь.

Абсолютно нормальное явление, волноваться не о чем.

Но стоило убедить себя в этом, как в мои планы внедрился маленький, кудрявый винт. Я лег на кровать с влажными волосами и проверил эсэмэс.

Одно от Тессы: она взяла дополнительную смену и написала, что присоединится к нам, если сможет, и что Нора сообщит мне скоро о планах на сегодняшний вечер.

Другое от Дакоты.

«Эй, что собираешься делать?»

Я прочитал, затем чуть смущенно повторил вслух.

Несколько минут я тупил на экран и думал над ответом. Мне не

хотелось рассказывать ей, что у меня назначена с кем-то встреча, особенно с другой женщиной. Я не хотел врать, я готов делать что угодно, только не это. Просто из такого признания вряд ли выйдет что-нибудь хорошее. Я не вижу реальных причин, чтобы сообщать ей о своем свидании. Мы же не встречаемся. Нора и я – всего лишь друзья, и неважно, как часто я о ней думаю.

Но это все равно ложь.

«Заниматься. А ты?»

Прежде чем нажать «Отправить», я закрыл глаза, но память услужливо подсказала, где находится нужная кнопка. Я сразу же почувствовал себя виноватым за ложь, но понял, что уже слишком поздно и сообщение не вернуть.

Я поставил телефон на зарядку, подошел к шкафу и начал одеваться: схватил темно-синие джинсы с рваными коленками. Они уже, чем я обычно ношу, но мне нравится, как они на мне сидят. Еще два года назад я бы выглядел в них как разбухший кекс. Даже не кекс... а маффин. Уродливый маффин.

Я замер, уставившись на свой гардероб, и пытался обнаружить хоть какую-нибудь информацию о моде, случайно сохранившуюся в памяти. Нет, ничего. У меня в голове – эльфы, волшебники, хоккейные шайбы и много чернокнижников, но ни одного модного совета. В моем шкафу нет ничего, кроме клетчатых рубашек на пуговицах и кучи толстовок с эмблемой Университета Западной Каролины. Я подошел к небольшому комоду и открыл верхний ящик. Надену серые шорты, одни из немногих без дырок. В комнате стало душновато, и я распахнул окно.

Второй ящик заполнен футболками, большинство из них с надписями на груди. Мне стоит пройтись по магазинам?

Почему нет Тессы, когда она нужна?

Подготовка к выходу на ночную вечеринку – это то, с чем я даже близко не знаком. Обычно я ношу простые футболки с джинсами или брюками, а переехав в Бруклин, добавил в гардероб несколько курток. Я бы сказал, что нахожусь как раз посередине пути в изучении науки одеваться.

Неизвестно, куда мы собираемся и как будет одета Нора. Я вообще мало знаю о свиданиях.

Я схватил серую рубашку и натянул ее через голову. Рукава оказались какими-то длинными, так что я их закатал и натянул шорты.

У меня довольно длинная челка, она чуть вьется и спадает на лоб, но я еще не решил, стоит ли ее постричь. Я сбрызнул волосы спреем Тессы и попытался расчесать непослушные бакенбарды. Мне нравится хипстерский

стиль, но очень жаль, что у меня есть участки кожи в нижней части щек, на которых отказывается расти борода.

Когда я оделся и немного приручил шевелюру, пришла эсэмэска от Норе. Единственное, что она прислала, – это адрес и смайлики с сердечком.

Я был просто в восторге... и немного нервничал.

Еще сильнее я заволновался, когда понял, сколько времени. Надо поторопиться, чтобы не опоздать. Я впрыгнул в коричневые ботинки и вбил адрес в телефон. Увидел, что я могу дойти до места за полчаса, и перевел дух.

По дороге я старался успокоиться и пытался придумать интересные темы для разговора, чтобы Норе и ее подругам не было скучно. Боже, надеюсь, они не увлекаются политикой: подобные дискуссии никогда не заканчиваются мирно.

Я так увлекся, что даже не заметил, что Дакота мне не ответила.

Глава тринадцатая

Я добрался до клуба. Оказалось, он меньше, чем я ожидал. В подобном заведении мне приходилось бывать только однажды, в центре Детройта. Кирпичное здание, перед которым мы стояли в ожидании, было вдвое меньше. Этот клуб отличался от тех, что обычно показывают в кино: там всегда есть важные мускулистые мужики на входе, парень с планшетом и наушником, обладающий властью повысить или разрушить самооценку женщин, которые в другой ситуации никогда бы не обратили на него внимания. Его короткий кивок, когда он отстегивает бархатный шнур, оправдывает те два часа, что они потратили на сборы. Если вас заставляют очень долго ждать, значит, вы ничего собой не представляете. Он хочет, чтобы вы чувствовали себя именно так, и это довольно неприятно.

Хотя все это фарс; этот парень, вероятно, по ночам один и на следующее утро чувствует себя не лучше вас. Его власть имеет двенадцатичасовой срок годности. Потом он еще и ненавидит себя и злится, что упустил шанс познакомиться с интересной ему дамой или не получил номер телефона какой-нибудь шикарной женщины, к которой отнесся без должного уважения. Мне довольно грустно сознавать, что в 2016 году люди все еще беспокоятся о том, чтобы попасть в какое-то модное место с помощью своей внешности. Я прилагаю все усилия, чтобы не увлечься такими вещами, но я знаю, такое случается.

Однако я чрезвычайно рад, что этот клуб совсем иного рода. Небольшое строение на перекрестке, рядом продуктовые фуры, припаркованные на пустыре. На шоссе не так оживленно, как на тротуаре, только несколько зеленых такси и электрокар «Тесла».

Я смотрел на «Теслу», сияющую в свете фонарей, и тут до меня кто-то дотронулся. Оглянувшись, я увидел Нору; смоуки-айз, черные брюки, такие обтягивающие, будто кто-то их нарисовал на ее полных ногах, черная рубашка «Адидас» до бедра такого фасона, словно Нора взяла ножницы и сама сделала V-образный вырез. Образ завершали черный пиджак и белые теннисные туфли. В этом повседневном на вид, но хорошо подобранном наряде Нора была явно не похожа на девушку моего уровня.

Слишком красивая.

Слишком сексуальная.

Все слишком.

Нора опустила руку и встала прямо передо мной. Казалось, она от

меня чего-то ждала. Я не знал, что делать, поэтому просто молча на нее уставился. Пока мы торчали на тротуаре, не решаясь зайти внутрь, собралась очередь из нескольких человек.

Наконец Нора посмотрела на дверь бара.

– Пора? – нервно спросил я.

Ее блестящие губы растянулись в улыбке, и она кивнула. Я видел, как ее глаза пробежали по мне, оценивая мой прикид, и мне стало несколько неловко за выбор одежды.

Может, надо было спортивные штаны надеть? Или засученные рукава – это слишком?

Наконец, Нора оторвала от меня взгляд и посмотрела на зеркальное окно бара.

– Да. Пора. – И, указывая внутрь, добавила: – Они уже заняли столик.

Мне стало неуютно. Следуя за Норой, я набирал эсэмэску Тессе, чтобы она знала, что мы на месте. Мне было немного не по себе от того, что я приставал к ней с просьбой к нам приехать. Она, конечно, предпочла бы остаться и, лежа в постели, перечитывать любимую книжку. Ей больше нравится лежать погребенной под одеялом, рыдать из-за совершенных ошибок и сочувствовать литературным героям, мечтая, чтобы ее отношения закончились так же, как в книжке.

Но упиваться своим несчастьем, плача в подушку, – не самый лучший выбор. Кроме того, у меня было бы еще одно знакомое лицо на неразведанной территории.

Когда дверь клуба открылась, на тротуар вырвалась приятная электронная музыка. Хороший ритм, медленный, но энергичный, мягкий, но насыщенный. Я прибавил шаг, чтобы догнать Нору и попытаться завязать разговор.

– Так вы часто ходите сюда танцевать? – спросил я, заходя внутрь.

Она обернулась и прижала указательный палец к моим губам.

– Здесь никто не танцует. – Она улыбнулась мне, словно мать младенцу, когда приходится объяснять ему простейшие вещи.

Осмотревшись, я понял, что это вообще не клуб. Какого черта я не погуглил название? Это типичное место для модных тусовок. Зал переполнен, небольшие деревянные столы, приглушенный свет, хай-тек. Компании в баре весело болтали и потягивали коктейли. Парень со светлыми волосами встряхнул стакан с кислотного цвета жидкостью – и когда он вылил ее на кубики льда, все присутствующие, восхищенно наблюдавшие за ним, заплодировали. Жидкость зашипела, и над чашкой поднялось облако дыма. Впечатляюще.

Возле бара я взглянул на Нору и заметил, как изменилось выражение ее лица – от любопытства до полного скептицизма.

– Бармен, да это самая отстойная фишка! – крикнула она достаточно громко, чтобы бармен услышал ее сквозь музыку.

Я оглянулся по сторонам на обращенные к нам лица. Нора не отвернулась: она смотрела прямо в глаза парню за стойкой.

– Тьфу. Я должен был догадаться, что это ты.

Он в шутку изобразил недовольство. По тому, как бармен не отрываясь смотрел на Нору, я понял, что он хорошо ее знает, достаточно близко, чтобы подшучивать.

Коротко и глупо: не удивлюсь, если они встречались... или, возможно, встречаются сейчас.

– Привет, Митч.

Она улыбнулась и облокотилась на стойку бара, демонстрируя грудь. Он заметил, и это ему понравилось. Его взгляд скользнул на декольте Норы.

Рубашка в сочетании с этими чертовыми джинсами... Я никогда не видел, чтобы кто-то так хорошо выглядел в таком простом наряде.

– Не хмуриться, тебе это не идет, – прозвенел в ушах голос Тессы.

Я что, прозрачный? Я попытался сделать лицо попроще и осознать произошедшее. Ревнивым меня назвать сложно. Иначе Дакота довела бы меня до абсолютного безумия своим кокетством и красотой, которая в школе привлекала, казалось, каждого парня. С ней у меня никогда не возникало чувство, что я должен за нее бороться, – она всегда была моей, и у меня не было причин для нелепой ревности и страданий.

– Когда ты пришла? – спросил я, отрывая взгляд от Норы.

– Только что; работа была на редкость бестолковая.

Тесса вздохнула, пожав плечами, с таким видом, будто предпочла бы оказаться где угодно, только не здесь. На ней рабочая форма одежды: черные брюки и белая рубашка на пуговицах; из сумочки свисали тесемки фартука. Какая актриса и подруга!

Возбужденный бармен крутился поблизости. У него приятная внешность: широкая улыбка, отлично уложенные волосы, плечи полузащитника и фигура, как у Адама Левина. Он худощавый, но мускулистый. Странное сочетание, но что уж там – выглядит он привлекательно.

Нора протянула руки, чтобы обнять его, и бармен принял ее объятия. Единственное, что мешало им прильнуть друг к другу, – барная стойка. Я отвернулся и притворился, что разглядываю сцену, но краем глаза видел, что они все еще обнимаются.

Я окинул взглядом все заведение. Меню написано мелом на большой доске за стойкой. Я услышал, как Нора заказала два коктейля, и посмотрел их состав. «Письма любимым» содержит джин, малину и что-то, чего я не могу разобрать. А «Узел Манхэттена» – смесь из виски, вермута и горькой настойки. Возле списка ингредиентов был от руки нарисован маленький узел.

Продолжая читать список причудливых коктейлей, я сообразил, что раз Норе около двадцати пяти и она наверняка хорошо знакома с барменом, у нас не будет проблем с покупкой алкоголя. Я пью не часто – упаковки из шести банок пива мне хватило бы, наверное, на месяц, – но сегодня мне хотелось выпить. Мы с Тессой несколько раз ходили в бар, и когда там предлагали коктейльное меню, нам часто удавалось выпить без предъявления документов. Да, иногда мы уходим в загул.

Тесса неловко одернула свою мешковатую белую рубашку.

– Я в туалет, – сообщила она.

Я кивнул, переминаясь с ноги на ногу в ожидании, когда Нора вспомнит обо мне.

Я глазел на Митча, и он казался мне все более и более привлекательным... и все более и более несносным. Разве он не должен делать коктейли или что-нибудь еще? Теперь здесь только я, Нора и один из самых привлекательных мужчин на свете.

Парни вроде Митча приходят в этот мир для того, чтобы такие, как я, чувствовали себя неполноценными. Его зубы идеально ровные и белее новой пары кроссовок. Я снова тайком посмотрел на них, крутанул на каблуках и старался больше не пялиться. Может, надо было сходить в туалет за компанию с Тессой – знаете, как делают девчонки?

Пока я не ушел, Нора оторвалась от мистера «Горячего Парня», слишком знойного для этого небольшого бара, – и успела взять меня за руку. Она прикоснулась к моей коже, и я почувствовал, что у нее холодные руки. Я взял ее кисти в свои и начал их растирать, чтобы согреть. Руки почти сразу потеплели, а мои щеки запылали от проявленного нахальства. Слава богу, здесь темно.

В Нориных глазах вспыхнуло любопытство. Глядя на наши руки, она улыбнулась. Светильники, подвешенные к потолку, двигались, отбрасывая свет и тени на тело девушки. Они исполняли медленный танец на открытой коже ее шеи и груди. Нора не сводила с меня глаз, а я смотрел на нее и не мог оторваться.

Я взглянул на мистера «Горячего Парня»: он не обращал на нас ни малейшего внимания. А мне хотелось бы, чтобы он это видел...

Что со мной? Мне не стоит так много разговаривать с Хардином. Он превращает меня в сволочь.

Нервную сволочь.

Нора по-прежнему смотрела на меня.

– Пойдем сядем?

Находиться в непрерывном зрительном контакте с кем-либо, особенно с красивой девушкой, которая, как я уже признал, меня привлекает, несколько напряжно. Когда она меня поцеловала, тело отреагировало так, что не осталось никаких сомнений, что я ждал ее и этого поцелуя.

Нора обернулась к барной стойке, поблагодарила Митча, а затем протянула мне стакан с плавающей в нем палочкой из красной лакрицы, завязанной в узел, и маленькой соломинкой с перевернутым небоскребом на конце. Кажется, деревянным. Я впечатлен. На стакане Норы сбоку приклеена записка. Наверное, записка. Вдвойне впечатлен.

Нора продолжала смотреть на меня, и я вспомнил, что она предлагала сесть. Я кивнул, желая выйти из толпы у барной стойки. В зале тоже довольнолюдно, но там мы, по крайней мере, можем сесть. Звучала приятная музыка, спокойная и с хорошим ритмом. Здесь нет танцпола; это коктейльный бар с легкими закусками в меню, а не ночной клуб. Я в недоумении, почему я просто не искал место вместо того, чтобы все это время загоняться.

Нора обхватила пальцами мое запястье и повела меня в заднюю часть зала. Чем дальше мы отходили от стойки, тем темнее становилось. Наконец мы остановились у стола, вокруг которого сидело несколько женщин. Нас встретили улыбками. Я до сих пор поражаюсь, как близко друг к другу люди готовы сидеть в этом городе. Маленькие столы выстроились так тесно, что, несмотря на громкую музыку, были слышны все разговоры окружающих. Несколько мест за столом оказались свободны, и Нора жестом пригласила меня сесть. Устроившись напротив, она подняла свой стакан навстречу моему. Мы чокнулись, я вынул и отложил в сторону лакрицу и маленький деревянный домик и сделал глоток.

Черт, на вкус как бензин! Почему-то неудивительно.

Я улыбнулся, но покачал головой и помахал руками над напитком:

– Это не для меня.

Она засмеялась, прикрывая рот ладонью и кивая.

– Я тебя не виню! Он сделал их слишком крепкими.

Нора с улыбкой подтолкнула ко мне стакан воды. Потом взяла мой коктейль, понюхала, сморщив нос от резкого запаха, и отодвинула в сторону, на край стола, подальше от меня.

Мне понравилось, что Нора со мной согласилась. Она сделала еще один глоток своего коктейля и лизнула розовую сахарную кромку на стакане. В следующую секунду она отлепила от стекла маленький конверт и открыла его. Я подождал, пока она прочитает, и протянул руку за запиской. Она фыркнула и закатила глаза, играя пальцами с тонкой цепочкой на шее.

Влюбленный, не открывай новую дверь, пока кто-то таится за прежней.

Я засмеялся и вернул ей письмо. Хитроумная реклама. А мне интересно, они когда-нибудь меняют записки, а если да, то как часто? Слегка смутившись, Нора принялась знакомить меня со своими друзьями.

– Мелоди, – указала она на симпатичную девушку-азиатку, глаза которой были не очень удачно подведены широкой, совершенно прямой линией.

– Привет! – Мелоди выглянула из-за спины Норы.

Следующую девушку звали Рейн, еще одну – Скарлет, потом – Мэгги.... Лица начали сливаться. На самом-то деле я бы предпочел поговорить с Норой наедине. Мне хотелось спросить, чем она занимается с тех пор, как приехала сюда из Вашингтона, какой кофе любит, какое время года ей нравится, – то есть узнать ее немного больше, поскольку, хотя мы познакомились довольно давно, мы никогда не общались.

Я заметил, что подружка, которую Нора назвала Мэгги, что-то сказала и похлопала по плечу девушку, сидевшую рядом с ней, – и тут меня озарила внезапная догадка.

Мэгги – это *Мэгги*.

Мэгги...

Это значит...

Соседка Мэгги обернулась, увидела меня, и ее лицо отразило замешательство. Такое совпадение выше моего разума.

На меня смотрела Дакота: она вытаращила от изумления глаза и от смущения плотно сжала губы.

– Лэндон? – воскликнула она.

Что-то в ее тоне показалось мне неестественным, и у меня появилось чувство, что она заметила меня гораздо раньше, чем я ее.

Она не сводила с меня пристального взгляда, наблюдая, как меня все больше охватывает волнение. Я хотел бы иметь волшебный портал, чтобы переместиться с его помощью куда угодно, только бы не торчать здесь. Я согласен оказаться даже в центре битвы при Хельмовой Пади. К сожалению для меня, я не нашел пути к порталу в мой любимый сериал.

Когда мне было шестнадцать лет, тетя подарила мне набор лего «Властелин колец», и я пытался собрать именно эту сцену битвы, однако задача оказалась слишком сложной, и я сдался. Дакота продержалась дольше, вооружив маленькими луками и стрелами, по крайней мере, пятьдесят эльфов. В детстве она справлялась с лего лучше меня, и теперь, став взрослой, она при необходимости гораздо легче подбирала слова. Итак, вот я и вот она – посмотрела на меня, потом на Нору и вновь на меня. Я следил за тем, как она сводила воедино отдельные элементы картины, учитывая факт, что Нора привела меня сюда.

Ее миндалевидные глаза превратились в щелочки, и она с возмущением обратилась к Норе:

– Это тот горячий парень, о котором ты говорила?

Горячий парень? Что? Я смотрел в сторону бара, желая заползти под стойку. Эта встреча добром не кончится.

Нора закатила глаза, услышав слова Дакоты, хихикнула и показала ей язык.

– Издеваешься, Дакота?

О нет! Она даже не понимала, что происходит. И было что-то странное в том, как Нора разговаривала с Дакотой; в ее словах слышалась что-то неприятное.

Подошла Тесса и, заметив Дакоту, сидящую на противоположном конце стола от нас с Норой, застыла в той же растерянности, что и Дакота. Мой талант решать сложные проблемы внезапно испарился, и я сидел молча, как идиот.

Дакота снова обратила свое внимание на Нору и пыталась придумать, что сказать, чтобы сгладить неловкость. Я такого не ожидал. Лучше столкнуться с тысячей неприятностей, чем стать причиной подобного происшествия.

– Итак, как долго вы встречаетесь? – поинтересовалась она.

– Мы не встречаемся, – сказал я как раз в тот момент, когда Нора ответила громким голосом: – Пока недолго. Мы только начали.

Нора смущенно посмотрела на меня.

Недолго? Что значит «недолго»? Разве мы встречаемся? Что это?

Она лишь однажды меня поцеловала, и если не считать нескольких минут, пока Тесса была в душе или когда мы случайно встречались по дороге с работы домой, мы не проводили время вдвоем. Мы, собственно говоря, даже почти не разговаривали.

Глаза Дакоты налились слезами, я видел, как она собирается с силами. Она явно придумывала упреки и теорию, хоть как-то объясняющую эти

непонятки. Дакота редко на меня сердилась, и почему-то сейчас ее гнев вызвал чувство удовлетворения. Когда были вместе, мы почти не ссорились. Она часто кричала, но не на меня. На меня – никогда.

– Мы не встречаемся. – Мне показалось, что необходимо сказать это еще раз.

Остальные девушки за столом начали шушукаться, вероятно, сочиняя свою версию представленной им мыльной оперы.

Я взглянул на Нору и понял, что та начала о чем-то догадываться.

– Вы, что ли, друг с другом знакомы?

– Знакомы друг с другом?

Голос Дакоты стал глубоким и настороженным. Она возмущенно помахала рукой между Норой и мной.

Где ты, спасительный портал? Вытащи меня отсюда!

Дакота смотрела на меня так, словно я какой-то хищник, от которого она должна немедленно скрыться. Это было ужасно. Она сидела от меня довольно далеко, но я видел, как она расстроена. Она сжала пальцами край стола и, расширив глаза, следила за моей реакцией.

– Да, мы знаем друг друга. Мы знаем друг друга очень давно.

Дакота решила устроить шоу. Она эмоционально отстранилась от ситуации и старалась быть холодной и спокойной, чтобы никто не догадался, как она волнуется. Дакота взяла со стола стакан и не глядя осушила быстрым движением.

От нервного дыхания плечи Норы то поднимались, то опускались. Она молча смотрела на нас. Взгляды всех девчонок были направлены на меня.

Один пристальный.

Один настороженный.

Еще два пристальных.

Тесса уткнулась в свой телефон, от нее помощи не дождешься.

Итак, три пристальных...

... и один выжидательный.

Дакота схватила свою сумку со стула, оттолкнула меня и прошла мимо. Я попытался дотянуться до ее плеча, но она отдернула его, почти споткнувшись о стул.

Я растерянно смотрел, как она уходит, а обернувшись, оказался лицом к лицу с Норой.

– Ты, придурок. Ты – ее занудный бывший из Мичигана, – произнесла она без всякого выражения, немного смущаясь.

Я поднялся со стула.

Занудный бывший?

Вот так Дакота ко мне относится? Вот так она описывает меня своим новым друзьям?

Я оглянулся и увидел мелькнувшие в дверях кудри Дакоты.

Я представить себе не мог, что она чувствует. Наверняка уверена, что я встречаюсь с Норой, и обманул ее, написав в сообщении, что собираюсь заниматься.

Именно поэтому я никогда не вру. Я не знаю, почему я в этот раз решил солгать. Надо было предвидеть, что возможны неприятные последствия: из неправды никогда не выходит ничего хорошего. Только иногда я притворялся, что понимал, о чем говорит Дакота, хотя на самом деле не имел ни малейшего представления, но это можно назвать хитростью. Но я никогда ей не врал.

Кто-то схватил меня за плечо и развернул в противоположную сторону. Я увидел перед собой вызывающий взгляд Норы, требующий сделать немедленный выбор. В эти пронзительные глаза я готов смотреть ночь напролет. Я надеялся, что узнаю ближе женщину, решительность которой могла бы заполнить весь этот бар, а ее внутренний огонь – спалить целый город.

Как я мог выбирать? Я едва ее знал.

Нора совершенно спокойна; она не произнесла ни звука, и со мной говорили только ее глаза. Если я уйду с Дакотой, посмотрит ли она еще когда-нибудь в мою сторону?

Почему эта мысль так меня волновала?

Но я не мог позволить Дакоте одной возвращаться домой так поздно. Она расстроена, и мне показалось, что она может что-то выкинуть. Ее злейший враг – склонность к саморазрушению.

– Прости, – только и сказал я Норе и отправился вслед за Дакотой.

Глава четырнадцатая

Выйдя из бара, я увидел Дакоту. Она стояла на тротуаре и ловила такси. Я подбежал и схватил ее за руку.

– Не прикасайся ко мне, – процедила Дакота сквозь зубы, и из ее рта на холодном осеннем воздухе вырвалось облако пара.

Я отпустил ее и встал перед ней. Она скрестила руки на груди, как будто защищаясь.

Я сразу начал оправдываться. По крайней мере, попытался.

– Это не то, что ты думаешь, – быстро сказал я.

Дакота отвернулась. Она не собиралась слушать мои объяснения. Никогда не слушала.

Я мягко взял ее за руку, но она тут же вырвалась, словно я обжег ее. Не обращая внимания на осуждающие взгляды прохожих, я снова подошел к ней.

– Чушь! – закричала она. – Ты шутишь, Лэндон?

Запах алкоголя и рассредоточенный взгляд свидетельствовали, что она немало выпила. С каких пор она злоупотребляет алкоголем? И вообще, что это с ней?

Я вспомнил один случай. Дакоте тогда было шестнадцать: на ней были спортивные шорты и высокие носки с красными полосками сверху, свои кудри она собрала в пучок. Она сидела на своей кровати, скрестив ноги. Мы просматривали свои заявления в колледж и ели пиццу. Было тихо. Ее отец ушел, и Картер гулял с Джулс. И тут Дакота сказала, что никогда не напивалась допьяна, но хотела бы попробовать.

Первый опыт окончился не совсем так, как она ожидала; алкоголь оказался не таким вкусным, как она решила, посмотрев сериал «Сплетница». Уже через десять минут после трех глотков водки я придерживал ее волосы, а она блевала над унитазом. Тогда Дакота поклялась больше никогда не пить. Перед тем как поставить бутылку обратно в холодильник (забитый спиртным их отца), я вылил половину и добавил воды, наивно полагая, что если алкоголь разбавить, то его вкус не изменится.

Понятно, что водка не замерзает, но вода... На следующее утро Картер пришел в школу с фингалом под глазом и синяками на груди.

Больше я никогда не допускал таких ошибок.

– Она подруга Тессы, мы едва знакомы. Я понимаю, как это

выглядит...

Дакота не глядя перебила:

– Она говорит о тебе уже несколько недель! – К концу фразы она перешла на крик. – Он таааакой сладкий! – протянула она, изображая чувственный женский голос.

На нас стали оглядываться прохожие. Какой-то парень в шапочке бросил на меня взгляд, полный сочувствия. Рядом с ним шла спокойная девушка, которая, кажется, не испытывала к нему ненависти. Счастливчик!

Я пытался защищаться, но это звучало как детский лепет:

– Я не знаю, что она говорила, но я не...

Дакота замахала рукой перед моим лицом, чтобы я замолчал. Ее платье задралось, открывая ноги в колготках. И чем больше Дакота металась по тротуару, тем выше оно поднималось. Продолжая упиваться яростью, она этого даже не замечала.

Дакота еще немного пометалась и вдруг гневно воззрилась на меня с таким выражением лица, будто что-то вспомнила:

– Боже мой! Она поцеловала тебя! Она нам рассказывала!

И опять зашагала поперек тротуара, задев плечом дядьку, выгуливавшего сенбернара.

– Вот о ком она, черт побери, говорила все это время! Это был ты!

Господи Иисусе, Нора передавала Дакоте все подробности каждой нашей встречи?

Дакота снова подняла руку, чтобы поймать такси.

– Отойди от меня, – предупредила она, когда я прикоснулся к ее локтю, чтобы остановить.

Я молчал, чтобы не разозлить ее еще больше. Кто мог предположить, что эта парочка меня обсуждает? Я и не думал, что нравился Норе настолько, чтобы она рассказывала обо мне подругам! В любом случае, как я мог подумать, что Дакота была одной из ее соседок по комнате? Как тесен мир!

– Я пойду с тобой. Сколько ты выпила? – настаивал я.

Дакота метнула на меня испепеляющий взгляд; ее глаза буквально пылали. Я не дождался ответа. Да и не рассчитывал.

В этой части Бруклина фирменные такси встречаются довольно редко.

– Я закажу такси и высажу тебя у дома, – сообщил я и полез в карман за телефоном.

Дакота не остановила меня, и я подумал, что это хороший знак.

Пока мы ждали машину, я решил помалкивать. Не очень разумно выяснять отношения с Дакотой, пока мы не уберемся отсюда. Все это –

одно большое недоразумение, и мне необходимо спокойно объяснить ей все наедине.

Спустя три минуты, проведенные в полном молчании, к обочине подъехал Даниель в синей «Тойоте Приус» с пятью звездами. Я положил руки на плечи Дакоты, чтобы проводить ее к машине. Она вырвалась из объятий и заковыляла к автомобилю с другой стороны. В этот момент мимо ехала другая машина, прямо на Дакоту. Я бросился к ней, оттащил в сторону, подвел к дверце и усадил внутрь. Она опять невнятно промычала, чтобы ее не трогали, я открыл другую дверцу и сел в машину.

Это будет долгая ночь. Я ввел в навигатор не ее адрес, а свой, поскольку был уверен, что она не захочет сегодня видеть Нору, хотя предполагал, что она будет от этого беситься.

– Как дела, ребята? – вежливо поинтересовался Даниель.

Дакота промолчала: она подперла щеку рукой и привалилась к окну.

– Отлично, – солгал я.

Незачем вмешивать его в эту неразбериху; шофер, похоже, хороший парень, а в его машине пахнет карамелью.

– Приятно слышать. Холодает. На случай, если вам захочется пить, сзади есть вода. И если что – зарядные устройства, – предложил он.

Теперь я понимаю, почему у водителя высокий рейтинг.

Я скосился на Дакоту: возможно, неплохо бы ей попить воды, – но, похоже, ей было на все плевать.

– У нас все хорошо... спасибо, – ответил я.

Водитель бросил взгляд в зеркало заднего вида и, кажется, понял намек. Сделал музыку погромче и остаток пути молчал. Он получит от меня пять звезд.

– Ты чей адрес назвал? – Через несколько минут Дакота наконец соизволила со мной поговорить.

Я посмотрел в окно. Мы только что проехали «Мельницу». Это примерно на полпути ко мне.

– Свой. Я даже не знаю, где ты живешь, – напомнил я.

Я не знаю адрес потому, что с тех пор, как Дакота переехала сюда, она практически не общалась со мной и, конечно, никогда не приглашала к себе. Какое право она имеет так бесноваться из-за моих встреч с Норой, если это вообще можно назвать «встречами»? Несмотря на то что, по моему, Дакота вела себя совершенно иррационально, меня интересовало, заслуживаю ли я этого ледяного молчания.

Она фыркнула, но спорить не стала. Я думаю, потому что я был прав и она не хотела сегодня видеться с Норой и другими соседками по комнате,

которые стали свидетелями неприятной сцены в баре. Казалось, их связывают своеобразные отношения заклятых подруг, суть которых мне как-то объяснила Тесса, когда мы запоем смотрели сериал «Милые обманщицы».

Тесса. Тьфу, я просто бросил ее в баре! Я достал телефон и отправил ей эсэмэс с извинениями. Дакота искоса посмотрела на меня, без сомнения, интересуясь, не Норе ли я пишу.

– Да хотел сообщить Тессе, что я ушел...

Пятизвездочный Даниель припарковался у моего дома и в последний раз с сочувствием взглянул на меня. Я быстро достал кошелек и сунул ему пятидолларовую купюру. Дакота быстро выбралась из машины и захлопнула дверь, когда я вышел на тротуар.

– Давай помогу. – Я протянул руку к ее сумке, от которой она пыталась освободиться.

Коричневые кожаные ремни переплелись на плече Дакоты, превратившись в запутанный клубок. Она пожала плечами и замерла, принимая помощь. Я быстро разобрался с ремнями, стараясь не дотрагиваться до Дакоты, и снял с нее сумку. Мы обернулись к двери, и Дакота оперлась на меня (не думаю, что нарочно). Мох, растущий на кирпичных стенах, показался мне еще толще и страшнее, чем обычно.

Дакота отстранилась от меня и поплелась к подъезду. Я открыл дверь. Мы вошли в теплый коридор, и она с облегчением вздохнула. Ни швейцара, ни другой охраны в доме не было, но в вестибюле всегда было чисто и, как правило, пахло какой-то химией. Не сказал бы, что это хорошо, но лучше некоторых альтернативных вариантов.

Пока мы шли по тихому коридору, я сообразил, что раньше Дакота никогда здесь не бывала. Когда я переехал в Бруклин, мы должны были поужинать у меня, чтобы наверстать упущенное в разлуке, но за час до свидания Дакота отказалась прийти. Я приготовил четыре блюда, конечно, с помощью Тессы. По-моему, я битый час ходил по бруклинским магазинам в поисках любимого напитка Дакоты, голубой крем-сода в стеклянной бутылке. До ее приезда я даже пива не пил. Хотя оставались две банки: остальные четыре я берег для нее.

Туфли Дакоты поскрипывали, и я не припомню, чтобы дорога до моей квартиры когда-нибудь занимала так много времени. Казалось, лифт никогда не приедет.

Наконец мы добрались до двери, я открыл замок, Дакота оттолкнула меня и вошла. Я положил ее сумочку на стол и скинул ботинки. Она сделала еще несколько шагов и остановилась в центре комнаты.

Гостиная казалась значительно меньше обычного, ведь в ней была Дакота... Эта девушка – прекрасная буря: волны ее гнева заполнили воздух вокруг. Ее грудь вздымалась и опускалась.

Мне не оставалось ничего другого, как решительно шагнуть прямо в бушующую стихию. Но я не знал, с чего начать, и никак не мог вспомнить, какая тактика безошибочно помогает унять ее негодование.

И тут в памяти промелькнула картина из прошлого.

Как тогда, я медленно приблизился к Дакоте и обнял за талию, словно защищая от всего и вся. В данном случае от себя.

Забытым движением нежно приподнял пальцами упрямый подбородок и заглянул в глаза. Но она не смотрела на меня.

– Мы должны об этом поговорить, – шепнул я, пытаюсь преодолеть отчуждение.

Дакота перевела дыхание и изо всех сил старалась не встретиться со мной взглядом. Я наклонился к ее лицу. Она отвела взгляд, но я решил не сдаваться и все-таки заставить ее выслушать меня.

– Я встретился с Норой, когда летал в Вашингтон, – начал я.

– В *Вашингтон*? Ты так давно ее знаешь?

В конце фразы она икнула и отошла от меня в сторону.

Надо бы предложить ей чего-нибудь попить. Это, конечно, не лучший момент, но когда нетрезвый человек икает, то, скорее всего, его вот-вот стошнит, верно? Откуда я вообще об этом знаю?

Это один из тех случаев, когда я хотел бы больше знать об алкоголе и его влиянии на организм. Дакота ногой задела стопку учебников на полу, споткнувшись, сделала несколько нетвердых шагов к дивану. Береженного бог бережет – я, в конце концов, принес ей воды.

Я покачал головой.

– Нет, нет, нет. Она несколько раз заходила, потому что ее родители живут рядом с мамой и Кеном. Я знаю, что это похоже на ложь, но это не так. Я едва ее знаю. Она помогала моей маме с выпечкой, а теперь она – подруга Тессы.

– Твоя мама? Она знакома с *твоей мамой*? – завопила Дакота.

Все, что я говорил, кажется, только подсыпало земли в могилу, в которую я себя закапывал.

– Нет... ну, да, – вздохнул я. – Как я сказал, ее родители живут рядом с моими. Ее не приглашали на семейные ужины или типа того.

Я надеялся, что-то щелкнет внутри и Дакота поймет: это не то, о чем она подумала.

Дакота отвернулась и окинула взглядом гостиную. Я смотрел, как она

подошла к дивану и села на ближний к двери край. Стянул с себя куртку и повесил на стул. Я хотел помочь Дакоте раздеться, но пиджака на ней не оказалось. Как я раньше не заметил? Таращился на ее колготки, контур резинки под тонким хлопковым платьем. Я не привык видеть ее в такой обтягивающей одежде.

И это оправдание моего идиотизма? Как я мог не заметить, что она не надела пиджак? Мне даже в голову не пришло предложить ей куртку! Что со мной?

В ожидании ответа я подошел к терморегулятору и повернул ручку. Если нам повезет, она согреется и захочет спать. Я пошел в кухню и налил нам по стакану воды.

Когда я вернулся, она качала головой, глядя мимо меня; и я видел, как ее мучают сомнения.

– Почему-то я тебе верю. Но, может, я тороплюсь, не слишком ли просто? – Она положила подбородок на локоть, глядя прямо перед собой. – Я не думала, что меня так заденет, если ты начнешь с кем-то встречаться, – призналась она.

Сказанное стало для меня сюрпризом, и я задумался о причинах такой реакции Дакоты. В самом начале нашей ссоры я думал, что она разозлилась из-за того, что я пришел в бар с Норой и соврал о своих планах на вечер. Но мысль, что она может почувствовать себя неловко, встретив меня с кем-то – хотя на самом деле я был один, – никогда не приходила мне в голову. Она порвала со мной более полугода назад и с тех пор практически игнорировала.

Мне хотелось наорать на нее: где логика?! Но я напомнил себе, что Дакота имеет право на подобные чувства. Я приложил все силы, чтобы попытаться посмотреть на ситуацию ее глазами, иначе реагировать. Мои слова могли принести больше вреда, чем пользы. Особенно если придерживаться только моей точки зрения. И учитывая, что я тоже был в бешенстве. Она что думает, что через полгода можно орать на меня за то, что я с кем-то встречаюсь, хотя это и неправда? Я собирался сказать ей, что она ошибается, а я прав – и я тоже злюсь! Но обычно, немедленно излив свое негодование, я чувствовал себя хорошо лишь первые несколько минут, а потом все становилось еще хуже. Как правило, гнев ничего не решает, он создает только больше проблем.

Тем не менее мне хотелось что-нибудь сказать. Но вместо этого я сделал большой глоток воды.

Гнев хорошо мне знаком.

Но не тот, что охватывает, когда полгода спустя встречаешь на тусовке

своего бывшего. И не такой, когда сосед въезжает в твой автомобиль. Гнев, который я имею в виду, пронзил меня, когда я увидел лучшего друга с подбитым глазом, потому что его отец слышал, как кто-то в баре шептался, что его сын смотрел на другого парня немного дольше, чем следовало.

Гнев, который я знаю, просачивается внутрь и превращается в лаву, которая, медленно сгорая, скатывается вниз по холмам и накрывает город. Когда синяки друга – это отпечатки кулака, и нельзя ничего сделать, не причинив другу еще больше неприятностей.

Если вам случалось пережить такой тип гнева, очень, очень непросто слететь с катушек из-за какого-нибудь пустяка. Я никогда не был склонен подливать масла в огонь. Обычно я играл роль воды, которая гасит пламя, или мази для заживления ожогов.

Мелкие проблемы приходят и уходят, и я всегда стараюсь избегать конфликтов, но иногда происходит нечто настолько важное, что это невозможно игнорировать. В ссоре я ужасен: я не смог бы долго спорить, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Мама всегда говорила, что у меня обостренное чувство сострадания. А оно может быстро превратиться из добродетели в недостаток.

Ничего не могу с этим поделать... Для меня невыносимо смотреть на муки других.

Я стоял и пытался оправдать поведение Дакоты; она наконец нарушила молчание.

– Я не имею в виду, что ты не можешь встречаться с девушками, – сказала она.

Я сел на подлокотник дивана подальше от нее.

– Только не так скоро. К этому я еще не готова, – добавила она после паузы, выпив воды.

Скоро? Прошло полгода!

По выражению лица Дакоты было видно, что она совершенно серьезна, и я не знал, напомнить ей об этом или промолчать. Она пьяна, и в последнее время у нее были неприятности в академии. Я достаточно умен, чтобы сделать правильный выбор, и не чувствую в себе нужной решительности, чтобы позволить спору перерасти в полноценную войну.

То, о чем она просила меня, совершенно несправедливо; я расстроился, что легко позволил себе снова скатиться к пассивной роли. Я позволяю Дакоте принимать решения... Неужели это так плохо? Мы спокойно разговариваем. Никто не орет. Никто не теряет здравый смысл. Я хочу, чтобы так и продолжалось. Если она выдаст какие-нибудь секреты, я с интересом выслушаю.

– А когда ты будешь готова к тому, чтобы я ходил на свидания? – тихо поинтересовался я.

Она выпрямила спину, немедленно заняв оборонительную позицию. Так я и знал. Я взглядом пытался сказать, мол, не стоит расстраиваться, ничего такого не происходит, мы просто разговариваем. Никаких претензий.

Дакота расслабилась.

– Не знаю. Я не думала об этом, – пожала она плечами, – мне казалось, тебе потребуется больше времени, чтобы забыть меня.

– Забыть тебя?

Я забеспокоился о здоровом уме этой женщины. Как ей пришло в голову, что я мог забыть ее? Поцелуй с Норой? Не похоже, чтобы девушка, сидящая передо мной, дала мне хоть единый шанс не думать о себе.

На самом деле мне жаль, что Нора рассказала ей о том поцелуе. Не потому, что я хотел что-то скрыть от Дакоты, просто кое-что и вправду лучше не знать. Я по-прежнему держу дистанцию: между нами расстояние в две подушки.

– Я не забыл тебя, – спокойно ответил я, – но ты не оставила мне выбора, Дакота. С тех пор как ты переехала, мы почти не общались. Это ты порвала со мной, помнишь?

Я смотрел на нее. Она не поднимала глаз.

– Когда ты поступила в академию, ты хотела сосредоточиться на себе. Я понял. Я оставил тебя в покое, и ты не сделала ничего, чтобы остановить меня. Ты вообще не пыталась как-то сохранить контакт между нами. Ты ни разу не звонила первой, не сразу отвечала на мои звонки. Теперь ты сидишь передо мной и ведешь себя так, как будто я злодей, потому что сходил с кем-то в бар.

Пора прикусить язык, возможно, все обойдется. Я действительно не хочу с ней ссориться. Я просто хочу открыто и честно поговорить.

Она прожгла меня взглядом.

– Значит, ты действительно с ней.

Меня чертовски огорчило, что из всего сказанного она услышала только это.

Я старался проследить хоть какую-то логику в ее обвинениях, но я не знал, что именно Нора рассказывала ей о нас. Весь вечер я снова и снова повторял, что мы с Норой не встречаемся, но она не слушала. И вот теперь предлагает мне придерживаться некоего нового стандарта поведения и не встречаться с девушками, хотя раньше ни разу об этом не заговаривала.

Будь она на моем месте, я бы ей поверил. Я знал Дакоту достаточно

хорошо и не стал бы сомневаться, что она говорит правду. Она все усложняет. Зачем?

– Прекрати врать. – Она взмахнула руками, и на запястьях зазвякали металлические браслеты. – Я понимаю, Лэндон, она старше и она красивая и дерзкая, мужчины таких любят. Тебе тоже это нравится, и ты нашел мне замену.

Я мог сидеть и злиться, слушая, как она придумывает объяснения тому, что произошло, или мог прикусить язык и вспомнить, что она пьяна, расстроена и в последнее время у нее было много проблем.

Я со вздохом поднялся с подлокотника дивана, опустил перед ней на колени и посмотрел в лицо, на котором читалась непреклонность.

– Я никогда бы не солгал тебе о чем-то таком. Я говорю правду.

Ее руки лежали на коленях, и я взял их в свои. Прикосновение к ее холодной коже навело воспоминание: мы в пятнадцать лет обжимались на заднем дворе. Ее руки заоченели, и она засунула их под мою рубашку, чтобы согреть на теплом животе. Мы целовались, и целовались, и не могли остановиться, и вернулись в дом, только когда промерзли до костей, но нам было плевать.

– Я могу тебя кое о чем спросить?

Ее голос стал мягким, и я почувствовал, как что-то тает внутри меня.

Я ее обожаю.

Я конченный человек.

Всегда был.

Всегда.

Дакота глубоко вздохнула и, вытащив одну руку, заправила волосы за ухо. Я перевернул другую руку ладонью вверх и проследил пальцем линии на ее коже, потом шрам. Дакота инстинктивно дернулась, и во мне пульсирующей болью отозвалось другое воспоминание.

– Ты скучаешь по мне, Лэндон?

Я по-прежнему сжимал ее мягкие и нежные руки.

Этот момент казался знакомым, но необычным. Как это возможно?

Скучаю ли я по ней?

Конечно, скучаю.

Скучал с тех пор, как переехал в Вашингтон. Я рассказал, как сильно мне ее не хватало, как я хотел все это время узнать, как у нее дела и что происходит в ее жизни.

Наклонившись ниже, я повторил ее вопрос:

– А ты скучаешь по мне? – Не оставив времени для ответа, я продолжил: – Мне нужно это знать, Дакота. Я думаю, более чем очевидно,

что я скучаю по тебе с самого отъезда из Мичигана. Я скучал по тебе до и после того, как ты приезжала ко мне в Вашингтон. Я бы сказал так: то, что я пересек всю страну, чтобы быть с тобой, доказывает это.

Она, казалось, на мгновение задумалась над сказанным. Бросив на меня мимолетный взгляд, Дакота молча смотрела в пустоту. В тишине тикали настенные часы.

Наконец Дакота заговорила:

– Но ты скучал по мне? Или ты просто думал обо мне по привычке? Ведь было время, когда я буквально ничего не могла сделать без тебя и ненавидела свою беспомощность. Я хотела доказать себе, что я могу быть самостоятельной. После смерти Картера я вцепилась в тебя, а когда ты меня оставил, я все потеряла. Ты был моим надежным причалом, а переехав в Вашингтон, забрал с собой мою защищенность. Но потом, когда ты сказал, что будешь учиться со мной в Нью-Йорке, я почувствовала, что могу застрять на этом надежном причале. Что навсегда останусь ребенком. Не будет никаких приключений, ничего неожиданного не произойдет, пока ты рядом – потому что ты всегда меня спасешь.

Ее слова обжигали. Они были обращены к самой слабой части моей натуры, тихому голосу в голове, который беспокоился о том, что обо мне думают. Я не хочу быть хорошим парнем. Я двадцать лет был добрым малым, даже когда приходилось очень нелегко, и я до сих пор не могу понять, почему женщинам нужна драма, а не нормальная жизнь.

То, что мужчина не бьет морду каждому, кто пристаёт к его подружке, не значит, что ему на нее плевать. Если он не ходит за ней по пятам и не вздрагивает каждый раз, когда она заговорит с кем-то другим, то это не значит, что он равнодушный или слабый человек. Просто он умеет держать себя в руках, достаточно воспитанный и зрелый, чтобы быть дееспособным членом общества. И он понимает, что каждый человек нуждается в личном пространстве и каждой женщине нужно развивать собственную независимость.

Мне никогда не понять, почему хорошим парням так чертовски плохо.

Однако если вдуматься, то именно за таких мужчин, как правило, в конечном итоге выходят замуж. Женщины проходят через период проб и ошибок с дерзкими плохими ребятами, но в итоге большинство меняет мотоцикл на «Приус».

Таков и я.

Человеческая версия «Приуса».

Дакота была бы «Рейндж Ровером», надежным, роскошным и в то же время красивым.

Нора – это «Тесла», изящная, новая и быстрая. Ее плавные и выразительные очертания...

– Пока я не рассталась с тобой... потом было интересно. Я сама изучала этот большой город и справлялась со всеми возникающими неприятностями, – продолжала Дакота.

Да что, черт возьми, со мной не так?

Я здесь, в нескольких сантиметрах от Дакоты, ее руки в моих. Мне не следовало думать о Норе в такой момент. Это был, возможно, самый неподходящий момент, чтобы думать о Норе, о ее глазах, в которых невозможно не заблудиться, и о губах, особенно о нижней, которые она так мило наддувает.

И тут я осознал: думать о Норе гораздо легче, чем пытаться понять эмоции Дакоты. Я не представлял, что сказать своей бывшей. Она твердила, что я слишком ее опекал, что я некоторым образом мешал ей делать что-то самостоятельно. Я очень боялся разозлить ее и никак не мог подобрать нужных слов. Конечно, не стоит напоминать, что я не запираю ее в коробке. Что я был надежным причалом, но не тюрьмой. Что я никогда намеренно не ограничивал ее свободу. Я преследовал одну-единственную цель: хотел помочь любым возможным способом... ей и ее брату Картеру.

Дакота приподнялась и села, подогнув под себя ноги, не отпуская моих рук в ожидании ответа.

Все, что я мог сделать, – это сказать правду, стараясь по возможности оставаться сдержанным.

– Надеюсь, ты не ждешь моих извинений за то, что я всегда о тебе заботился.

Ее руки – по-прежнему в моих. Она снова освободила одну из них, заправила волосы за ухо, затем посмотрела на меня.

– Я не жду этого. – Она вздохнула и облизнула губы. – Я просто говорю, что в тот момент мне нужен был перерыв в отношениях.

В тот момент? Она сказала об этом в прошедшем времени, как будто наш разрыв... остался позади? Все забыто?

Я поднял голову, пытаясь встретиться с ней глазами.

– Что ты хочешь этим сказать? Что больше тебе перерыв не нужен?

Она прикусила зубами нижнюю губу, обдумывая ответ.

Самое странное, что я не понимал свои чувства. Если бы этот разговор произошел неделю назад, я бы все воспринял иначе. Я был бы взволнован, благодарен и счастлив. Сейчас все казалось просто странным. Это решало проблему не совсем так, как следовало.

Дакота все еще молчала, теперь любой ответ стал бы неестественным.

Она блуждала взглядом по комнате и тяжело дышала, выдавая свои намерения.

– Можно мне еще немного воды? – попросила она.

Я кивнул и встал, пытаюсь опять встретиться с ней глазами в надежде разглядеть ответ. С одной стороны, я понимал: нужно спросить ее еще раз, чтобы убедиться, что она не хочет изменить статус наших отношений. Разве можно вернуться к тому, что было так просто? Сколько дней пройдет, прежде чем она снова беззаботно упадет в мои объятия, забыв о стремлении к независимости и жажде приключений?

Я взял свой стакан и пошел в кухню. Открыл маленький ящик рядом с холодильником и достал банку с анальгетиком. Если икота и нетвердая поступь – это следствие ее чрезмерного увлечения коктейлями, то после таблетки Дакоте будет утром полегче. Я открыл пузырек и высыпал в ладонь три штуки, затем наполнил бокал водой. В раковине остался невымытый противень. На стойке – многоуровневый торт с фиолетовой глазурью и цветами, приготовленный Норой и Тессой.

Следы Норы по всей квартире.

Может, стоит съесть кусочек торта, прежде чем вернуться в гостиную и разобраться с Дакотой? Или отрезать пару кусочков? Но вряд ли она будет есть торт со своей строгой диетой. Я приподнял край полиэтиленовой пленки и запустил палец в глазурь.

Дакота вошла как раз в тот момент, когда я засунул палец в рот.

Вот черт.

– Вот так, Лэндон?

Ее губы растянулись в усмешке, я повернулся и облокотился на стойку. Она посмотрела на торт, потом опять на меня. Все, что я мог сделать, это пожать плечами и виновато улыбнуться.

Я протянул стакан с водой. Дакота подозрительно окинула его взглядом, явно раздумывая над тем, что сказать. Затем прижала губы к стеклу, а я вернулся к вкусному торту.

– Ты всегда был ужасным сладкоежкой. – Это прозвучало тепло и приятно, как глазурь, которая таяла на языке.

– Он слишком соблазнительный. Есть много вещей, которым я никогда не мог сопротивляться. – Я не отрывал глаз от Дакоты, а она смотрела на свои босые ноги.

Пальцами я отломил небольшой кусочек торта. По столешнице рассыпались мелкие крошки бисквита и глазури. Я повернулся к Дакоте и попытался возобновить разговор:

– По крайней мере, теперь я занимаюсь спортом, – пошутил я.

Я рос пухлым ребенком, всегда был крупнее других детей, особенно в области живота. Думаю, всему виной мамина выпечка и моя лень – я не любил играть на улице. Помнится, я всегда предпочитал оставаться дома, тем более по выходным, вместе с мамой. Я ел много сладостей и был не таким подвижным, как следовало мальчишке моего возраста. Когда врач обсуждал с мамой мой вес, мне было стыдно. Однажды я решил, что больше никогда не хочу слышать подобные разговоры. Я по-прежнему ел все, что хотел, но стал активнее. Сначала я немного стеснялся попросить тетю Риз о помощи. Но собрался с духом – и уже на следующий же день она привезла мне в багажнике велотренажер и маленькие гантели. Помню, как мы смеялись над ее розово-желтым тренировочным костюмом и гетрами в стиле восьмидесятых.

Выглядели мы странновато, да. Зато совместные тренировки сделали нас здоровее. Мама тоже присоединилась к занятиям, просто ради забавы – она-то всегда находилась в хорошей форме. Риз была склонна к полноте сильнее мамы, но она упорно трудилась над собой, и мы оба похудели. Тетя радовалась, что смогла наконец влезть в платье, на которое целый год заглядывалась в каком-то дорогом магазине, а я был просто счастлив, что мой вес пришел в норму и у меня не осталось причин стесняться своего тела.

Я чувствовал себя прекрасно, а Дакота стала замечать, что соседский пухлый мальчик стал гораздо стройнее. Проблема была в том, что сверстники не оценили моего преображения. Я похудел слишком сильно и совсем не накачал мышцы – и так «жирный Лэндон» превратился в «тощего Лэндона».

Сначала я был слишком толстым, потом слишком худым. Что бы я ни делал, ничто не могло избавить меня от издевательств этих придурков. Но как только я перестал с этим бороться, моя жизнь стала легче.

– О чем ты думаешь? – прервала мои размышления Дакота.

Она прижалась ко мне и склонила голову на мою грудь. Отпила еще воды и поставила стакан на стойку.

Но на вопрос она все еще не ответила. Я даже не знаю, что сказать.

– Ты хочешь снова быть со мной?!

Опять поднять эту тему или подождать и посмотреть, в какую сторону она направит разговор?

Я тоже отпил воды и решил притормозить. Боялся сболтнуть какую-нибудь глупость. Мне не всегда удается правильно оценить ситуацию и почувствовать, что и когда говорить. Я не из тех крутых парней, которые могут, облокотившись на стойку, переосмыслить и забыть все, что было, а

потом просто взять подругу за руку и убежать в закат, чтобы жить долго и счастливо до конца дней своих, йоу.

Даже в насмешке над собой я не очень-то изобретателен.

Я боялся смотреть ей в глаза, так как волновался, что она скажет мне в ответ. Я чувствовал себя кретином.

Несомненно, это одна из тех вещей, в которых я виню своего отца. Я терпеливо ждал момента, когда смогу получить свое, упрекнув его в том, что он умер слишком рано и не успел научить меня, как быть мужчиной. Хотя эта мысль и мелькнула в моем мозгу, я знаю, что она иррациональна и несправедлива. Отец не виноват, что мне не хватает напористости, но мне хочется возложить ответственность на кого угодно, кроме себя.

Будь рядом со мной мужчина, который бы поговорил со мной о моих подростковых проблемах и объяснил, как вести себя с женщинами, я бы знал, что сказать. Я слишком заикливаюсь на всем – это, должно быть, вина отца.

– Лэндон, – нежно произнесла Дакота с придыханием, как будто готовилась принять какое-то решение.

А я просто сидел, разочарованный в себе и запутавшийся в поисках виноватых.

– Дакота.

Она повернулась ко мне. Я аккуратно пригладил ее волосы, играя пальцами с густыми локонами. Несколько часов, а возможно, и несколько дней жизни я провел таким образом, пытаюсь успокоить эту девушку. Я всегда очень любил ее волосы. Дакота ухватила пальцами за рубашку на моей спине, и я почти услышал хруст ткани. Никогда больше не буду гладить рубашки под бдительным руководством Тессы.

Она немного перестаралась с крахмальным спреем.

Дакота прижалась ко мне еще крепче, и я наклонил голову, чтобы поцеловать ее в макушку.

Она вздохнула на моей груди и тихо проговорила:

– Я устроила ужасную сцену.

Я обнял ее одной рукой, другой оперся о стойку.

– О боже, так неловко получилось. Конечно, вы с Норой не встречаетесь.

Моя рука напряглась. В том, как она это сказала, кое-что показалось мне странным. Она полагает, что если я обнимаюсь с ней на кухне, то не могу завести роман с Норой, потому что это не в моем характере? Или мысль, что такой зануда, как я, встречается с кем-то вроде Норы, кажется ей смешной и несуровой?

В любом случае, напомнил я себе, меня это не должно волновать. Я не пытаюсь окрутить Нору и убежден, что *она* не имеет абсолютно никакого желания встречаться со *мной*. Она ест таких парней вроде меня на завтрак. Мне нужно перестать о ней думать. Уже перестал.

Дакота подняла голову с моей груди и заявила:

- Чувствую себя отвратительно.
- Потому что выпила слишком много или потому что устроила сцену?
- Тьфу, – пробурчала она у меня на груди.
- И то, и другое?

Я погладил ее по спине. Было видно, что она устала. Дакота опустила руки мне на талию и стала вытягивать мою рубашку из джинсов. Я почувствовал прохладные руки на своей коже. Ее пальцы начали медленно описывать круги на моей спине, я вдохнул кокосовый запах ее волос, и меня внезапно пронзила сладкая боль и охватило желание.

Все это уже было раньше – ее аромат, ее прикосновения. Я почувствовал, как пальцы впиваются в мою поясницу, и прижался к Дакоте всем телом. Я так привык к этим ощущениям. К ней. Когда она прикасается ко мне, я вижу только ее.

– Пойдем в комнату, – предложила она и прильнула к моим губам, дразня легкими поцелуями. – Мы здесь одни, да?

Тесса ушла. Точно.

На секунду я ощутил укол вины за то, что Тессы не было дома: ведь я бросил ее в баре. Но когда Дакота снова меня поцеловала, еще более чувственно, эти мысли растворились в огне желания.

Наконец, нам не придется прятаться, как в детстве. У меня никогда не было возможности заняться с Дакотой любовью в интимной обстановке пустого дома. Все наши встречи были наполнены тайными поцелуями, приглушенными стонами, нетерпеливыми руками и слюнявыми языками. Я никогда не мог насладиться ее телом так, как мечтал. Я хотел прикоснуться языком к каждому миллиметру ее карамельной кожи и задержаться там, где она захочет. Я хочу вспомнить ее вкус, услышать каждый ее стон.

Теперь у меня была своя квартира, и мы могли делать все, о чем я грезил с тех пор, когда мы были подростками. Я помню свое изумление, когда она впервые прикоснулась губами к моему члену. В голове мелькали воспоминания, когда мы пробовали что-нибудь новое. Тогда это казалось вдохновляющим необычным экспериментом, и в наш список любимых занятий быстро вошел секс. Какое-то время мы делали все, что хотели.

Теперь руки Дакоты ласкали мой живот, кружили вокруг пупка, скользили кончиками пальцев вдоль резинки трусов. От ее прикосновений

мое возбуждение росло, и я не мог этому сопротивляться. В конце концов, это физиология. Ничего подобного со мной не случилось уже несколько месяцев, за исключением единственного поцелуя и нескольких штрихов, начерченных пальцем Норы на моей коже. Дакота пощекотала указательным пальцем особенно чувствительное место на боку – она до сих пор помнит мое тело. Я инстинктивно отскочил, и она засмеялась, притягивая меня к себе.

Сейчас ее настроение заметно улучшилось, но то же, что и брошенное на бушующий огонь одеяло. В конце концов, одеяло будет гореть так же бурно.

Рано или поздно, но не сейчас.

Глава пятнадцатая

Дакота взяла меня за руки и потянула за собой из кухни. Я поплелся за ней, как заблудившийся щенок.

– Не забудь воду, – напомнил я.

Дакота надулась. Но я указал на стакан, оставшийся на стойке. Он ей действительно понадобится.

Вздохнув, она отпустила мои руки и вернулась. Пока она была занята, я нашел пульт от телевизора и включил его для Тессы, убрав звук. Я всегда оставляю какое-то освещение, если Тесса возвращается домой позже меня, а настольная лампа перегорела (все время забываю заменить лампочку).

Когда я положил пульт на диван, послышался звук приближающихся голосов и звон ключей.

Замок наконец щелкнул, в дверях показалась Тесса...

...а вслед за ней – Нора.

Я растерянно замер, Тесса сняла фиолетовую шапочку и закрыла дверь. Нора сняла куртку и встряхнула волосами; ее грудь чуть не выпрыгнула из декольте.

Внезапно они сообразили, что не одни в квартире.

Пожалуйста, Господи, пусть, по крайней мере, Нора думает, что я смотрел на ее лицо.

И, что гораздо важнее, где этот чертов портал?

– Лэндон? – удивилась Тесса.

– Эй, я не знала... – начала Нора, но остановилась, увидев, что из кухни появилась Дакота.

Дакота, казалось, никого не замечая, подошла ко мне между мной и девушками, взяла меня за руку и начала игриво перебирать мои пальцы своими. Взгляд Норы остановился на мне. Она не смотрела на наши сплетенные руки, хотя я чувствовал, что ей не все равно.

– Пойдем спать? – предложила Дакота и потянула меня в спальню, не обращая на пришедших никакого внимания.

Я увидел, как Нора уставилась на нас изумленным взглядом, а Тесса, поджав губы, проводила нас удивленно вытаращенными глазами.

Я повернулся к Дакоте и наткнулся на ее взгляд, в котором ясно читалось: «Тебе лучше не останавливаться и не разговаривать с этой девушкой».

И снова посмотрел сначала на Нору, потом на Тессу. Я так обалдел, что

автоматически произнес: «Да, спокойной ночи, девчонки».

Зашел за Дакотой в комнату, и она закрыла за нами дверь.

Дакота обернулась ко мне, буквально дымясь от бешенства.

– Ну у нее *и нервы!* – прорычала она, вскинула руки вверх и прижала к вискам.

Я шагнул к ней и прикрыл ее рот рукой.

– Эй, спокойнее, – мягко посоветовал я.

Но Дакота не умолкала. Я положил свободную руку с растопыренными пальцами ей на плечо и потер напряженную мышцу. Дакота затихла.

– Она с самого начала знала, кто ты, – полушепотом продолжила она. – Я уверена. Она должна была помнить твое имя.

Я попытался прислушаться к голосу разума. Может быть, Нора и была в курсе, но, честно говоря, когда она узнала о нашей связи с Дакотой, удивилась так же, как остальные.

Я пожал плечами.

– Ты уверена, что называла меня по имени? У тебя есть наши фотографии?

Задав последний вопрос, я скривился: не хочу знать ответ.

Я не очень хорошо знаю Нору, но мне кажется, она не из тех, кто специально будет охотиться за бывшим своей соседки, понимая, что рано или поздно все откроется. К тому же в городе найдется минимум три миллиона других парней, которые с удовольствием откликнутся, прояви она к ним интерес.

Дакота фыркнула. Серое платье сползло с ее плеча. По сравнению со мной она казалась такой маленькой.

– Я не уверена... может быть, я никогда не называла тебя по имени. – Она окинула взглядом спальню, задержавшись на фотографии на комод. – И у меня нет никаких снимков, – добавила Дакота виновато.

Не то чтобы я ждал, что она устроит в мою честь алтарь, но, похоже, она даже не упоминала меня при соседках. Ни разу.

– Как, вообще? – удивился я.

Она махнула рукой и потянулась к моей рубашке, но не справилась с пуговицами и принялась за кнопку на джинсах.

– Не сегодня.

Я остановил Дакоту: схватил за пальцы и поднял ее руки к груди. Недовольно что-то пробурчав, она высвободила руку и запустила ее в мои штаны, обхватила возбужденную плоть и начала неторопливо, но настойчиво ласкать.

Мысли логически, напомнил я себе.

Я должен мыслить логически, но я не могу, пока Дакота меня дразнит. Я дотянулся до ее руки и аккуратно отцепил пальцы. Она в замешательстве посмотрела на меня.

– Ты слишком много выпила, – объяснил я и, подхватив ее за локоть, проводил к кровати.

Дакота не проронила ни слова.

Я потянулся к молнии на платье, Дакота собрала и отодвинула волосы, чтобы я мог расстегнуть застёжку. Когда платье поползло вниз, она прижала его к груди, а я обнажил гладкие ноги, стянув с них колготки. Дакота вышла из них и отпустила платье. Она была без лифчика.

Черт, она была без лифчика.

Ясно, сегодня вечер искушений. На ней были красные кружевные стринги, в которых маленькая упругая попка выглядела изумительно. Дакота повернулась ко мне и хитро усмехнулась.

– Я их не припоминаю, – подразнил я ее, подцепив пальцем резинку трусиков, отпустил натянутую ткань, и та щелкнула по темной коже.

Дакота застонала. Я отодвинулся, а она сердито посмотрела на меня.

– Ты грубиян, – сказала она, высунула язык и слегка покрутила бедрами.

Дакота в игривом настроении, и я уверен, что я здесь именно для этого. Она сегодня так сексуально выглядит в одних трусиках, но это не заставит меня переспать с ней. Мы не прикасались друг к другу несколько месяцев, и мы не встречаемся. Сегодня не лучший вечер, чтобы все изменить. Не теперь, когда она пьяна, а мы оба смущены.

Утром она поймет.

Я обнял ее за плечи:

– Давай уложим тебя.

Я слышал, как в гостиной разговаривали Тесса с Норой, но не разбирал слов. Дакота взяла фоторамку с комода и стала разглядывать снимок.

– Мы были тааакие тупые! – засмеялась она и провела пальцем по отвратительной клетчатой рубашке, в которую я был одет на снимке.

Ее обнаженная грудь меня отвлекала, но я решил исправить ситуацию и достать ей рубашку из шкафа. Я протянул руку и вытащил что-то не глядя – это оказалась моя футболка с гербом средней школы «Эдриан».

Конечно, это она, ведь мы в какой-то волшебной стране, где никак невозможно убежать от прошлого. Дакота выхватила у меня рубашку и прижала к груди, прикрыв наготу. Потом поднесла к лицу и вдохнула запах изношенной ткани.

– Эта рубашка, боже мой! – Дакота выглядела абсолютно счастливой и вряд ли заметила, когда голоса в гостиной снова стихли. А я заметил.

– С ней связано сколько воспоминаний, – задумчиво произнесла она, облизывая губы.

Я отвернулся от притягательного тела.

– Избавь меня от страданий и надень ее, пожалуйста, – взмолился я.

Дакота захихикала, наслаждаясь комплиментом и моим восхищением ее красотой. Вероятно, она всегда чувствует себя такой: прекрасной и уверенной. Она еще не протрезвела, но вся светится от моего признания.

От этого мне хочется быть более безрассудным.

– Ты такая красивая, знаешь? – спросил я, желая искупать ее в этих словах и завернуть в них. При этом лицо мое сохраняло бесстрастность. – Ты опять куришь, и если бы ты сегодня не напилась, я бы порвал твою маленькую задницу.

Фраза – полный идиотизм, но, по мнению большинства эротических романов, это то, что нравится девушкам.

Дакота разразилась хохотом. Она подняла одну руку вверх и посмотрела на меня.

– Ты бы *порвал мою маленькую задницу*? – Она смеялась, закрыв глаза, и я не мог удержаться и покатился со смеху.

– Эй! – Я пытался дышать, но не мог, потому что от хохота болел живот. – Я прочитал эту фразу в книге и хотел проверить, что будет, если произнести ее вслух.

Дакота перестала хихикать и изо всех сил пыталась успокоиться.

– Давай придерживаться простых вещей, которые у тебя хорошо получаются, и оставим сексуальные истории книгам. – Она закрыла рот и опустила голову, тихо пофыркивая.

Простые вещи, которые у тебя хорошо получаются? Уф, я знаю, мы не так уж много экспериментировали, но не потому, что я не хотел. Дакота никогда не поднимала этот вопрос, а когда я однажды попытался поговорить с ней о порно, обиделась и не разговаривала со мной три дня. Так что если все, что я умею, «просто», то не потому, что я не пытался.

– Я не такой простой, – возразил я, защищая свои способности, стараясь быть потише. Не хочу, чтобы Тесса или Нора услышали.

Я сел на кровать. Дакота подошла и улыбнулась.

– Хм, сейчас, может, и нет, но со мной был, – пробормотала она и сложила губы трубочкой.

Может, я слишком сентиментален, но я почувствовал, что она обесценивает время, проведенное нами вместе. *Подростковый* секс был

быстрым и тихим, и я был безнадежно влюблен. Дело не в том, что я не мог взять ее любым способом, которым хотел, потому что в соседней комнате торчал Картер, а ее отец спал внизу. Я никогда не чувствовал, что в сексуальной жизни чего-то не хватает или что я что-то упустил. Мне казалось, мы были счастливы и довольны.

Видимо, нет.

Дакота села на кровать рядом со мной, скрестив ноги. Опять она надо мной издевается: надела мои носки.

Откашлялась и спросила:

– Сколько девушек у тебя было после того, как мы расстались?

Я перевел на Дакоту взгляд: она крутила прядь волос большим и указательным пальцами.

– Сколько? Ни одной, – ответил я насмешливо, пытаюсь выдавить грубоватый смешок.

Она подняла брови и наклонила голову.

– Да ладно! Давай, я знаю...

– А у тебя? – перебил я.

Если она так удивилась, что я ни с кем не спал, сколько мужчин было у нее?

Дакота покачала головой.

– Нет. Не было. Просто я предполагала, что у тебя были.

– Почему ты так решила?

В итоге ночных размышлений начинаю думать, что эта женщина меня вообще не знает.

Дакота только молча пожала плечами и легла, прислонившись головой к спинке кровати. Глядя в потолок, наконец объявила:

– Сегодня было не очень весело.

Я должен сменить тему. В результате моих усилий она лежит в кровати, спокойная и почти трезвая.

– Все хорошо, в любом случае все позади. Сейчас, должно быть, около двух часов ночи, – заметил я.

Она улыбнулась, я лег и выключил свет.

– Спасибо тебе за все, Лэндон. Ты всегда был моим надежным причалом, – шепнула она в темноте.

Я чувствовал, что она смотрит на меня, хотя не видел глаз.

– Всегда, – ответил я и осторожно пожал ее руку.

Она права, сегодня было не очень весело. Напряженный день.

С утра я думал, что у меня будет что-то вроде первого свидания с Норой, потом оказался с пьяной Дакотой в постели и с Норой в гостиной,

причем Нора, возможно, слышала каждое наше слово. Здесь короткий коридор и тонкие стены.

Хуже всего, что я чувствую себя виноватым за то, что оставил Нору в гостинной. Не понимаю, что делать. Мы с Дакотой знаем друг друга полжизни. Я уже прошел с ней через первые опасные этапы любви. Мы вместе пережили неловкий юношеский секс, когда пытаешься угадать, что куда, а сообразив, практически мгновенно получаешь разрядку. Мы преодолели большую часть подростковых комплексов и знаем всю подноготную друг друга. Нам незачем что-то друг от друга скрывать или друг друга обманывать. У нас общая трагедия. Я уже признался Дакоте в любви, и начать сначала будет непросто. Особенно если Дакота действительно скучала по мне так, как говорит.

Только я решил, что Дакота заснула, как она высвободила свою руку и поднесла ее к лицу. И я услышал, что она плачет.

Я сел. Стал аккуратно потряхивать Дакоту за плечи и спрашивать, что случилось. Она мотала головой и всхлипывала. Я знаю, что правду легче всего говорить в темноте, поэтому не спешил включать свет.

– Я... – сквозь рыдания произнесла она, – я переспала с двумя другими мужчинами.

Эти слова пронзили меня, как резкий крик – темноту. Будто обжегшись, я внезапно захотел отодвинуться от нее.

Инстинкт подсказывал, что нужно бежать. Очутиться далеко-далеко отсюда.

У меня заболел живот, а Дакота все плакала, прикрывала рот, пытаясь приглушить рыдания. Она схватила подушку и прижала к лицу. Несмотря на терзавшую меня боль, я не мог видеть ее в таком состоянии. И поэтому я поступил как всегда. Я отодвинул свои чувства на второй план и, усмирив свой гнев, подавил желание убежать. Отобрал подушку, отшвырнул на пол, потом лег рядом с Дакотой и прижал ее к себе.

– Мне ужасно жаль, – прошептала она.

Плечи Дакоты дрожали, щеки намокли от слез, а я пальцами стирал их, чувствуя, как внутри меня пульсирует ее боль или, возможно, чувство вины за нашу историю, оставшуюся в прошлом. Чтобы успокоить, я слегка сжал Дакоте плечи, и, откинув назад волосы со лба, стал нежно перебирать пряди, одновременно массируя голову.

– Тс-с-с, хватит на сегодня. Мы разберемся с этим завтра, – прошептал я, – отдыхай.

Я продолжал утешать ее, пока она не заснула.

Если она хочет поговорить об этом, я готов выслушать. Всему должно

быть какое-то объяснение, и теперь, когда Дакота открыла мне правду, ей будет легче рассказать, что произошло. Утром она все объяснит.

Утром она сбежала, не сказав ни слова.

Глава шестнадцатая

Я тихо вышел из комнаты, стараясь не разбудить Тессу. Ясное дело, она захочет обсудить события прошедшего вечера, но перед этим разговором мне необходимо выпить кофе.

Пошел на цыпочках по коридору и взглянул на квадратные рамки с портретами котов в шляпах разного фасона. Тесса убила много времени, чтобы развесить их параллельными рядами. С ближайшей картинки на меня смотрел полосатый кот в серой панаме с черно-серыми, в тон шерсти, полосками и с большим белым пером.

Я никогда не обращал внимания на эти картинки, но сегодня утром у меня было странное настроение, и мне захотелось их рассмотреть. Мне понравилось. Следующий, довольно упитанный котик тоже был полосатый, но не серо-черный, как предыдущий, а рыже-кремовый, в котелке. Я похихикал. На голове кота в смокинге, как и следовало ожидать, был цилиндр. Портреты показались мне остроумными; я с удовольствием пожал бы руку тому, кто смог так необычно воплотить простую идею и повеселил меня. Я как можно тише миновал коридор, по ходу дела рассматривая картинки.

К собственному изумлению, на кушетке я увидел спящую Нору. Мне казалось, когда она поймет, что Дакота осталась у меня, пойдет домой. Но Нора – вот она: лежит с закрытыми глазами, рука свисает с подушки, почти касаясь кончиками пальцев паркета, темные волосы собраны на макушке. Она поджала колени и чуть приоткрыла губы, словно для вдоха. Как можно тише я на цыпочках, в носках, прокрался в кухню.

Когда я понял, что Дакота сбежала ни свет ни заря, я вернулся к себе, чтобы поспать еще. Ее бегство меня не удивило. Скорее я злился, что позволил себе надеяться вновь просыпаться рядом с ней. Прошлой ночью она вела себя легкомысленно, как та дурочка, которой когда-то нравилось быть со мной и которую я любил полжизни. Но взошло солнце, и Дакота исчезла из моей постели, забрав с собой всю радость наступающего дня.

Ночью поднялся ветер и, ворвавшись в раскрытое кухонное окно, принялся хлопать по стеклу желтой занавеской. Услышав шум дождя, я выглянул на улицу, на пестреющий яркими зонтиками тротуар. Зеленый зонтик в белый горошек обгонял армейский камуфляжный, а красный двигался медленнее всех. Сверху это было похоже на распустившиеся цветы. Удивительно, как много людей на улице даже в такой ливень!

Я взглянул на Нору и тихонько прикрыл створки, чтобы дождь и ветер ее не разбудили. Надо было бы приготовить завтрак. Чтобы не шуметь, я решил спуститься в магазин за булочками.

Однако... если я сейчас уйду, то, когда Нора проснется, меня не будет и я не смогу поговорить с ней о вчерашнем. Я хотел извиниться, что так быстро и без всяких объяснений ушел из клуба с Дакотой. Нора не из тех, кто будет ревновать. Я слышал, как, рассуждая о шоу вроде «Холостяка», она утверждала, что была бы сильной соперницей именно потому, что не ревнива. Мне совсем не хотелось, чтобы она кипела от ревности, но мне было неприятно думать, что ей по барабану, что Дакота нечаянно испортила наше свидание и я, как последний придурок, ушел с ней.

С другой стороны, ужасно, если Норе будет в моем присутствии неприятно или неловко, поэтому мне хотелось убедиться, что она не расстроилась. Я надеялся, она поймет, что все это просто недоразумение.

А сам-то я точно знаю, что произошло?

По правде говоря, сомневаюсь, что разобрался в том, что случилось между мной и этими женщинами в последние сутки. Прямо сейчас полжизни отдал бы, чтобы мне, профану, изложили ситуацию на понятном языке. Я плохо разбираюсь в нью-йоркских нюансах ухаживания, хотя не раз слышал, что преимущество должно быть у мужчин.

Я сосредоточенно пялился на ярко-желтую оконную занавеску и пытался разложить все по полочкам. Во-первых, Нора, когда застала меня в душе, трогала мой живот, потом поцеловала меня и пригласила на вечеринку. Во-вторых, я ушел с Дакотой посреди свидания с Норой, и ее подруги стали свидетелями этого. Даже если я не нравлюсь Норе так же сильно, как она мне, это не могло не задеть ее эго. В-третьих, вчера вечером на ее глазах Дакота зашла в мою комнату, и, скорее всего, Нора слышала часть нашего разговора и поняла, что мы были близки.

Вышло чертовски неловко. Я даже не уверен, что нравлюсь Норе, она любит пофлиртовать. Я вздохнул: ничего я ни понимаю в женщинах и в том, что они думают. Неторопливо открыл холодильник и вздрогнул от резкого звяканья двух пивных бутылок на расшатанной полке двери. Придержав крайнюю, чтобы они не гремели, взял с полки открытую два дня назад коробку лапши с арахисовым соусом и курицу не первой свежести.

Повернулся и увидел в кухне сонную Нору со спутанными волосами и тушью вокруг глаз, отчего подскочил от удивления и чуть не выронил продукты. На ее лице появилась ленивая улыбка.

– Ты меня разбудил, – сказала она, закатывая рукава толстовки.

Черные шорты были такими короткими, что, когда Нора повернулась и пошла к холодильнику, я увидел округлости ее ягодич. Она одернула штанишки, пытаясь прикрыться, но попытка не увенчалась успехом.

Меня это не огорчило.

Когда она открыла холодильник и нагнулась, наполовину обнажив зад, я отвернулся, изо всех сил стараясь сдержаться и не прикоснуться к нему. Для меня были непривычны и этот порыв, и дрожь, терзающая от груди до паха. Нора достала красный гаторейд.

Удивленно подняв бровь, я показал на бутылку пальцем.

Нора улыбнулась и, изобразив серьезность, прикрыла этикетку рукой.

– Я должен сказать тебе две в-ещи, – смущенно покашляв, начал я, но голос сорвался.

Теперь, когда Нора встала, я не боялся шуметь. Тесса, скорее всего, с семи утра уже не спит и просто валяется в постели. Я выбросил коробку с подозрительными остатками еды и снова открыл холодильник. Достал упаковку яиц и пакет молока и положил на стойку.

– А вот и третье, – исправился я. – Хочешь омлет?

Я открыл упаковку и взглянул на Нору. Она оглядела гостиную, как будто кого-то искала, и вопросительно уставилась на меня.

– Она ушла домой, – сказал я.

По крайней мере, я полагал, что домой. Здесь Дакоты нет, и выбор возможен из немногих вариантов. Впрочем, я мало знаю о ее новой жизни и, возможно, о многом даже не подозреваю. Например, она могла прятать в своей гостиной гиппогрифа, и я бы никогда не узнал об этом, потому что я не только не бывал в ее квартире, но даже не видел дома, где та находилась.

– А... – произнесла Нора удивленно. – Вчера вечером... – начала она.

Но я хотел ничего не забыть.

– Подожди, – прервал я ее, подняв руку.

Она улыбнулась и демонстративно прикрыла рот.

– Прежде всего первое. Омлет?

Я залез в ближайший шкаф и одной рукой взял сковородку, а другой рукой включил конфорку. Если честно, это было самое точное и скоординированное движение, сделанное мной за последние сутки.

– Да, спасибо. – Норин голос прозвучал так, словно она еще не встала с постели.

Я с трудом представлял себе, каково это – просыпаться с этой женщиной каждое утро. Ее волосы в беспорядке или, может, собраны на макушке. Ноги гладкие и загорелые, и готов поспорить, что на них нет даже линий загара.

– Хотя я вегетарианка. Так что мне только сыр.

– Немного лука и перца? – предложил я.

Она кивнула и обольстительно улыбнулась.

– Мне кажется, для пошлых намеков рановато.

Мне понравилась ее кухонная шутка. Своим омлетом из двух яиц я бы хвастаться не стал, но он будет неплох, а Норе как кондитеру должны нравиться мужчины, которые могут сами сделать что-нибудь на кухне. По крайней мере, мне так кажется.

Я разбил два яйца о край маленькой миски.

– Теперь второе. – Я скосился, чтобы убедиться, что Нора меня слушает.

Она распустила волосы и взглянула мне в глаза. Густые темные волны рассыпались по ее плечам. Нора встряхнула головой, и мне показалось, что я смотрю рекламу шампуня.

Не получится ли по-дурачки? Не буду ли я похож на парня, который слишком старается?

Я решил промолчать. Сравнение с рекламой шампуня – вряд ли удачный комплимент, а я не хотел давать лишний повод считать, что я наивный дурачок. Чтобы не показаться занудой, я сразу взял быка за рога.

– Я не знал, что вы соседки по квартире, – начал я, – и что Дакота будет в баре. Извини, если мой уход выставил тебя перед подругами в плохом свете. Мне очень хотелось... – В горле пересохло, и я на полуслове закашлялся, но продолжил: —...провести время с тобой. Я не знаю, что именно тебе известно о нас с Дакотой, но...

Нора жестом остановила меня. Я замолчал, плеснул молока в чашку с разбитыми яйцами и снова открыл холодильник. Нора подошла к плите и выключила конфорку. Возможно, неплохая мысль.

Посмотрела в пол и снова перевела взгляд на меня.

– Понимаю, что не знал. И я совершенно не подозревала, что ты тот самый парень, о котором она рассказывала. Она никогда не говорила о тебе ничего такого, что позволило бы мне думать, что вы знакомы. Она даже ни разу не называла тебя по имени.

В интонации, с которой она это сказала, мне послышалось нечто, о чем, как показалось, лучше не спрашивать. Нора уселась за стойку рядом со мной и принялась болтать ногами над деревянными ящиками.

– Я же не сумасшедшая. – Тон был ровным, как бумага, которая лежала под стопкой книг. – Так что не беспокойся, я поняла, что к чему. Все в порядке.

Нора оказалась на удивление чуткой, но ее остекленевший взгляд и

выражение лица приводили меня в замешательство. Со скучающим видом она сковывала лак с ногтей. Разве можно понять, о чем она думает, сдирая черный лак с одного большого пальца другим?

– Мы больше не вместе, – сказал я.

Боль от признаний Дакоты еще обжигала меня, терзала душу.

Нора усмехнулась, оторвав взгляд от своих рук.

– Вместе вы или нет, меня это не касается. – Она равнодушно пожала плечами, как будто я сообщил, что небо голубое.

Я кивнул ей. На горячей сковородке шипели яйца, и сыр почти растаял. Я достал овощи и кусок ветчины из упаковки.

– Мясо, – состроила она брезгливую гримасу. – К тому же на завтрак... Ты умеешь произвести впечатление. Вкуснятина из универсама «Хилширские фермы».

Она рассмеялась, и я понял, что не хочу менять тему разговора. Мне нужно знать, почему она считает, что ее не касаются мои отношения с другими девушками.

Разве вчера вечером мы не ходили вместе в клуб? Первые пять минут, пока не случилось то, что случилось, все было хорошо. К тому же это не обычная ветчина, а нарезка из отдела деликатесов. Не могу не заметить, что я заплатил лишних три доллара за полкило, разница в цене была указана красными чернилами на желтой этикетке.

– Ты поэтому такая стройная? – Я махнул на ее тело лопаткой, которой переворачивал омлет. – Не ешь на завтрак мясные полуфабрикаты?

Нора, пожав плечами, кивнула и подвинулась ко мне.

– Нет, я не ем мяса, но мне все равно приходится следить за своим рационом. Я могу легко съесть целую упаковку сыра и сейчас это сделаю, – сказала она, показывая на сыр, лежавший на стойке.

Я приготовил омлет для нее, переложил его на бумажную тарелку и принялся за свой. Одновременно я наблюдал за тем, как она мысленно добавляет новые баллы к рейтингу, который женщины рассчитывают в голове каждый раз, встречая нового парня.

Физическая привлекательность: 8 баллов (на самом деле – между 6 и 10. Я бы поставил себе твердые 7,5).

Рост: 8 баллов (почему-то при росте метр восемьдесят три я получаю 8 баллов).

Кулинарные способности: 5 баллов.

Добавление мяса в омлет: 2 балла.

Бумажные тарелочки: 1 балл.

Я решил проигнорировать тот факт, что сегодня ночью потерял как

минимум 10 баллов. Похоже, что мой средний балл – два.

– Но понимаю, что не молодею и, чтобы оставаться в форме, мне следует стараться больше других.

Нора стукнула по ноге кулаком, и мое внимание привлекла маленькая веснушка на ее бедре. Шорты были такими короткими, что взгляд поднимался все выше, от одного рыжего пятнышка ко второму, потом к третьему. Они как будто специально выстроились в линию, ведущую к краю ее шортиков. Людям свойственно подмечать мелкие детали.

Она слегка развернулась и взглянула на свои бедра и ягодицы.

– Я не хочу поправиться.

Я вспотел и чуть не упал в обморок от мгновенно подскочившей температуры, увидев, как она едва-едва пошевелила бедрами. Я не мог оторвать от них глаз. Нора ущипнула себя за попу и посмотрела на меня.

Мне пришлось отвернуться. В ответ надо было что-то сказать. Что-нибудь приятное. Ужас в том, что я не мог придумать ничего мало-мальски подходящего и не хотел, чтобы она подумала, что я думаю, что она думает...

Черт побери, я снова мудрю!

– Тем более выпечка для меня и работа и хобби, – продолжила она как ни в чем не бывало. – Мне легче обойтись без вай-фая, чем без сладостей.

Она снова повернулась ко мне, и я с трудом убедил себя не смотреть на веснушки на ее бедрах.

Нора говорила совершенно серьезно. По выражению глаз и поджатым губам я понял, что она не шутит. Я хотел было прикинуться раздражительным хипстером, который требует тут же пароль вай-фая, куда бы он ни пришел, но после прошлой ночи у меня не было сил кем-то притворяться.

– Ты говоришь так, словно это вопрос жизни и смерти, – усмехнулся я.

Ее лицо озарилось искренней улыбкой... И тогда я вновь вернулся к теме нашего разговора.

– Во-вторых, пункт Б. Если ты хочешь, мы можем поговорить о Дакоте.

Нора раздраженно сверкнула глазами. Я сделал вид, что не заметил. Мне было важно дать ей понять, что я не из тех, кто не говорит прямо о том, что у них на уме, и заставляет обо всем догадываться, а когда ты поймешь, в чем дело, то уже не помнишь, в чем, собственно, была проблема. Я не такой.

У меня не было отца, своими навыками общения я обязан матери. Терпеть не могу полуправды и всегда называю вещи своими именами. Я не

мог уйти со своей бывшей, а затем не объяснить этот поступок девушке, к которой пришел на свидание. Мне не хотелось, чтобы Нора придумала собственную версию меня и считала, что хорошо меня узнала. Мне важно, чтобы она основывала свое мнение обо мне на фактах и приятных впечатлениях.

Но до сих пор мне не представлялся случай показать, что я за человек. Я протер сковородку и нанес антипригарный спрей. Конечно, он не особенно помогает, и на дне сковородки остается примерно половина еды. Но это уже победа, по крайней мере для меня.

– Ну же, – пытался я продолжить разговор.

Нора робко взглянула на меня:

– Насколько я понимаю, ты не отстанешь. Удивительно, что Дакота оказалась моей соседкой по комнате, а ты – соседом Тессы. Как же тесен этот чертов мир!

И покачала откинутой головой.

Да, я бы тоже сказал, этот мир слишком мал. Мне было очень любопытно выяснить, как могло получиться, что моя бывшая девушка живет в одной квартире с моей подругой Норой.

– Как вы познакомились? Она же учится в балетной академии, а ты – пекарь.

– Я не пекарь, а шеф-кондитер. – По тону я понял, что так часто говорят и ей это не нравится. Какая досада!

– Короче, – продолжила Нора, – моя давняя соседка из колледжа Мэгги дала в Интернете объявление о том, что мы ищем третью. Однажды появилась Дакота с сумкой через плечо. Задавака, каких свет не видывал. – По выражению лица было видно, что Нора жалеет о сказанном. – Без обид, – нерешительно добавила она.

– Я не обиделся.

Мне, похоже, следовало защищать Дакоту, но я не хотел сейчас это делать. Нора высказала свое мнение, и я не в том положении, чтобы спорить. Кто эти два парня, с которыми спала Дакота? Я их знаю? Скорее всего, нет. В Нью-Йорке я вообще мало с кем знаком, а она это время жила тут одна. Не хотелось бы думать, что она была близка со всеми знакомыми по Мичигану.

– Похоже, мне просто повезло: отправиться на свидание с соседкой по комнате моей бывшей. Извини, – сказал я со смехом, чтобы разрядить атмосферу в комнате.

Нора с непроницаемым видом снова пожала плечами.

– Ничего страшного. Это было не совсем свидание. В любом случае у

меня нет времени с кем-нибудь встречаться. Что ты хотел сказать третьих? Омлет, неловкое свидание-не-свидание и что-то еще.

Пока я вспоминал, что хотел сказать, она нагнулась через стойку и ткнула меня пальцем в щеку. Сердце забилося чаще.

– Что. Было. В-третьих?

Она откинулась головой на шкаф, открыла бутылку гаторейда и отпила. Как вовремя!

– Это! – Я показал на красного правонарушителя в ее руке.

Нора, с полным ртом гаторейда, удивленно вытаращила глаза.

– Вчера ты его ненавидела, а сегодня *это*.

Я стукнул по бутылке пальцами, а Нора наконец проглотила напиток.

По ее подбородку потекла капля. Девушка попыталась ее остановить. Я со смехом наклонился к ней с полотенцем в руках и осторожно вытер жидкость. Нора не отвернулась и отодвинула ногу. Теперь я оказался между ее бедрами, и мое тело не могло не отреагировать. Она приподнялась, опершись на мое предплечье и крепко сжала пальцами мою руку. Я наклонился. Мы соприкоснулись телами, и ее лодыжки обхватили мои ноги. Меня нестерпимо тянуло к ней душой и телом. Боль желания пронзила меня как кинжал. Я жаждал слиться с ней в едином безумном порыве.

Передо мной оказалась уже не глупая хихикающая девчонка, сидящая на столе и хлопающая ресницами. Это была чувственная соблазнительная женщина, которая обнимала рукой мою шею, лаская ее гладкими пальцами с острыми ноготками. По коже побежали мурашки. Но Нора не почувствовала моей дрожи.

Ее объятия несколько меня не смущали. Я был не намного выше, когда она сидела на высокой кухонной стойке. Нора тяжело и часто задышала и опустила взгляд: на щеки легла темная тень от ресниц.

Я нежно приподнял пальцами ее подбородок и заглянул в глаза. Нора немного придвинулась ко мне. Я почувствовал на своих губах ее дыхание и непроизвольно сжал руками ее бедра. Движение не было инстинктивным, ведь я уже прикасался к этой женщине, но я не мог переубедить свое тело и остановиться.

Она тихо выдохнула мое имя, а я вдохнул его, удивляясь, насколько нежно оно прозвучало. Я поднимал руки выше и выше, оставляя красные полосы на гладкой коже, пока не сомкнул ладони на бедрах, там, где начинались ягодичы. Она взглянула вниз, задышала еще чаще и снова посмотрела мне в глаза. Я нежно прикоснулся лицом к ее щеке, и она повернула голову. Я покрыл ее шею легкими поцелуями восторга и

желания.

Нора, застонав, обвила ногами мою талию, приподнялась и сжала мою руку. Она всем телом подалась ко мне, и я в порыве страсти потянулся губами к ее уху. Меня накрыло жаркой волной желания.

Она взяла мои руки в свои и прижала их к своим ногам, потом подвинула к верхней части своих бедер. Она снова застонала, впиваясь ногтями в мои руки. Я был ошеломлен. Женщина, которую я почти не знал, занималась со мной петтингом на кухонной стойке, при этом Тесса была дома, а Дакота незадолго до того удрала от меня. Несмотря на все это, я полностью оказался в ее власти. Я будто наглотался веселящего газа и не отличал черное от белого, невинные прикосновения от сексуального заигрывания. От сумасшедшего поцелуя у меня так закружилась голова, что я, закрыв глаза, упал на колени. Она казалась мне темным ангелом, и я, прежде далекий от религии, обратился в преданного адепта Норы.

Нам не стоило этим заниматься, но я хотел продолжения. Я желал этого, мне это было необходимо. На этой стойке, на кухонном столе, даже на кухонном полу.

Я почувствовал, что она пытается отстраниться, когда я зубами слегка задел ее ухо.

– Это, – она с усилием выдохнула, – все это ни к чему, для нас обоих. – Нора оттолкнула меня рукой, и я отшатнулся. – Господи, – она прикоснулась рукой к своей груди и несколько раз глубоко вздохнула, – это о-о-о-очень плохо для меня и еще хуже для тебя.

Она спрыгнула со стойки и одернула шорты, безуспешно стремясь скрыть от меня свое тело. Я пытался не пялиться, понимая, что с каждой секундой ее сомнения усиливаются и растет список доводов за то, что неудачливый сосед Тессы недостаточно хорош. Она пыталась мне что-то сказать, а я вел себя, как все мужчины: пялился вместо того, чтобы слушать.

А ведь я не такой. Я стараюсь адекватно оценивать события и понимаю, что между нами происходит. Хорошо, что я не совсем растерялся и поэтому смог спокойно посмотреть ей в глаза и выслушать причины, почему мы не можем бросаться друг на друга каждый раз, когда остаемся вдвоем в кухне.

Глава семнадцатая

– Это все кухня, – вставил я, когда она дошла до третьего пункта.

Первые две причины я пропустил. Я не мог перестать быть парнем, который глупо паясает на женщину. Раньше я считал себя исключением. В свою защиту могу сказать, что извинения она мямлила, поправляя лифчик. Было трудно не смотреть, как ее мягкая грудь двигалась то в одну сторону, то в другую.

– Это кухня свела нас с ума, – уточнил я, разбив два яйца в чашку и взбивая их ложкой.

Если она не хочет, чтобы я ее целовал, я не буду. И неважно, что мое тело горит желанием. Неважно. Я в норме.

Нора следила за тем, что я делаю. Ей нравилось, что после всего этого я продолжаю готовить завтрак. Я протянул руку и взял третье яйцо. Пока я смазывал маслом сковороду, она подошла и взяла пакет молока, добавила в миску по меньшей мере полчашки, открыла ящик для серебра, достала вилку и начала взбивать яйца. У нее получалось намного быстрее, и я отступил назад с небольшим поклоном перед мастерством шеф-кондитера.

Она оценила мой жест и рассмеялась, но, к моему сожалению, дождь снаружи почти заглушил звук ее смеха.

Затем Нора открыла пластиковый контейнер с нарезанными овощами. Добавила на сковородку горсть лука, потом перец и стала ждать, чтобы добавить яйца. С легкостью превзойдя меня на кухне, она прислонилась к столу и посмотрела на меня:

– Тесса – мой друг, и если между нами возникнут сложности, это может разрушить нашу дружбу.

Это причина номер четыре или пять?

– У нас обоих есть прошлое, – добавила она.

Седьмая или, возможно, восьмая причина, если вести счет порознь?

– И сколько у тебя доводов против, *десять*? – спросил я. – Или ты хочешь обсудить мое поведение и перечислить все причины, по которым мы не можем быть друзьями?

– Я не говорила, что мы не можем быть друзьями. Я имею в виду все это, – сказала она, описав перед собой круг руками.

Я мысленно представил себе, как Нора бежит рядом со мной и составляет подробный список причин. Я тоже мог бы добавить несколько пунктов, но мне хотелось высказаться не так сильно, как ей. Она все еще

размахивала руками.

– Ты говоришь о воздухе? Азот и кислород. – Я решил немного сострить.

Она протянула свободную руку и зажала мне рот. Пронзивший меня, как стрела Купидона, взгляд говорил: «Заткнись, хренов прелестный мерзавец».

Как хорошо, что я не произнес этого вслух!

– Я говорю о ласках и петтинге. – Ее взгляд остановился на моих губах.

– Я не пойму, почему нельзя ласкать животных... – начал я, но ее рука вновь закрыла мне рот.

– Мы не можем заниматься этим, или все выйдет из-под контроля. Твоя бывшая подружка – моя соседка по квартире, она живет со мной и знает, где я сплю. – Она улыбнулась, и я подумал, что она шутит лишь наполовину. – Просто я думала, что мы можем больше не волноваться о нашем прошлом, – Тесса рассказала мне о вашем разрыве.

Ее глаза наполнились сочувствием...

Ненавижу, когда люди меня жалеют. Тем не менее я кивнул:

– Понятно. Я не знал, что ты думаешь и что чувствуешь. Я пытался порвать с Дакотой, – объяснил я.

Она кивнула.

– Я рада. Но давай останемся друзьями. Никаких прикосновений, никаких поцелуев, – предложила она, понизив голос, и отвернулась от меня, – и уж точно не хватать за бедра, не щекотать за ушами и не целовать взасос.

Она откашлялась и выпрямила спину.

Я тоже покашлял и поискал полотенце, чтобы вытереть вспотевшие ладони.

Ее слова застали меня врасплох, и я перенесся во времени на две минуты назад, когда играл роль героя-любовника. Она едва не застонала, когда голосом рокового соблазнителя я произнес: «Я тебя украду».

В голове прокрутился список романтических комедий, и ход моих мыслей изменился.

– Следующим шагом в нашем договоре будет предложение дружбы с бонусами, после чего, прежде чем согласиться, мы будем спорить секунд тридцать, – сказал я. – А месяц спустя один из нас влюбится, и это все запутает. Еще через месяц у нас будут идеальные отношения или полная катастрофа. Золотой середины не существует. Это бесспорный факт, не раз доказанный кинематографом.

Мне нравилось, что я могу быть с ней полностью откровенным. Она не раз становилась свидетелем моих промахов и, наверное, к этому привыкла. Другого опыта у нее не было, и вряд ли она возлагала на меня большие надежды. Нора смеясь кивнула. Ее омлет подрумянился, и в кухне стоял изумительный аромат. Она переложила омлет на тарелку и вдохнула исходящий от него пар.

– По рукам. – Нора заправила выбившуюся прядь волос за ухо. – Мы можем обойтись без этой байдды и остаться друзьями. У меня нет времени на разборки с двадцатилетними девушками, которым в первую очередь не стоит пить на публике.

Она сказала это так по-взрослому, что я почувствовал себя ребенком, которого отчитывает мама.

– Я строю карьеру в процветающем городе и не хочу все испортить из-за хорошенького мальчика-студентика.

То, что она назвала меня «мальчиком», задело мое и так уже раненое самолюбие. Мне вот-вот стукнет двадцать один, и у меня больше общего с людьми возраста моих родителей, чем с «мальчиками» из колледжа. В кампусе меня дважды останавливали студенты, принимая за преподавателя. У меня взрослый вид. Это правда, и мама так говорила.

Тьфу! Я постоянно ссылаюсь на маму, может быть, я действительно еще ребенок? Это несколько обидно.

Я думал, что Нора воспринимает меня как своего ровесника, но оказалось, что для нее я просто малолетка для развлечения.

– Значит, френдзона. – Я улыбнулся ей, и она кивнула.

С этих пор и Норе, и Дакоте я буду только другом.

Я не допущу никаких недоразумений.

Ни за что.

Глава восемнадцатая

Я не слышал о Дакоте уже две недели. После того как посреди ночи она ускользнула из моей кровати, Дакота не давала о себе знать, не отвечала на мои звонки и на эсэмэски. Возможно, я зашел слишком далеко, докучая, когда она явно не хотела разговаривать, но мне хотелось убедиться, что с ней все в порядке. И сколько бы я ни напоминал себе, что это больше не мое дело, поверить в это не мог. Или мое сердце не хотело с этим смириться. Может, и то и другое. Я достаточно неплохо знал Дакоту и понимал, что, если ей нужна независимость, она ее добьется и никто не сможет этому помешать.

Непривычным было лишь то, что на этот раз она хотела освободиться от меня.

С тех пор как мы с Норой решили остаться друзьями, я дважды виделся с ней, но говорил только раз. Друзья без поцелуев. Друзьям не до поцелуев, и они о них не думают.

Я продолжал над этим работать. Нора приходила к нам так же часто, но уходила раньше, а я возвращался из кофейни позже обычного. Я задерживался и помогал Поузи закрывать заведение. В последнее время моя напарница работала и за себя, и за Джейн, так что я не мог не прийти на выручку. Казалось, Поузи разрывается на части. Я не хотел быть назойливым и лезть в ее жизнь, но я хорошо чувствую людей. За долгие часы работы рука об руку мы крепко подружились. Она все больше рассказывала о своей жизни, пока мы мыли тарелки и очищали от молотого кофе все уголки и щели «Мельницы».

Мне нравилось находиться в ее компании. Я был одинок и впитывал наши разговоры, как губка. Вникая в детали жизни подруги, я чувствовал большую сопричастность этому огромному миру. Она родилась и выросла здесь – коренная жительница Нью-Йорка. В ней было то, что миллионы людей в этом городе стремятся имитировать. Ее семья жила в Квинсе. Когда ей было пятнадцать лет, ее мама умерла. Лайла и Поузи переехали в Бруклин к бабушке.

Приятно поговорить с кем-нибудь о всякой чепухе и послушать рассказы о чужой жизни, выслушать чужие мнения и мысли, когда не хочешь обдумывать собственные.

Я не хотел думать о Дакоте, не хотел скучать по Норе. Если мне нравятся сразу две девушки, я плохой человек?

Хотя на самом деле я сомневался, нравится мне Нора по-настоящему или меня просто к ней влечет. Я не слишком хорошо ее знаю, чтобы сравнивать отношение к ней с моими чувствами к Норе...

То есть к *Дакоте*.

Вот черт, запутался!

Трудно ли мне быть вдали от них обеих? Я любил Дакоту несколько лет и знаю ее, как никто другой. Она – моя семья. Половина моего сердца принадлежит ей.

С Норой – другая история. Она нерешительная, и горячая, и холодная, бесспорно, сексуальная и кокетливая. Она привлекала, вызывала любопытство, и приходилось напоминать себе, что мы убили наши возможные романтические отношения, не дав им начаться, и я не собираюсь хандрить – ведь я потерял то, что не было моим с самого начала.

Две недели я избегал девушек, соглашался на вечерние смены, посещал дополнительные семинары и смотрел с Тессой кулинарные шоу. В последнее время она завела привычку включать телевизор, и я всегда делал домашнее задание на фоне шума. Иногда я тоже поглядывал на экран, но никогда не увлекался этими передачами (возможно, как и Тесса).

Однажды вечером, когда мы смотрели «Кексовые войны», зазвонил мой телефон, валявшийся рядом с нами на кожаном диване. На экране высветилось «Хардин». Тесса машинально обернулась на звук и увидела надпись. Глаза сверкнули, но Тесса тут же снова уставилась в телевизор, закусив пухлую нижнюю губу.

Она ужасно несчастна, и это невыносимо. Хардин тоже мучается, причем заслуженно, но меня это тоже бесит. Не знаю, какую гору должен сдвинуть Хардин, чтобы заслужить ее прощение. Но, черт побери, я уверен, что он скорее *воздвигнет* гору, если понадобится, целый ряд гор, и высечет на них лицо Тессы, чем согласится жить без нее.

Такое отчаяние, такая мучительная, испепеляющая страсть мне незнакомы. Мои чувства к Дакоте глубоки... это всегда была тихая любовь, она и теперь такая. У нас случались трудности и ссоры, но в девяти случаях из десяти мы вдвоем противостояли всему миру. Вынув меч из ножен, зарядив пушку, я был готов сражаться с врагом, который пересечет черту. Чаще всего нашим противником был ее отец, самый большой и омерзительный тролль. Я провел много ночей, спасая свою принцессу из дома с желтыми стенами и потертыми занавесками, на которых была нарисована Золушка. Я карабкался по грязному, обожженному солнцем сайдингу, открывал пыльное окно и уводил ее в безопасный мир, где были теплые шоколадные пирожные и ласковый голос моей матери.

Когда Картер умер, в их доме настали трудные времена. И Дакоту не могли утешить даже самые вкусные сладости, дружеские разговоры и крепкие объятия. Мы делили и горе, и радость. Но чем больше я думал и сравнивал наши отношения с теми, которые наблюдал вокруг себя и о которых читал в книгах, тем яснее понимал, что, хоть мы с Дакотой и были семьей, мы все же оставались лишь детьми.

Разве кому-нибудь придет в голову провести всю жизнь с тем, кто защищал его в детстве? Или такой человек – лишь ступенька на пути к цели. А когда необходимые уроки усвоены, от него следует освободиться, ведь впереди новая высота? Когда-то мне казалось, что Дакота – это и путешествие, и пункт назначения, но теперь я начинал понимать, что был для нее лишь трамплином.

Знал ли я, Лэндон Гибсон, дилетант в делах любви, о чем говорил?

На телефоне включился автоответчик, и я схватил трубку. Я перезвонил Хардину, и тот сразу ответил.

– Привет, – сказал я, глядя на Тессу.

Она натянула шерстяное одеяло до подбородка, словно от чего-то защищалась.

– Я собираюсь заказать билет на самолет, прилечу в следующем месяце, – сказал он так громко, что Тесса услышала.

От голоса Хардина ее передернуло. Она встала и вышла из комнаты, не сказав ни слова. Я прошептал, чтобы она не могла меня услышать:

– Я не думаю, что это хорошая...

– Почему? – перебил он. – Что происходит, где Тесс?

– Она ушла в свою комнату, едва услышав твой голос, она вздрогнула, как будто на нее кто-то закричал. – Я знаю, что это резко, зато честно.

Хардин вскрикнул так, что мне стало не по себе:

– Если бы она только поговорила со мной... Ненавижу это всё!

Я кивнул. Я знаю, что ему тяжело. Как и ей. И мне. Но он сам во всем виноват, и с моей стороны нечестно помогать ему, если она не хочет возобновлять отношения.

– Попробуй передать ей трубку, – попросил он.

– Ты знаешь, что я не могу этого сделать.

– *Черт побери!*

Я представил, как он запускает пальцы в волосы.

Хардин повесил трубку, и я не стал перезванивать.

Я подождал несколько минут и постучался в комнату Тессы. Она открыла почти сразу, и я отступил в коридор. Взглянув на портрет полосатого кота, я вновь задумался, почему я раньше не обращал внимания

на эти чудные картинки.

– С тобой все в порядке? – спросил я свою подругу.

Она посмотрела на свои ноги, потом подняла глаза на меня.

– Ну да.

– Ты ужасная врунья.

Тесса сделала шаг назад, оставив дверь открытой, и жестом пригласила меня войти. Она села на край кровати, а я огляделся. Безукоризненная чистота. С тех пор как я был здесь в последний раз, Тесса добавила некоторые элементы декора. На туалетном столике больше не стоял телевизор. На его месте лежали стопки книг, сложенные по фамилиям авторов. В глаза бросились три потертых экземпляра «Гордости и предубеждения».

Тесса легла на кровать и уставилась в потолок.

– Я не возражаю против того, чтобы он приехал. Он твой родственник, и я не могу запретить тебе видеться с ним.

– Ты тоже моя семья, – напомнил я ей и сел на кровать, к обитой синим материалом спинке в изголовье, подходящей под цвет занавесок. На подоконнике – ни пылинки.

– Я все жду, и жду, и не знаю, как перестать... – Ее голос казался унылым и отстраненным.

– Чего ждешь?

– Когда он перестанет причинять мне боль. Больно даже слышать его голос.

Я сделал паузу, пока она переводила дыхание, и сказал:

– Думаю, на это понадобится некоторое время.

Хотел бы я тоже его ненавидеть: тогда бы я сказал Тессе, что Хардин – ужасный человек и ей без него будет лучше. Но я не мог. Я не стану притворяться, что вместе они несчастливы.

– Можно тебя спросить? – тихо проговорила Тесса.

– Конечно. – Я закинул ноги на кровать, надеясь, что она не обратит внимания на мои грязные носки на своем белом стеганом одеяле.

– Как ты пережил расставание с Дакотой? Я чувствую себя куском дерьма, зная, что ты чувствовал тогда, и вспоминая, как я почти не пыталась тебя утешить. Я была так погружена в свои проблемы, что только сейчас поняла, каково было тебе. Мне стыдно, что я такой ужасный друг.

Я тихо рассмеялся.

– Ты не ужасный друг. Моя ситуация сильно отличается от твоей.

– Это в твоём духе. Я знала, что ты так скажешь. – Она улыбнулась, не помню, когда последний раз видел ее улыбку. – Ну, а серьезно, как ты это

пережил? Тебе все еще не по себе, когда ты видишь ее?

Хороший вопрос. Как я смог пережить расставание с Дакотой?

Я даже не знал, как ответить. Неприятно признавать, но я никогда не чувствовал себя таким несчастным, как Тесса. Когда Дакота порвала со мной, было больно особенно из-за того, как она это сделала. Я не унывал и продолжал жить своей жизнью, хотя всегда был готов помочь ей, насколько возможно.

– У меня было все по-другому. Последние два года я редко виделся с Дакотой, и мы с ней не были так близки, как вы с Хардином. Мы никогда не жили вместе, думаю, я привык к одиночеству.

Тесса повернулась на бок и положила локоть под подбородок.

– Тебе было одиноко, когда вы встречались?

Я кивнул.

– Она жила в другой части страны, ты помнишь об этом?

– Да, но тогда вы еще были вместе.

Я не знал, что ответить. Я чувствовал себя одиноким, даже когда мы с Дакотой разговаривали целыми днями напролет. Не знаю, как это характеризовало меня и наши отношения.

– Ты и сейчас ощущаешь себя одиноким? – спросила Тесса, пытливо глядя на меня своими серыми глазами.

– Ну да, – ответил я честно.

Она легла на спину и опять уставилась в потолок.

– Я тоже.

Глава девятнадцатая

Занятия сегодня тянулись слишком долго. И так всю неделю: после того, что произошло между мной и Дакотой, я никак не мог сосредоточиться. К тому же Хардин сообщил, что приедет в ближайшие выходные.

Ближайшие выходные...

Чтобы подготовить Тессу к тому, что он будет жить здесь, в ее квартире, осталось совсем немного времени. Когда Хардин перезвонил, я не ответил. У нас с Тессой наконец-то установился контакт, и мы были слишком заняты, упиваясь своим одиночеством. Быть с ней рядом было грустно, но вместе с тем чудесно.

И чудо из чудес: вместо того чтобы без конца перезванивать, Хардин оставил голосовое сообщение. Удивительно! Размышляя о его визите, я вспомнил, как он утверждал, что должен приехать, потому что у него деловое свидание, которое он не может пропустить. Вероятно, ищет работу. Какое еще неотложное деловое свидание может быть в Нью-Йорке? Скорее всего, это связано с поиском места...

Или он устал быть вдали от Тессы? Он не может подолгу оставаться без нее, он в ней нуждается.

Когда я подошел к своему дому, шумный грузовик стоял посреди улицы. Магазин на первом этаже получает продукты круглосуточно. Голоса и грохот то и дело закрывающихся и открывающихся дверей сначала сводили меня с ума, потому что я привык к тишине и покою вашингтонского пригорода, к шотландскому «замку» на вершине холма. До сих пор помню, каким большим мне показался дом, когда мамин «универсал» впервые остановился рядом с ним. Мы выбрали дешевый способ путешествия через всю страну – на автомобиле, хотя Кен много раз предлагал купить билеты на самолет и переслать вещи. Когда я вспоминаю тот период, то думаю, что мама была слишком горда и хотела дать понять, что единственная причина, по которой она с Кеном, – это любовь.

Я помню, когда впервые заметил, как она смеется, когда он рядом. Это был новый смех – у нее менялись и голос, и выражение лица. Уголки глаз поднимались, и казалось, из глубины ее души вырывалась звенящая радость и наполняла комнату светом и свежестью. Я видел другую, счастливую версию моей мамы.

Конечно, сейчас она за меня беспокоится и всегда говорит о моих

проблемах. Например, что с тех пор, как я переехал в Нью-Йорк, я плохо сплю. Она постоянно спрашивает, когда я схожу к врачу, но я не готов к практическим шагам, чтобы наладить жизнь в новом городе. Визит к доктору и получение новых водительских прав могут и подождать, а сейчас меня волнует реальная проблема – мусоровозы в три часа ночи.

Вместо того чтобы идти к врачу, я купил генератор белого шума. Он очень помог. Тессе тоже понравились звуки, которые производит этот прибор, но она сказала, что выросла рядом с железной дорогой и по ночам скучает по стуку колес. В последнее время мы оба часто вспоминали все, что было связано с детством. В Нью-Йорке я как-то особенно остро почувствовал, что мой дом – это действительно моя крепость, а если и не крепость в буквальном смысле этого слова, то уютное место, где ты сам себе хозяин. Должно быть, то, что мы с Тессой могли выбирать окружающие нас звуки, позволяло нам думать, что мы контролируем все вокруг.

В подъезде было пустынно и тихо.

Когда я вышел из лифта на своем этаже, я учуял запах сахара и специй. Наверное, Нора пришла и они с Тессой что-то пекут. Я открыл дверь. На всю квартиру играла музыка: модная певичка напевала песенку «Нью Американа» о никчемной современной молодежи. Я сбросил ботинки и оставил их у двери. Вошел в кухню, поставил пятилитровый пакет молока, который купил по дороге, на стойку рядом с Тессой, но первой меня поблагодарила Нора.

– Не за что, – ответил я, снимая куртку.

Должен ли что-нибудь сделать для Эллен в ее день рождения? Сегодня, когда я поинтересовался, будет ли она его праздновать, она казалась еще менее взволнованной.

– Я проходил мимо магазина и тут получил эсэмэску от Тессы, – добавил я.

Нора все еще улыбалась. Господи, она даже красивее, чем в моей памяти, хотя я видел ее только неделю назад.

Нора взяла молоко и пошла к холодильнику.

– Ты пропустил грандиозное кулинарное фиаско. Тесса добавила в тесто для лепешек взбитые сливки вместо сливок для взбивания.

– Мы договорились, что это останется нашей тайной, – шутливо пробубнила Тесса. Она взглянула на меня. – Тесто удалось раскатать.

– Ну да. После того как лепешки пригорели, – сказала Нора через плечо.

Мне нравилось, что Нора так непринужденно себя чувствовала. Я с

удовольствием смотрел, как она привычно ходит по кухне, на ее гордую осанку и полуулыбку, играющую на полных губах. Она открыла холодильник и поставила туда молоко. Я отвернулся, когда она наклонилась, чтобы взять с нижней полки бутылку с холодной водой. Я не позволил себе мысленно задержаться на обтягивающих белых брюках. Это были не совсем легинсы, но и не штаны для йоги.

Хотя какая разница? Ее задница выглядела в них потрясающе. Плотно обтягивающая ткань подчеркивала форму дыни. На Норе была рубашка типа бейсбольной, с засученными до локтей длинными темно-синими рукавами, отличающимися расцветкой от основной ткани. Густые темные волосы были собраны в высокий хвост, а на носках была изображена мультяшная яичница с беконом. Живот был оголен, но я решил не смотреть на него, потому что знал, что не смогу оторваться.

Нора подошла к плите и достала противень с песочным печеньем, а может, с лепешками? Вероятно, с лепешками. Вообще-то мне все равно. В «Мельнице» продается только полезная для здоровья выпечка. Вкус у нее, как у покрытых оливковым маслом зерен в хлебе из пророщенной пшеницы. Это не для меня.

Моя мама готовит как профессиональный кондитер, поэтому мне сложно оценить выпечку и торты, приготовленные кем-то еще. Наш дом всегда был полон сладостей, вероятно, поэтому я рос пухленьким ребенком. Мне больше обычных людей приходится стараться, чтобы есть то, что нравится, и не прибавлять в весе. Чтобы осознать это, мне потребовалось некоторое время, но я рад, что мне удалось это сделать. Я помню чувство, которое испытал, когда у придурков из нашей школы исчезла причина смеяться над моей полнотой. Они, конечно, нашли другой повод, чтобы меня доставать, но мне стало легче и физически, и психически. Я приобрел уверенность в себе, которой до того не было.

Всю неделю Тесса и Нора ежедневно над чем-то колдовали на кухне, но я прятался в комнате – делал домашние задания и отдыхал после работы. Даже во сне я слышал раздраженные голоса покупателей, уставившихся на меню на стене.

«– Гм, нет ли у вас здесь фрэппучино, как в „Старбаксе“?»

– Почему у вас нет молока из кешью?

– Какая разница между капучино и латте?»

За эту неделю я очень устал, хотя работал всего три часа. Но, несмотря на это, я не собирался отсиживаться у себя. Мне хотелось поговорить с Тессой, да и с Норой. Меня бесило, что у меня перехватывает дух, когда она смотрит на меня и ее глаза встречаются с моими. Сегодня я решил быть

общительным. Мне полезно общение с людьми, даже если этих людей всего двое.

Нора сняла лепешки с горячего противня и разложила их остывать. Пахло черникой. Я сел за маленький трехместный стол и стал смотреть, как Нора ходит по комнате. Она достала полиэтиленовый пакет с желтой массой, свернула его в конус, надела маленькую металлическую насадку и украсила глазурью каждую лепешку. Нора сказала, что глазурь улучшает вкус, но я был занят тем, что старался не слишком долго задерживать взгляд на ее попке, и не обратил внимания на сказанное. Я не знал, стоит ли мне оставаться в кухне. Не хотел путаться под ногами.

– Как работа? – спросила Тесса, опуская палец в миску с густым сливочным кремом с синими вкраплениями.

Наверное, черника? Она облизала руку.

Я взглянул на Нору. Она снова засучила рукава, и я обратил внимание на нижнюю часть ее рубашки. Похоже, она обрезала блузку ножницами сантиметров на десять, чтобы открыть живот. Обычно я такое не замечаю. Совсем. Кто будет равнодушен к такому, если мучается от искушения, как я, зная, что ему ничего не светит?

Ее кожа была немного темнее моей, но я не мог определить ее этническую принадлежность по внешности. Хотя я знал, что она – коктейль из чего-то прекрасного и уникального. Не знаю, чего именно, но миндалевидные глаза, темные брови и густые ресницы, роняющие тень на высокие скулы, совершенно поразительны. На ней превосходно смотрелась рубашка, да и вся остальная модная одежда, которую я видел. У Норы были полные бедра, и было трудно оторвать взгляд от ягодиц, обтянутых белыми хлопчатобумажными брюками. Или я об этом уже говорил? Я позволил себе смотреть на нее всего несколько секунд. Ведь я не причиню ей никакого вреда, если посмотрю секунду-другую, правда?

Ей нет никакого дела до моих взглядов и моего нестерпимого желания прикоснуться пальцами к обнаженной спине. В мечтах я перенесся в другой мир, в котором Нора лежит рядом со мной и я провожу пальцами по ее смуглой коже. Я бы с удовольствием взглянул, как она принимает душ: на влажные, вьющиеся на концах волосы, на покрытую капельками воды кожу, на еще больше потемневшие ресницы...

– Что-то случилось на работе, да? – спросила Нора.

Я отрицательно покачал головой. Я так увлекся, что не ответил на вопрос Тессы. Прошедший день ничем не отличался от других. Было полно посетителей – только успевай поворачиваться. С началом нового семестра в колледже в кофейнях настоящее столпотворение даже в отдаленной части

Бруклина. Я не стал надоедать рассказом, что сломалась форсунка раковины и Эйден облился водой. Он выглядел так забавно – злой и растрепанный. Особенно смешно, что он сам предложил заняться ремонтом. Эйден утверждал, что знает, как устранить течь. Драко... вновь потерпел неудачу.

Тесса сообщила, что в следующие две недели отработает больше смен, чем обычно, и я понял, что она заговорила о расписании потому, что хочет знать, когда приезжает Хардин, и собирается держаться от него на почтительном расстоянии. Я должен был сказать, что он будет на следующие выходные, и собирался это сделать, но решил подождать, когда уйдет Нора, чтобы Тесса могла обдумать эту информацию в одиночестве и понять, как подготовиться к этому визиту.

Я следил за тем, как в глазах Тессы день ото дня гаснет огонек – с тех пор, как она осталась в этом городе одна и до нее стали доходить слухи, что дела Хардина налаживаются благодаря помощи друзей и советам психотерапевта. Я искренне надеялся, что ему стало лучше и ему полезно побыть вдали от Тессы, хотя его это бесит. Если в конце концов эта парочка не поженится и у них не родится куча непослушных лохматых ребятишек, я потеряю веру в любовь.

Меня раздражает слово «психотерапевт». Оно как стигмат на тех, кто проводит жизнь, пытаясь исцелить своих пациентов. Почему-то считается неуместным говорить о своем психотерапевте у кулера на работе, тогда как распускать сплетни о жизни сотрудников – самое обычное дело. Приоритеты в этом мире перепутались.

– Что слышно от мамы? – спросила Тесса.

Нора ловко управлялась с кухонными делами. Она вымыла поднос и смочила губку, чтобы протереть столы, а я в это время рассказывал Тессе, что моя маленькая сестренка все еще играет в футбол в животе у матери. Она клялась, что маленькая Эбби станет звездой Средней лиги. Мама говорила, что ее тело по ночам болит, освобождая пространство растущему внутри младенцу. Но она не жаловалась – ее восхищали и завораживали изменения, которые происходили с ней, несмотря на возраст. Она бесконечно радовалась своей благополучной, неосложненной беременности.

– Не поняла, о какой лиге идет речь, – прощепетала Нора.

Один уголок ее рта приподнялся вверх от изумления. Точнее, легкого удивления. В ее глазах всегда было немного скуки, как будто ее жизнь до этого момента была гораздо более интересной.

– Я говорил о футболе. Ты не любишь спортивные передачи? –

поинтересовался я.

Тесса никогда не смотрела.

Нора покачала головой.

– Не-а. Я лучше вырежу свои глаза и съем их с кетчупом.

Я рассмеялся над ее исчерпывающим мрачноватым ответом.

– Тогда ладно.

Я потянулся к лепешке, которую Нора успела покрыть глазурью, но меня остановили прежде, чем я успел взять выпечку.

– Глазурь должна остыть, – объяснила она, придерживая своей рукой мою.

– Осталось три минуты, – добавила Тесса.

Ладонь Норы была такой теплой! Почему она все еще держала мою руку? И почему я не хотел, чтобы она ее отпускала? Мне следовало забыть, насколько меня к ней тянет, и привыкнуть, что теперь я занимаю лишь место друга. Казалось, бессмысленно задавать себе глупые вопросы, почему я чувствую себя так или иначе. Но это в определенном смысле помогало мне контролировать себя.

При этом мне приходилось постоянно напоминать себе, что я только Норин приятель. Это было очень нелегко, когда она сидела в такой одежде, глядела мне в лицо и прикасалась ко мне.

Я взглянул на наши руки и посмотрел ей в глаза. Она, кажется, вспомнила, что не следует вести себя таким образом, ведь мы теперь только друзья.

Зазвонил телефон Тессы, и Нора вскочила. Ее щеки вспыхнули. Мне хотелось вновь прикоснуться к ней, но я не мог.

– Это мой босс. Я должна взять трубку, – сказала Тесса.

Она секунду помедлила и посмотрела на нас, взглядом спрашивая, все ли в порядке и можно ли оставить нас одних. Нора слегка улыбнулась, имея в виду, что мы не собираемся целоваться. Чем дальше Тесса отходила от кухни, тем плотнее становился воздух между нами. Нора занялась уборкой, взяла со стола противень и положила его в раковину. Затем, включив воду и взяв бутылку мыла для посуды, начала отмывать его щеткой. Я не мог решить: стоять тут в неловком молчании или уйти в свою комнату и снова провести вечер в одиночестве.

Я достал телефон и просмотрел несколько последних полученных эсэмэсок. В сообщении от Поузи оказался мем про бариста. Я затрясся от тихого смеха, и Нора наклонилась ко мне.

Но, опомнившись, она выпрямилась и снова схватила бутылку с моющим средством. Вокруг летали маленькие сердитые пузырьки; я

заметил, что Нора оттирает все тот же противень.

Я молча подошел к ней и заглянул в раковину. Противень был чистым – никаких остатков – поверхность сияла под совершенно лишним толстым слоем пены. Тем не менее она продолжала его мыть, и я подошел еще на шаг. Зацепился ногой за ножку деревянного кухонного стула – и Нора подпрыгнула от грохота.

– Ну, так как ты? Как дела?

Я говорил так, словно мы раньше никогда не общались и я только что не споткнулся о стул. С глубоким вздохом Нора приподняла плечи и покачала головой. Ее темный хвост качался из стороны в сторону в такт движениям.

– Вообще-то никак.

Ее руки продолжали натирать противень. Наконец Нора сполоснула его и положила на решетку рядом с раковиной. *Где Тесса?* Мне хотелось, чтобы она вернулась и неловкость, нависшая в кухне, прошла.

– Как работа? Она все еще тебе нравится? – Я никак не мог заткнуться.

Нора снова пожала плечами, и мне показалось, что она ответила: «Все в порядке».

– Ты ужасно сердишься на меня или как? – сказал я неожиданно для себя.

Ужасно сердишься? Мне же не пять лет, как тогда, когда я спросил Картера, не ужасно ли он сердится из-за того, что моя мама нечаянно переехала его игрушку.

Прежде чем ситуация стала еще более неловкой, Нора повернулась ко мне. На ее шее пульсировала жилка, грудь вздымалась от нервной дрожи. Моя голова пылала: я не должен испытывать такие сильные чувства к женщине, которую практически не знаю.

– Сержусь на тебя? За что?

Она говорила со мной, и в ее глазах светилась искренность. Надув губы, она ждала ответа, найти который было труднее, чем казалось. Потирая шею рукой, я думал, думал, думал, думал не переставая.

– Из-за всего. Из-за Дакоты, поцелуя...

Тут Нора открыла рот, и я остановился на полуслове, чтобы не мешать. Облокотившись на стол, она взглянула мне в глаза. Она смотрела на меня, не отрываясь, и в тот момент я пожалел, что не знаю ее достаточно хорошо, чтобы понять, о чем она думает и что чувствует. Я не мог прочитать ее мысли, хотя очень этого хотел.

Вообще, я неплохо разбираюсь в людях и мотивах их поведения. Я могу сказать, что человек чувствует, даже если он пытается это скрыть.

Взгляд на противоположную стену или легкий перенос веса тела – есть миллионы способов проникнуть в мысли других людей.

– Я вовсе не сержусь на тебя, это просто небольшое недоразумение.

Тон сказанного вызвал у меня тревогу. Я никогда не хотел ничего, кроме как узнать то, что она скрывала. Ее внутренний мир был для меня загадкой, и ее решение казалось равносильным постижению тайны жизни: в эту тайну трудно проникнуть, но она мучает открывающимися возможностями.

– Лэндон, дело в том, что...

Ее прервал скрип кроссовок по чистому кафельному полу. Я обернулся. Над белыми кроссовками поднималась пара ног в плотно обтягивающих легинсах. Стройное тело – в черном боди и балетной пачке.

Дакота бросила взгляд на стоявшую рядом со мной Нору. Казалось, она превратилась во что-то большее, стала темнее и сильнее. Затем выпрямилась и расправила плечи, требуя, чтобы на нее обратили внимание.

– Дакота! – Я инстинктивно подался от Норы к ней.

– Значит, вот куда ты пошла? – спросила она.

Я на мгновение смутился, но потом сообразил, что она обращается не ко мне. Дакота смотрела на Нору.

Глаза Норы встретились с моими.

– Нет, я здесь с Тессой...

Дакота прервала ее на полуслове:

– Я же говорила тебе, чтобы ты оставила его в покое.

Меня очень смущала эта сцена. Голос Дакоты поднимался, как мощный морской прилив, грозя затопить маленькую квартирку.

– Я говорила тебе, чтобы ты держалась от него подальше. Это запрет. Мы же договорились.

Глаза Дакоты сузились, превратившись в щелочки, а Норины стали большими, как чайные блюдца. Нора еще не оправилась от шока, вызванного неожиданным появлением Дакоты на кухне.

– Я лучше пойду.

Нора взяла со стола посудное полотенце, быстро вытерла руки и вышла из кухни, не взглянув на нас. Меньше чем через двадцать секунд хлопнула входная дверь: она ушла, даже не попрощавшись с Тессой. Мы с Дакотой стояли и молчали: Нора исчезла так быстро, а я был настолько потрясен, что мне не пришло в голову отправиться следом. В голове промелькнуло: может, так и следовало поступить, как бы тогда отреагировала Дакота?

Глава двадцатая

Дакота смотрела на меня с недовольным видом. Распущенные кудрявые волосы падали ей на плечи. Она раздраженно кусала ногти. Мне очень не понравилось, что она вела себя как старшеклассница. Нет, ее поведение было просто примитивным, да и балетная пачка не делала образ взрослее.

– Что это было? Что с тобой? – спросил я.

Это прозвучало слишком резко, но мне были нужны ответы. В происходящем не было никакого смысла.

Конечно, она сразу заняла оборону и молча уставилась на меня так, словно это я вел себя как ревнивый ребенок. Внезапно взгляд Дакоты смягчился. Она перестала дуться и оперлась рукой на кухонный стол как ни в чем не бывало. Я решил не спускать ей этой выходки.

– Почему ты выгнала подругу Тессы из нашей квартиры?

Дакота окинула меня взглядом. Я понял, что она молчит и тянет время, решая, что сказать.

Наконец через несколько секунд она вздохнула и заговорила:

– Для меня Нора не только подруга Тессы, Лэндон. Она моя соседка по комнате, и я не хочу, чтобы она ошивалась рядом с тобой. Нора – не лучший вариант. И я не позволю ей заарканить тебя. – Помолчала и добавила: – Я не позволю этому случиться.

Я не знал, что было хуже: интонация или ревность и инстинкт собственника, проскользнувшие в ее словах, – но по коже, покалывая, пробежала нервная дрожь, и грудь наполнилась адреналином.

– Во-первых, я не знал, что вы соседки по комнате, меня до сих пор это удивляет. А во-вторых, не тебе решать, кто для меня хорош, а кто не очень, Дакота.

Она побледнела, словно я дал ей пощечину.

– Значит, она действительно тебе нравится! – с искаженным лицом бросила она мне.

С каждой секундой я все больше злился, напряжение между нами росло с каждым ее вдохом.

– Нет. Ну, если честно, я сам не знаю, что к ней чувствую.

Из моего ответа выходило, будто я не хотел говорить правду, но так оно и было на самом деле. Я всегда был откровенным с Дакотой, кроме тех редких случаев, когда лучше было промолчать. Я был совершенно уверен,

что не ее дело решать, кому можно меня заарканить.

Дакота пересекла кухню и подошла ко мне; ее блестящая пачка покачивалась в такт шагам.

– Постарайся разобраться с этим, потому что я не хочу, чтобы ты запутался в своих чувствах ко мне, – проговорила она и закатила глаза.

Я узнал эту интонацию, эту настороженность.

– Ладно. Выбрось все это из головы, расслабься. – Она точно знала, что я имел в виду.

Дакота хорошо научилась отключать эмоции, когда боль становилась слишком сильной, и много лет я без устали напоминал, что ей ничто не угрожает и можно ослабить бдительность. Только когда это было неопасно, разумеется. Я всегда хотел ее защитить.

Она вздохнула, признавая поражение.

– В последнее время я много думала о тебе.

– Что именно? – спросил я.

Дакота судорожно сглотнула и закусилла нижнюю губу.

– Что я люблю тебя, Лэндон.

Сказала так небрежно, будто не догадывалась, что сказанное развязало узел, давно туго затянутый в моей груди, и наконец облегчило мою боль.

Я не слышал этих слов от Дакоты с тех пор, как переехал в Нью-Йорк. Когда-то они были привычны мне, как звук собственного имени... но не теперь. Сейчас эти три слова свели на нет все мои попытки избавиться от тоски и одиночества, завладевших мной с тех пор, как Дакота меня бросила. Они угрожали разрушить непрочный форт, который я строю с того дня, когда она решила, что я ей больше не нужен.

Эти слова были для меня гораздо важнее, чем она могла себе представить. Сердце было готово выпрыгнуть из груди от злости.

Я готовился выдержать ее гнев и вовсе не ожидал объяснения в любви. Если честно, неизвестно, что хуже.

– Я люблю тебя, Лэндон, – раздался в тишине голос Дакоты, и я закрыл глаза. – Я люблю тебя с тех пор, как себя помню. И мне жаль, что я доставляю тебе неприятности. Я причинила тебе боль, я знаю, и мне так стыдно...

Ее голос прервался, и глаза наполнились слезами. Она была так близко, что я слышал ее дыхание.

– Я была эгоисткой, я и сейчас такая, все так запуталось, мне невыносимо видеть тебя рядом с кем-то другим. Я не готова тебя делить с другой. Помню нашу первую встречу...

Я открыл глаза и попытался успокоиться. Мне следовало удержать ее

от разговора о прошлом, но я не мог заставить себя это сделать. Мне хотелось услышать ее воспоминания. Мне это было *нужно*.

– Ты катался на велосипеде. Я увидела тебя из окна своей комнаты. Картер только вернулся домой из какого-то лагеря, и кто-то из родителей позвонил моему отцу и сказал, что Картер пытался поцеловать другого мальчика.

У меня оборвалось сердце. Ее слова укололи меня. Дакота никогда не говорила о Картере. Даже не упоминала.

– Папа неся по коридору с ремнем в руках. – Дакота вздрогнула от воспоминания. Меня тоже передернуло. – Стоял такой шум, что мне казалось, если он не остановится, дом рухнет.

Дакота смотрела сквозь меня. Она уже не в Нью-Йорке, а снова в Сагино. И я там вместе с ней.

– Ты ездил по улице на велосипеде, и с тобой была твоя мама. Она то ли фотографировала тебя, то ли снимала на видео. И когда Картер принялся визжать от каждого удара кожаного ремня, я стала смотреть на тебя и твою маму. Она споткнулась и упала, и ты побежал к ней, словно ты был ее взрослым, а она твоим ребенком. Я помню, что хотела стать такой же сильной, как ты, и помочь Картеру. Но я не могла.

Ее губа задрожала, и нестерпимая боль пронзила мою грудь, как горящая звезда.

– Ты знаешь, как это было. Когда я пыталась помочь, получалось еще хуже.

Это правда. Несколько раз я видел, как ее отец бил Картера. Моя мама дважды вызывала полицию, прежде чем мы поняли, что система несовершенно и гораздо сложнее, чем представляется двум школьникам.

Не сознавая, что делаю, я направился к Дакоте. Она подняла маленькую руку, и я тут же остановился.

– Просто послушай и не пытайся ничего исправить, – потребовала она.

Я делаю все, чтобы выполнять ее желания. Я уставился на зеленые цифры на плите и спрятал руки за спиной. Было почти девять; я не заметил, как пролетел день. Дакота продолжила рассказ, а я гипнотизировал цифры:

– Я помню, как ты первый раз заговорил со мной, как впервые сказал, что любишь меня. Ты помнишь, как это было?

Конечно, я помнил. Как я мог забыть? Дакота убежала. Картер сказал, что ее не было несколько часов. Ее пьяный отец, спокойный, несмотря на то что его пятнадцатилетняя дочь куда-то пропала, сидел в покрытом пятнами глубоком кресле с запотевшей жестяной банкой холодного пива в руках. От моря выпивки у него вырос огромный живот. Он не брлся

неделями, и щетина на подбородке росла густыми неровными клочками.

Я не добился ответа, он даже не оторвал взгляда от чертова телевизора. Насколько я помню, он смотрел «Место преступления». Сидел в маленькой прокуренной гостиной, заваленной хламом. На столе громоздилась гора банок из-под пива, а на полу валялись кучи непрочитанных журналов.

– Где она? – спросил я его в пятый раз.

Мой голос прозвучал чересчур громко, и я испугался, что он ударит меня, как своего сына.

Однако он этого не сделал, а продолжал лениво пялиться в экран. И я перестал спрашивать, поняв, что он слишком пьян и от него все равно не будет никакого толку. Отец Дакоты пошевелился, и я испуганно отпрыгнул назад, но успокоился, когда он потянулся к сигаретной пачке. Схватил пепельницу, просыпал окурки и пепел на коричневый ковер. Казалось, он этого не заметил, как не замечал, что я стою рядом с ним и спрашиваю, куда подевалась его единственная дочь.

Я взял велосипед и объехал окрестности, останавливая всех, кто проходил мимо. Меня охватила паника, когда живший возле леса пьяница Бадди сказал, что видел, как она пробежала мимо его дома в сторону леса. Мы называли эту замусоренную рощицу Пятачком, там собирались люди, в жизни которых не было ничего, кроме наркотиков и алкоголя. Это не было безопасным местом, поэтому я бросил велосипед на краю рощи под елками и со всех ног побежал в темноту, как будто на кону стояла моя собственная жизнь. В известном смысле так оно и было.

Роща была небольшой. Ее можно было пересечь всего за пять минут. Не обращая внимания на пьяные голоса и боль в мышцах, я побежал в центр Пятачка. Дакота сидела там, прислонившись спиной к дереву, одна, цела и невредима.

Когда я ее нашел, мои легкие горели, я с трудом мог дышать, но ей ничто не угрожало, и только это имело значение. Она сидела на земле, скрестив ноги, среди грязи, палок и листьев. Увидев ее, я почувствовал величайшее облегчение.

Она подняла на меня свои темные глаза. Я стоял, согнувшись, положив руки на колени, и пытался перевести дыхание.

– Лэндон, – спросила она смущенно, – что ты здесь делаешь?

– Ищу тебя! Почему ты здесь? Ты знаешь, что это за место?! – закричал я.

Она осмотрелась вокруг. Порванное грязное одеяло, висевшее на сломанных ветках, служило импровизированным навесом. Вокруг валялись пивные бутылки и мусор. Недавно прошел дождь, и между деревьев стояли

грязные лужи. Я выпрямился и протянул руку.

– Ты больше никогда не должна сюда приходить. Здесь опасно.

Словно в трансе, она проигнорировала мою руку и сказала:

– Знаешь, я могу его убить. И мне кажется, это сойдет мне с рук.

У меня оборвалось сердце. Я прислонился к дереву и взял ее за руку. Наши пальцы переплелись.

– Я видела сотни криминальных шоу. Раз он все время пьет и от него одни неприятности, мне удастся уйти от ответственности. Я могу продать дом, на эти деньги мы бы уехали из этого мерзкого города. Ты, я и Картер. Да, мы можем уехать, Лэндон. – В ее голосе прозвучала болезненная настойчивость. Меня потрясло, что она строила планы абсолютно серьезно. – Никто о нем не пожалеет...

Мне бы хотелось согласиться, чтобы хоть на несколько секунд облегчить ее боль, но я знал: если я это сделаю, нам рано или поздно придется столкнуться с реальностью и жизнь покажется еще тяжелей, чем была.

Вместо того чтобы убеждать, что она, конечно, не сможет никого убить, я решил отвлечь Дакоту. Но для этого ее нужно было увести.

– Куда мы поедem? – поинтересовался я, зная, как она любит мечтать.

– Мы можем поехать в Нью-Йорк. Я буду танцевать, а ты преподавать. Мы будем далеко отсюда, все будут нами восхищаться.

Когда мы были подростками, Дакота всякий раз отвечала по-другому. Иногда она предлагала нам уехать из страны. Самым любимым ее городом был Париж. Она мечтала танцевать там, в знаменитом театре. Но жизнь в Сагино была реальной, а остальное – лишь глупой мечтой.

– Мы могли бы жить в небоскребе. Где угодно, Лэндон, только не здесь, где угодно. – Казалось, она уже была за тридевять земель отсюда.

Я взглянул на Дакоту: глаза были закрыты, на лице – следы грязи, а коленка поцарапана. «Должно быть, она упала», – подумал я.

– Я поеду с тобой куда угодно. Ты ведь это знаешь? – спросил я.

Она открыла глаза, и уголки ее губ поползли вверх.

– Куда угодно? – уточнила она.

– В любое место, – пообещал я.

– Я люблю тебя, – заявила она.

– Я всегда любил тебя, – признался я.

Она сжала мою руку и склонила голову мне на плечо. Так мы сидели, пока не зашло солнце, принесшее тишину в ее проклятый дом.

И теперь здесь, на кухне моей бруклинской квартиры, вспоминая наши мечты и начало нашей любви, Дакота тихо произнесла:

– Ты сказал мне, что всегда любил меня.

– Всегда, – повторил я ей в ответ.

Потому что это была правда.

Глава двадцать первая

Последние полчаса меня ошеломили, если не сказать больше. Я не знал, как остановить поток воспоминаний Дакоты и стоит ли это делать. Ее слова для меня так много значили... но чего-то не хватало. Как будто какая-то часть меня отстранилась от этого разговора. Я насторожился. Сейчас я не был уверен, что готов на все, о чем бы она ни попросила. Но ее слова казались убедительнее, чем назойливый внутренний голос, твердивший, что что-то не так. Я не хотел, чтобы все кончилось и она ушла. Мне казалось, что, если Дакота останется, мы сможем все исправить и я почувствую себя как раньше. Совсем несложно направить свое внимание на других людей и делать всех вокруг себя счастливыми, смирившись с тем, что я одинок, хотя и не признаюсь себе в этом. А с ней было бы так просто вернуться к привычному ходу вещей. Я всегда считал, что мое предназначение – оберегать ее, что каждая клетка моего тела создана специально для этой цели. Я мечтал находиться рядом с ней, человеком, которому я был важен, нужен, необходим.

Дакота пришла сюда, в мою квартиру – она примчалась ко мне. Но значило ли это, что она перестала убегать от меня? Она казалась близко, так близко, что я мог дотронуться до нее рукой и заключить в объятия. Если бы захотел... А я очень хотел.

Мне было необходимо, чтобы она прикоснулась ко мне. Мне нужно было узнать, пробежит ли по телу знакомая дрожь от прикосновения ее пальцев. Я хотел почувствовать, сможет ли она заполнить ту пустоту, которая мучает меня с тех пор, как мы расстались.

Я сделал еще шаг и обнял хрупкое тело. Дакота тут же наклонилась ко мне, и наши губы осторожно соприкоснулись. Ее губы были такими нежными, как облака, в которых я хотел затеряться, парить над миром рассудка вдали от нашей общей боли. Что может быть прекраснее, чем кружить в пространстве, где есть лишь она и я, только мы вдвоем. Ни разрывов, ни трагедий, ни чертовых родителей или экзаменов, ни нудной работы...

Когда наши губы соприкоснулись, у Дакоты перехватило дыхание, и меня охватило облегчение. Мой поцелуй был робким и неторопливым. Наши языки плавно скользили, и она, как всегда, таяла в моих объятиях.

Я положил другую руку ей на талию и притянул к себе. Жесткая пачка шуршала о мои спортивные штаны и мешала. Дакота обеими руками

сбросила сверкающую юбку на пол и прижалась ко мне всем телом. Благодаря постоянным занятиям ее тело стало более мускулистым. Мне понравилось новое ощущение: моя крепкая девочка. Она действительно была моей, может быть, не навсегда, но по крайней мере сейчас.

Поцелуй Дакоты был неуверенным, как будто она забыла, как целоваться. Пока она пыталась вспомнить, я гладил ее спину, очерчивая пальцами мелкие круги. Она вздохнула и прижалась к моим губам. Поцелуй был медленный, со вкусом слез, и я не мог понять, чьи это слезы: ее или мои.

Она всхлипнула, и я отстранился.

– Что случилось? – спросил я ее. Горло казалось мне полным патоки, и я говорил медленно, с трудом. – С тобой все в порядке?

Дакота кивнула, и я пытливо всмотрелся в ее лицо, обхватив его руками. Полные слез карие глаза блестели, а влажные губы припухли.

– В чем дело?

– Все нормально, – она вытерла глаза. – Мне не грустно, просто я слишком взволнована. Я так скучала по тебе. – Она опять всхлипнула, и одинокая слеза покатилась по щеке. Я вытер влагу пальцем, Дакота тяжело дышала. – Ты дашь мне время разобраться в моей чертовой жизни? Пожалуйста, Лэндон, я знаю, что не заслуживаю другого шанса, но я никогда, никогда больше тебя не обижу. Прости меня.

Я притянул ее к себе и крепко обнял. Меня переполняли радость и тревога. Я ждал этих слов много месяцев, даже когда она почти не разговаривала со мной. Если ей нужно было время все обдумать, то я не жду за это извинений или признаний в любви. Может быть, поэтому извинения и прозвучали как-то неуместно. Я так хотел их услышать, что мне показалось, что именно благодаря моему страстному желанию все это и произошло. Это благословение или проклятие? Или и то, и другое?

Я пришел в смятение. Но отбросил противоречивые мысли и принялся утешать Дакоту:

– Ш-ш-ш, – прошептал я, положив подбородок на ее макушку.

Через несколько секунд она слегка отстранилась и взглянула на меня.

– Я тебя недостойна, – нежно сказала она. – Но я никогда не желала тебя больше, чем сейчас.

Бессильно уронила голову мне на грудь и снова заплакала. Крепко сжав руки, она вцепилась в мою футболку. До нас донеслись слабые звуки звонка, и Дакота, мгновенно отреагировав, подняла голову. Как не вовремя!

– Извини, это мой агент, – сказала она, бросаясь в гостиную. – Ну, еще не агент, но, возможно, им станет.

Агент? С каких пор у нее есть агент? Для чего он ей нужен? Зачем, черт побери, агент ученице балетной школы? Я знал, что она ходит на кастинги для эпизодов в рекламе, может, она решила стать актрисой?

Мои размышления прервал громкий голос:

– Мне надо идти!

Дакота высунула голову из-за двери гостиной.

– Мне очень неудобно, но этим нельзя пренебрегать.

Слезы высохли, а мрачный вид сменился сияющей улыбкой. Наверное, на моем лице появилось полное замешательство, потому что она зашла в кухню, сказала:

– Я приду завтра утром, хорошо?

Поднялась на цыпочки, нежно поцеловала меня в щеку и сжала мою руку.

Дакота совершенно преобразилась. Она казалась совершенно счастливой, я давно ее такой не видел. Мне этого так не хватало. Я не мог решить: я разочарован тем, что нас прервали, или в восторге от того, что ей представился новый шанс в карьере?

Я выбрал радость и прекратил анализировать мотивы ее поведения.

– Завтра я работаю, но в пятницу буду свободен весь вечер, – ответил я.

Дакота просияла.

– Я приду в пятницу, – сказала она. Потом добавила: – И, возможно, останусь? – И она робко посмотрела, словно никогда не ночевала у меня раньше.

Она кусала губы, и я невольно вспомнил тот последний раз, когда мы спали в одной постели. Нет, не когда она была пьяна и я к ней не притронулся. А который был до него.

Дакота была прекрасна, ее обнаженная кожа сияла в тусклом свете моей комнаты в доме Кена. Я проснулся ночью от того, что мой пенис оказался у нее во рту. Рот был таким теплым и влажным, а я был так возбужден, что кончил после нескольких медленных движений ее губ и очень смутился.

– Лэндон, – Дакота снова вернула меня к реальности.

– Да, конечно. – Я почувствовал, как к пенису приливает кровь. Гормоны коварны и неуправляемы. – Конечно, я хочу, чтобы ты осталась.

– Хорошо, увидимся в пятницу.

Она быстро поцеловала меня в губы, пожала руку и выбежала за дверь.

Ночью я не мог заснуть. Лежал на спине, уставившись на вентилятор на потолке, и мысленно возвращался в прошлое.

В шестнадцать лет я во время уроков писал Дакоте записки, надеясь, что меня не поймут. Она хихикала над сексуальным подтекстом посланий. Я знал, как заставить ее улыбнуться. Учитель отличался такой рассеянностью, что мы могли без конца передавать записки взад и вперед, оставаясь незамеченными. В тот день, к нашему несчастью, он схватил меня с полочным и заставил прочесть записку перед всем классом.

С пылающими щеками я читал, что на вкус Дакота напоминает клубнику в шоколаде и я жду не дождусь, когда смогу ее съесть. Боже, каким я был наивным!

Одноклассники хихикали, но Дакота сидела, гордо выпрямив спину, и улыбалась мне. Она смотрела так, будто ничуть не смущена, словно ей не терпится со мной переспать. Честно говоря, я думал, что она хотела помочь мне преодолеть унижение и пыталась поддержать меня перед учителем, который заставил открыть всем нашу тайну.

Но после школы она затащила меня на задний двор своего дома и там в углу отдалась мне. Невероятно, мы начали заниматься сексом, еще когда были подростками! Мы вместе прошли через беды и радости. Нам было хорошо вдвоем, и, возможно, мы еще будем счастливы вместе. По темной спальне одно за другим проплывали воспоминания, и постель никогда не казалась мне такой пустой.

Пятницы ждать так долго!

Вот и пятница. Этот день пришел скорее, чем я ожидал. Вчера после занятий я до закрытия работал в кафе с Поузи и Эйденем. Эйден казался на удивление тихим, что было так нетипично. Казалось, он сосредоточенно о чем-то размышляет. А может, у Эйдена появился психотерапевт, который объяснил, что проблема заключена в том, что пациент – несносный кретин. Так или иначе, я был доволен такой переменой.

Вчера Дакота прислала две эсэмэски, а сегодня утром – еще одну. Только чтобы сказать, что она с нетерпением ждет нашей встречи. Внезапное возвращение ее любви еще смущало, но с каждым знаком ее внимания одиночество испарялось.

Мы инстинктивно нуждаемся в дружеском общении. Я никогда не думал о себе как о человеке, который ощущает потребность в ком-то, чтобы чувствовать себя полноценным. Иногда я спрашиваю себя: почему люди устроены именно так? Почему испокон веков мы жаждем общения и стремимся найти любовь? Цель жизни состоит в том, чтобы поддерживать отношения с друзьями и любимыми. Не важно, веришь ли ты в бога.

Людям нужна эмоциональная поддержка, я почувствовал это на себе.

Глава двадцать вторая

Уже семь часов. С того самого вечера я еще не видел Дакоту – и послал ей эсэмэс, что жду ее с нетерпением. В ответ получил смайлик. Я не очень-то в них разбираюсь, но решил, что он означает счастливую улыбку, а не скуку.

Я надеялся, что она меня не продинамит. Очень, очень надеялся. Меня раздражало, какой непредсказуемой она стала. Я скучал по времени, когда мы все делали вместе. Мы были лучшими друзьями и любовниками. Со мной она делилась мыслями, надеждами и мечтами. Вместе мы строили планы на будущее и радовались, я знал все, о чем она думает, и все слезинки, которые она пролила.

Теперь я стал для нее посторонним, который ждет, когда она решит позвонить. Я скучал по дням, когда вопрос, стою ли я ее времени, даже не возникал.

Почему я пал так низко? Когда дело касается Дакоты, мне следует прибодриться и перестать думать о самом плохом. Я был уверен, что она занята и позвонит или напишет эсэмэс, как только сможет. А если передумала, скажет прямо. Ведь так?

Развалившись на кровати, я смотрел по телевизору хоккей: рослый парень в сине-зеленой футболке упал на траву. «Акулы Сан-Хосе». Я узнал по цвету формы и «Акул», и их противников.

Никогда за них не болел, но мне было скучно, и я не знал, чем заняться, чтобы не пялиться на телефон в ожидании звонка Дакоты.

– Лэндон, – кто-то тихо постучался в дверь.

Это оказалась Тесса, а не Дакота, и я постарался скрыть разочарование. Пригласил ее войти, но мне пришлось подняться с постели. Невыносимо просто лежать и ждать Дакоту. Мне следует, по крайней мере, выйти в гостиную.

Я понимаю, что это смешно. Но сидеть на диване все-таки лучше, чем валяться на кровати.

Я встал и подошел к двери. Открыл и увидел Тессу в форменной одежде. Галстук цвета лайма делал ее глаза еще светлее, а на плече лежала длинная белокурая коса.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

Я провел рукой по небритому подбородку и потащился в гостиную.

Тесса села на противоположный конец дивана, а я положил ноги на кофейный столик.

– Что-нибудь случилось? У тебя все в порядке? – спросил я.

– Ну да, – помедлив, ответила она, – думаю, да. Помнишь парня по имени Роберт? Мы встретили его, когда ездили на озеро с твоей мамой и Кеном.

Я попытался вспомнить тот день. В воздухе пахло грозой, Тесса и Хардин почти не разговаривали друг с другом. На обратном пути брюнет в черном костюме играл с ними в слова.

Я не помнил парня по имени Роберт. Наверное, официант?

А, точно, вспомнил! Он тогда Хардина чуть с ума не свел.

– Ну да. Официант? – отозвался я.

– Верно, официант. Теперь догадайся, кто работает со мной с сегодняшнего дня?

Я поднял бровь.

– Быть того не может! Здесь, в Бруклине?

Какое дурацкое совпадение!

– *Может*, – полушутя сказала Тесса, но я понимал, что ничего смешного она в этом не видит. – Когда он вошел, я поразились. Надо же, вдруг встретиться на другом конце страны! У него начинается стажировка, а у меня заканчивается. Странно, правда?

Действительно, странно.

– Да, удивительно.

– Похоже, что жизнь меня испытывает, – заметила она устало. – Как ты думаешь, может, стоит познакомиться с ним поближе? Сейчас я не могу ни с кем встречаться, – она оглядела комнату, – но дружба – другое дело. Верно?

– Что? Дружить с кем-то, кроме меня? Как ты можешь? – поддразнил я.

Тесса пнула меня ногой в розовом носке, а я поймал и пощекотал ступню. Тесса взвизгнула и бросилась на меня. Но с ней легко справиться. Поднял ее руки, обхватил, чтобы не позволить ей отомстить мне. По всей квартире разнеслись визг и хохот. Господи, как я скучал по ее смеху!

– Хорошая попытка, – заметил я, смеясь и щекоча ее бока.

Она снова вскрикнула и заметалась, как рыбка на леске.

– Лэндон! – завопила Тесса, пытаясь вырваться.

Думаю, что отношения между братом и сестрой должны быть именно такими. Я с нетерпением ждал, когда на свет появится маленькая Эбби. Чтобы ей соответствовать, мне придется поддерживать физическую форму.

Иногда я беспокоился, что большая разница в возрасте помешает нам стать близкими друзьями.

Тесса продолжала брыкаться, и я ослабил хватку. Ее лицо покраснело, а волосы растрепались. Галстук лежал на плече, и, глядя на него, я не мог не рассмеяться. Тесса показала мне язык.

Послышался какой-то звук, и я бросил взгляд в сторону коридора.

В дверях стояла Дакота и с каменным лицом пристально смотрела на нас.

– Привет.

– Привет! – Я с облегчением улыбнулся, радуясь, что она не обманула.

– Привет, Дакота! – Тесса помахала одной рукой, стараясь другой пригладить свою косу.

Я поднялся с дивана и пошел навстречу Дакоте. На ней была белая футболка, спущенная с одного плеча, едва прикрывающая розовый спортивный лифчик, и облегающие черные спортивные капри.

– Я возвращаюсь на работу. Ребята, если вам что-нибудь понадобится, пришлите эсэмэс, – сказала Тесса.

Она взяла со стола свою сумку и спрятала ключи в фартук.

Мы так и не договорили, но я решил, что Тессе будет не очень удобно говорить о Роберте при Дакоте. Все-таки странно, что теперь он живет здесь, в Бруклине. Если бы мы были героями комикса, я бы поклялся, что он либо безжалостный охотник, либо шпион. Шпион, конечно, интереснее.

– Пришлем, – пообещал я вслед.

Повернувшись к Дакоте, я заметил, что она так и не сдвинулась с места.

– Выглядишь потрясающе, – заметил я. Она вымученно улыбнулась. – Просто потрясающе. – Я подошел и поцеловал ее в щеку. – Как прошел день?

Дакота расслабилась, а я не мог понять, то ли она в плохом настроении, то ли боится оставаться со мной наедине после такого долгого перерыва.

– Все хорошо. Опоздала, потому что у меня был просмотр. Я пришла, как только смогла. Но ты тоже не скучал в ожидании, – заметила она с некоторым сарказмом.

– Ну да, мы с Тессой разговаривали. У нее сейчас неважные времена. – Я пожал плечами, взял Дакоту за руку и повел к дивану.

– Все еще? Это из-за Хардина? – поинтересовалась она.

– Ну да, как всегда Хардин.

Я улыбнулся, пытаясь не думать о том, что Хардин будет здесь уже в

следующие выходные, а я так и не решился рассказать об этом Тессе. Она знала, что он приезжает, но не знала когда. Я решил оставить появление официанта под грифом «Секретно». Хотя это и было явным совпадением, но Хардин напридумывает себе всякого.

– Мне показалось, что у нее все в порядке, – возразила Дакота, осматривая гостиную.

– Что-то не так? – спросил. – Ты, похоже, злишься? Как прошел твой просмотр?

Она покачала головой. Я потянулся к ее ногам и положил их к себе на колени. Снял кроссовки и стал растирать подъем ее ступни. Дакота закрыла глаза и откинула голову на спинку дивана.

– Все нормально. Но не думаю, что получу эту роль. Когда я уходила, у двери стояла большая очередь. Я была третьей, они, наверное, обо мне уже забыли.

Я ненавидел, когда она себя недооценивала. Разве она не понимает, какая талантливая? Какое сильное впечатление производит?

– Сомневаюсь. Никто не может тебя забыть.

– Ты необъективен, – чуть улыбнулась она.

– Вряд ли, – подзуживал я. – Ты себя *видела*?

Дакота закатила глаза и вздрогнула, когда я нежно сжал пальцами ее ноги.

– Это кровь? – спросил я медленно, снимая черные хлопчатобумажные носки.

– Наверное, – сказала она так, как будто в этом не было ничего особенного. Словно порезалась бумагой и ничего не заметила.

Конечно, это была кровь. Ее пальцы были сбиты до кровавых мозолей. Я и раньше видел, что пуанты делали с ее ногами, когда она еще не танцевала целыми днями. Уже тогда все было плохо. Но сейчас дело обстояло намного хуже.

– Господи, Дакота! – Я стянул носок с другой ноги.

– Все в порядке, у меня новые туфли, я их еще не разносила.

Она попыталась отодвинуться, но я положил руку на ногу и остановил ее:

– Не двигайся.

Я спустил ноги со своих колен и встал с дивана.

– Сейчас принесу салфетку.

Казалось, Дакота хотела что-то сказать, но промолчала. Я схватил в ванной чистое полотенце и намочил под струей теплой воды. Достал из шкафа бутылочку аспирина, встряхнул – она оказалась пустой. Не может

быть, чтобы Тесса не выкинула пустую упаковку из-под лекарства, так что в этом был виноват только я.

Пока полотенце впитывало воду, я посмотрел на себя в зеркало и попытался пригладить волосы. Макушка слишком длинная, да и сзади нужно подстричь, а то на шее уже начали завиваться локоны. Если не хочу быть похожим на Фродо, нужно поторопиться с визитом к парикмахеру.

Я закрыл воду и выжал полотенце. Оно было слишком горячее, но остынет, пока я донесу его до гостиной.

Захватив с собой еще одно полотенце, сухое, я вернулся к Дакоте. Но она уже спала на диване, приоткрыв рот. Должно быть, слишком переутомилась.

Я сел рядом и со всей возможной осторожностью, стараясь не разбудить, приложил полотенце к поврежденной коже. Дакота лежала не двигаясь и тихо спала, а я очищал раны и вытирал засохшую кровь.

Она слишком себя изматывала. Ее ноги кровоточили, а на лице читалось изнеможение. Я хотел с ней поговорить, но важнее, чтобы она отдохнула.

Я собрал окровавленные полотенца, взял со стула одеяло и укрыл ее.

Чем заняться, пока она спит?

Тесса на работе, Поузи тоже... Вот и кончился длинный список моих друзей.

Глава двадцать третья

В конце концов друзьями, которых я решил позвать, оказались аспирин и гаторейд. Это означало прогулку в магазин. Сегодня работала Эллен, и так как завтра был ее день рождения, я убил некоторое время, соображая, что она собирается делать (ничего особенного), и спросить, что ей подарят родители (опять-таки ничего особенного).

Это было ужасно. Я решил разведать, что ей нравится, и немного порадовать девушку. По дороге домой позвонил маме и несколько минут болтал с ней и с Кеном. Уже в коридоре я закончил разговор и дал отбой.

Из гостиной донесся шум, и я решил, что Дакота уже проснулась. Войдя, я встретил смятенный взгляд, в котором явственно читалось «Где тебя носило?», и как можно медленнее положил свой мобильный на стол. Я постарался сделать это посмешнее, но чувствовал себя так, словно попал в комнату для допросов. Правда, здесь были пакеты с сырными крекерами и бутылки гаторейда. Так что, возможно, комната не так уж напоминала помещение для дознания. Хотя... Дакота могла бы быть сексуальной полицейской. Я представил, как снимаю с нее тесную форму. Но Дакота выглядела сейчас так сурово, что будь она копом, то, без сомнения, арестовала бы меня. И не в сексуальной манере, вроде «надень на меня наручники, положи меня в постель и поиграй со мной».

– Поговорил с мамой и Кеном. Сегодня они идут к врачу насчет маленькой Эбби, – преувеличенно бодро отпартовал я.

Я искренне радовался предстоящему рождению ребенка и тому, что Кен сходит с ума по моей маме. Но у меня появилась параноидальная мысль, будто Дакота услышала, что мы с мамой говорили о Норе. Нора – просто моя подруга, ну, почти.

Однако, если Дакота услышит имя, которое я называл маме, это только разожжет пламя ревности, которую она питает к соседке по комнате. Спичка в руке Дакоты горит сейчас довольно ярко, и я хотел, чтобы она поняла, что ей не о чем беспокоиться. Даже если бы я добивался ее благосклонности, Нора не дала бы мне ни единого шанса. Возникла бы угроза дружбе с Тессой... И вообще, я ее едва знаю, так что о чем беспокоиться?

Дакота встала и потянулась.

– Ну и как она? Маленькая Эбби.

Я безотчетно сделал глубокий вдох, только сейчас заметив, что

сдерживал дыхание, и внес в кухню свои трофеи. Дакота пошла следом, обхватила руками мою шею и положила голову мне на плечо. Кудрявые волосы пахли кокосом и мягко щекотали мою щеку.

– Хорошо. Мне показалось, что они немного беспокоятся, но, вероятно, это я слишком волнуюсь.

Дыхание Дакоты грело мне кожу.

– *Слишком волнуешься? Ты?* Ты этого не говорил! – Она хихикнула. Ее смех так же прекрасен, как она сама. Я слегка пожал ей руку. – Рада, что с ней все хорошо. Но все же немного странно, что твоя мама беременна в ее возрасте. – Осознав, как прозвучало сказанное, она попыталась исправить: – Я ничего такого не имела в виду. Она самая лучшая мама из всех, кого я знаю, и тебе и Эбби с ней повезло, и возраст тут совсем ни при чем. Я не очень хорошо знаю Кена, но, судя по тому, что ты говорил о нем, он будет отличным отцом.

– Будет, – подтвердил я, раскладывая пакеты по ящикам, и поцеловал ее руку.

– Хочется надеяться, что Эбби будет больше похожа на тебя, чем на Хардина.

Дакота вновь рассмеялась, и я почувствовал на коже тысячу маленьких иголок.

Мне не понравилось, как она это сказала. Очень не понравилось.

– Что ты имеешь в виду? – Я убрал руки и, повернувшись, посмотрел ей в лицо.

Было видно, что Дакоту удивило мое поведение. Может, я слишком остро реагирую? Вряд ли.

– Я просто пошутила, Лэндон. Я ничего такого не имела в виду. Просто вы такие разные.

– Все люди разные, Дакота. Тебе не стоит его судить. Да и никого другого тоже.

Она вздохнула и присела у кухонного стола.

– Я знаю. Я и не пытаюсь его судить. Я не имею права никого судить, – она опустила взгляд на свои руки, – это была неудачная шутка, я больше никогда ее не повторю. Я знаю, как много Хардин для тебя значит.

Мои плечи расслабились. Удивительно, что я стал так быстро раздражаться. Гнев возник как бы ниоткуда, но я устал от людей, нападающих на моего сводного брата.

Дакота попросила прощения... а Хардин и правда та пилюля, которую нелегко проглотить. Я не должен был осуждать Дакоту за ее мнение о нем. Для нее он был парень, вдребезги разбивший сервант с тарелками, которые

моя покойная бабушка завещала маме. И тот, кто отказался называть ее настоящим именем.

Хардин прикидывался, что из всех женских имен помнит только имя Тессы. Так, Дакота у него стала Далилой. Не знаю, почему он так делал, но иногда я действительно верил, что он забыл все женские имена, кроме Тессы.

С этой парочкой часто происходило что-то странное.

Но я не хотел ночь напролет пререкаться с Дакотой из-за одного неудачного замечания.

– Хорошо. Давай поговорим о чем-нибудь более приятном, – предложил я.

Поскольку Дакота извинилась и, похоже, на самом деле не имела в виду ничего плохого, я хотел поговорить о ней.

Я хотел лежать рядом с ней в постели и вспоминать годы, когда мы были отвязными подростками и ночь напролет валялись на моем диване и смотрели кино, наперегонки поедая пепперони и роллы. Мама никогда не спрашивала, почему я трачу столько денег и покупаю пиццу коробками. Повод удивляться у нее появился, когда я стал заказывать комбинированные виды, которые до того терпеть не мог. Но она никогда не спрашивала, почему Дакота у нас так много ест. Думаю, мама знала, что с тех пор, как две пол-литровые банки пива стали стоить столько же, сколько упаковка пиццы, шансы на то, что в холодильнике Дакоты появится еда, а тем более пицца известного бренда, были очень невелики.

– Спасибо, – ответила Дакота, потупив глаза, я улыбнулся и придвинулся поближе.

– Ну давай, – я наклонился и поднял ее на руки. Она взвизгнула.

Она была еще легче, чем раньше. Так приятно оказалось снова держать ее на руках! Двадцать два шага до дивана – слишком мало, чтобы компенсировать последние несколько месяцев. Я бросил ношу на подушки. Дакота с тихим глухим звуком упала, ее подбросило в воздух, и она снова взвизгнула. Я отошел, а она тут же вскочила и, покрасневшая и растрепанная, с хохотом побежала за мной.

Она бросилась на меня, а я отпрыгнул в сторону. Поскользнувшись на толстом ковре, к которому следовало пришить тесьму на следующий день после переезда, я прыгнул на стул, еле увернувшись от пальцев Дакоты. Подо мной что-то хрустнуло.

Я очень надеялся, что не сломал этот чертов стул.

Спрыгнул на пол и заскользил по нему в носках, но потерял равновесие и неудачно потянул мышцу. Выпрямившись, я понял, что

штаны слишком узкие, поэтому ноги неестественно подогнулись. Сидя на полу, я развернулся, и Дакота бросилась ко мне. С озабоченным лицом положила одну руку мне на плечи, а другой приподняла подбородок и посмотрела на меня.

Я не мог остановить смех, уже живот болел, но нога не пострадала. Страх на лице Дакоты сменился радостью. Раздавшийся смех прозвучал, как моя любимая песня.

Я обнял ее за плечи и усадил себе на колени. Дакота обвила рукой мою шею и прижалась теснее, чтобы я ее поцеловал.

Ее губы были нежнее, чем мое прикосновение. Наши языки соприкоснулись, и я в который раз потерял голову.

Глава двадцать четвертая

Дакота водила пальцами по моим рукам от плеч к кистям и обратно, задерживаясь на бицепсах.

Я не притворялся, что не горжусь своим телом. Особенно если принять во внимание, что многие годы я его ненавидел. Впервые в жизни я чувствовал себя сильным и сексуальным, и я был на седьмом небе, когда она меня трогала.

– Я так по тебе скучала.

Голос Дакоты напоминал то ли крик, то ли стон. Сейчас она говорила со мной, с мужчиной, которым я стал, а не с мальчиком, каким был, когда встретил ее.

– Я скучал по тебе еще больше, – признался я.

Карие глаза Дакоты были полузакрыты, так что я с трудом мог разглядеть их цвет. Естественно, я знал, я помню ее глаза с давних пор. Я помню каждый дюйм ее тела, от родинки на левой ноге до медового оттенка светло-карих глаз. Она всегда говорила ребятам в школе, что небольшая отметина на ее лице – это шрам, оставшийся после драки в другой школе, где она раньше училась, но это была неправда. Она всегда пугала одноклассников страшными историями, но дома она была совсем другой.

– Я хочу тебя, Лэндон, – горячо прошептала Дакота и впилась в меня губами.

Она пыталась поднять мою футболку на спине, одновременно осыпая поцелуями мою шею. Пол был холодным, а тело Дакоты – ужасно горячим. Я был взволнован и возбужден, моя голова лихорадочно работала.

– Помоги мне, – Дакота дернула футболку изо всех сил, – я не могу ее снять. – Она лизнула мою шею.

Я с трудом заставил себя оторваться от Дакоты, подгоняемый желанием сорвать с нас обоих всю одежду. Стащил свою университетскую футболку и швырнул через всю комнату... но она зацепилась за лампу и повисла на ней. Комната окрасилась в красный.

Я так чертовски неловок, что не могу сексуально бросить футболку? Да ладно?

Я надеялся, она заметила, что я в красном – этот цвет ей нравился на мне больше всего, – и в спортивных штанах, как она любит. Мне казалось странным, что ей так нравится моя домашняя одежда, но чувства, которые

у меня вызывали ее майка и тренировочные штаны, вносили некоторую ясность.

– Иди сюда.

Голос Дакоты – как карамель. Сладкий и притягательный.

Я вернулся с мыслью, не стоит ли нам пойти в мою комнату. Разве не странно раздеваться, сидя на полу в гостиной?

Дакота решила вопрос за меня. Она скинула с себя футболку и лифчик одновременно. Перед ее обнаженной грудью, влажными губами и раскаленным взглядом я мог опозориться прежде, чем мы начали.

Я не раз видел ее такой. Веки полуопущены, рот приоткрыт, в глазах истома. Я вновь это увидел. Ее желание было таким сладким, я должен почувствовать его вкус. Я начал ласкать одну ее грудь рукой, а к другой приник губами. Под моим языком соски были как твердые камешки. Господи, как я соскучился по ее телу! Дакота опять застонала, и я чувствовал, что с каждой секундой возбуждаюсь все сильнее. Я скучал по ней, мне ее не хватало. Дакота пылко прижалась ко мне всем телом, поднявшись на колени, чтобы мне было легче до нее дотянуться. Мои руки соскользнули с ее груди на живот, и пальцы нашли влажную и пульсирующую киску. Описывая круги указательным пальцем, я начал ласки.

Я знал, как это заводит Дакоту. Ее тело всегда отзывалось на мои прикосновения. В моих объятиях она быстро возбуждалась, и это меня не удивляло. Непривычным было то, что я ясно мыслил, прикасаясь к ней. Целуя соски и лаская пальцами набухший клитор, я во всем отдавал себе полный отчет. Я замечал, что волосы падают ей на плечи, ее руки ерошат мои волосы, и слышал ее тяжелое дыхание.

– Еще, пожалуйста, еще.

Обычно в такой ситуации мои мысли путались. Меня так захватывали ощущения, что я с трудом соображал. Кончиком языка я провел вокруг упругого соска, и Дакота резко отпрянула. Я отстранился, опасаясь, что сделал что-то не так.

Она снова легла и, потянув вниз свои тесные трусики, сдернула их, дав мне понять, что все прекрасно. Я взглянул на ее обнаженное тело. Господи, она буквально сверкала! Кожа была такой влажной, что на полу, возможно, останется лужа, и это из-за меня!

Чертовски приятно это сознавать.

– Займемся любовью, Лэндон.

Я знал, что это не просьба. Я знал ее. Она лежала на спине, а я вдруг вспомнил, как она говорила, что наша сексуальная жизнь была скучной, и

мои щеки вспыхнули от смущения. *Скучная, ха!*

Дакота была полностью обнажена, дверь закрыта, и она, возможно, ждала, что я лягу на нее и у нас будет нормальный, «скучный» секс, как раньше.

Но для меня он совсем не был скучным. Что ж, покажу, что я не такой уж зануда. Я знаю парочку-другую трюков. Я смотрел столько порно, что стал почти экспертом.

Хотя, если бы Дакота узнала, что я смотрю порно, она бы, наверное, разозлилась. Однажды она поссорилась со мной, когда увидела под моим матрасом «Плейбой». Как легко современным подросткам, которые смотрят порно по мобильному и не беспокоятся, что мама его найдет во время уборки! Я совсем отвлекся. Нужно снова стать безрассудно смелым и сексуальным.

– Не шевелись, – сказал я.

Взглянув на меня, она кивнула, но, когда я снял штаны и трусы, казалось, смутилась. Я не стал кидаться одеждой, а положил рядом, словно у меня был план. На самом деле никакого плана не было. Мне хотелось поразить Дакоту. Я хотел, чтобы она запомнила меня навсегда, желала меня и нуждалась во мне – и все благодаря моему секундному прикосновению. Это требовало немало усилий, но я собирался ее потрясти.

– Все хорошо? – спросила она с явным нетерпением.

Я кивнул и медленно приник к ней, обнаженный, напряженный и взволнованный. Мои руки коснулись ее бедер и стали медленно гладить их кончиками пальцев. Дакота мелко задрожала, по ее нежной смуглой коже поползли мурашки. Она была так прекрасна, что казалась мне солнцем, лучи которого проникают сквозь меня.

Я нежно коснулся ее колен и раздвинул бедра. Она пошевелилась, будто хотела сесть, но я жестом остановил ее.

– Я хочу кое-что попробовать.

Я наклонился и прикоснулся к ней губами.

На вкус ее кожа была соленой. Мое возбуждение нарастало, причиняя мне боль. Я покрывал ее поцелуями от пупка до упругих грудей снова и снова. Она трепетала подо мной, ее дыхание было таким глубоким, что я задрожал от желания. Я должен был быть терпеливым, показать, что я могу доставить удовольствие, и не быть при этом «скучным»...

Я целовал крутые бедра, затем губы спустились еще ниже. Дакота глубоко вздохнула: кончиком языка я коснулся клитора. Мой пенис пульсировал, а ладони покрылись потом.

Я все правильно делаю?

Я решил отбросить все сомнения и продолжал ласкать ее языком. Она со стоном повторяла мое имя и впивалась пальцами мне в плечи. Должно быть, у меня неплохо получается. Ее ноги напряглись, а я двигал языком, сначала быстрее, потом медленнее, и наслаждался ее вкусом.

Когда ее ноги обвилились вокруг моей шеи, я поднял одну руку к ее груди, а другую положил ей между ног и неторопливо подразнил пальцем. В ответ Дакота застонала от желания, и я почувствовал, что она вся – в моей власти.

– Я не могу больше ждать, – она дернула меня за волосы, потом за плечи, тогда я поднялся, чтобы лечь сверху. – Пожалуйста, – умоляла она.

Конец пениса уже был между ее бедрами, она часто и тяжело дышала, мне не терпелось войти. Я попытался поцеловать ее, но она отодвинула голову, подставив мне шею.

Я впился в ее кожу ровно настолько, чтобы доставить ей удовольствие и не оставить отметину, потом лег сверху и, сжав ее ягодицы, толкнул свои бедра между ее ног... но ничего не произошло. Я схватил пенис рукой и отступил. *Отступил* – верное слово... *Почему нет эрекции?*

Что за ужасная шутка! Я подвигал рукой вверх-вниз, взглянув еще раз на сексуальное тело Дакоты. Ее выющиеся волосы казались рамкой вокруг ее прекрасного лица. Я смотрел на ее грудь с вызывающе торчащими сосками.

Что со мной не так? Она так сексапильна, так возбуждена, почему у меня нет эрекции?

Я продолжал мастурбировать, молясь, чтобы эрекция вернулась. Такого со мной никогда не случалось. Почему это произошло именно сейчас?

– Что-то не так? – спросила Дакота, почувствовав мою тревогу.

Я покачал головой, проклиная предавшее меня тело.

– Ничего. Просто... у меня проблема.

Признаться было выше моих сил. Я испытал такое смущение, какого не чувствовал никогда раньше, но в таком положении я не мог солгать. Проблему было попросту невозможно скрыть.

Ну да, я никогда не был так сконфужен. Ни в тот раз, когда мама, неожиданно вернувшись с работы, застала нас во время секса. Ни когда Джош Слэки спустил с меня штаны перед всем пятым классом. Ни даже после моего падения в момент мастурбации в душе, когда Нора кинулась мне на помощь. Хотя последний случай был самым ужасным по уровню неловкости.

– Проблема? – переспросила Дакота.

Она поднялась, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Так глубоко, чтобы никто не смог меня найти.

– Ну да, – только и выдавил я.

– У тебя нет эрекции? – догадалась она, и мне захотелось куда-нибудь исчезнуть.

Стоя на коленях, я поднял руки вверх.

– Была минуту назад. Я не знаю почему...

Дакота подняла руку вверх.

– Не понимаю. Как это нет? – Она взглянула на мой мягкий и обвисший пенис, и я почувствовал себя абсолютно никчемным.

– Извини. Я не знаю, что со мной, черт подери! – Я быстро поднял руку и провел по волосам, надеясь, что она проследит за движением и не будет смотреть *туда*. – Может, попробуем что-нибудь еще?

Дакота кивнула. Но она выглядела иначе, чем несколько мгновений назад. Ее глаза уже не выражали страсти дикого животного, готового съесть меня. Она была сконфужена и смущена. Я надеялся, что она не считает, что этот казус как-то связан с ней или с тем, как она выглядит. Она была так прекрасна и сексуальна, что только полный идиот не признал бы этого. Я не понимал, почему у меня ничего не получилось, но точно знал, что она ни при чем.

– Нет... давай попробуем *это*, – сказала она, поднявшись так, что ее рот был на уровне моего пениса.

Она взяла его в рот, и я попытался сосредоточиться на ощущениях от прикосновений ее теплого языка, на своем жгучем желании.

Ничего не изменилось.

Через несколько секунд она остановилась, откинувшись назад, с каменным лицом взглянула на меня и тут же отвернулась.

– Извини, – начал я, – я не знаю, что со мной не так, но это не твоя вина и никак не связано с моими чувствами к тебе.

Дакота смотрела в сторону. И я почувствовал, как она замыкается в себе.

– Я могу... – я не знал, как выговорить то, что собирался сказать, – я могу удовлетворить тебя орально? – предложил я.

Она отрицательно покачала головой и бросила на меня пронизывающий взгляд. Это предложение не показалось ей привлекательным.

– Извини, – повторил я.

– Заткнись, пожалуйста.

Она встала, собрала свою одежду и отправилась в ванную. Я понимал,

что лучше за ней не ходить. Мне показалось, что я почувствовал, как от грохота, с которым закрылась дверь, затряслись стены, но не сдвинулся с места. Я чувствовал себя придурком и понятия не имел, как все исправить. Я не знал, что предпринять в такой ситуации, но хорошо знал Дакоту. Если она замкнулась в себе, с этим уже ничего не поделать. Я смутил ее, хотя этого не хотел. Никогда не хотел.

Я схватил с пола штаны и натянул на себя. Я не мог поверить, что после стольких дней разлуки, проведенных в мыслях и фантазиях о ней, в нужный момент у меня не было эрекции.

Я взглянул вниз на свой несговорчивый пенис.

– Так держать.

Я попытался успокоиться. *Думай, Лэндон!*

Посмотрел на портреты котов в шляпах, висевшие в коридоре, в надежде на их помощь. Но смешные картинки не дали мне совета. Кто бы мог подумать! Я стоял у двери в ванную и пытался сообразить, что сказать, как извиниться за то, что из-за меня она думает, что недостаточно хороша. На самом деле она была всем, что мне было нужно в жизни.

Она была единственной женщиной, с которой я был близок. Она была моей первой и единственной любовью.

– Дакота! – Я постучал в дверь костяшками пальцев.

Она не ответила. Через несколько секунд она включила воду, и я решил подождать.

Казалось, время тянется на удивление медленно. Я снова постучал, а она опять не ответила. Вода продолжала шуметь еще по меньшей мере минуты три. Я постучал еще раз.

В ответ ни слова.

– Дакота, с тобой все в порядке? – спросил я через дверь.

Я прислушался, но единственным звуком, доносившимся из ванной, было журчание воды. С ней все хорошо? Почему она не закрывает кран?

Инстинктивно я повернул ручку двери, и та открылась.

– Извини... – снова начал я, но, оглядевшись, увидел, что маленькая ванная пуста.

Окно было открыто. Занавески развевались на ветру. Проклятье! Кто придумал эти пожарные выходы?!

Глава двадцать пятая

Дакота сбежала из моего дома десять минут назад, а стыд все нарастал. Случившееся вызвало у меня ужасное смятение.

Я не представлял, что она почувствовала из-за моей несостоятельности. Хотя отчасти догадывался, принимая во внимание то, что она смылась через пожарный выход. Я бы предпочел, чтобы она поговорила со мной, даже *наорала* – только не вылезала бы из окна ванной. Я чувствовал себя полным дерьмом. Мне казалось, что Дакоте еще хуже.

В ушах звенели ее слова:

«Не понимаю. Как это нет?»

«Не понимаю. Как это нет?»

Я чувствовал себя все хуже, а в голове беспрестанно крутилось:

«Не понимаю. Как это нет?»

Я сел на диван, спрятав лицо в ладонях. Теперь Дакота перестанет со мной общаться надолго, возможно, навсегда. От этой мысли у меня кружилась голова. Я не представлял жизни без нее. Какая странная мысль. Слишком странная. Я знал ее полжизни и даже после разрыва был уверен, что она где-то неподалеку и не ненавидит меня. Нельзя, чтобы она всю оставшуюся жизнь испытывала ко мне неприязнь. Это все равно что все во Вселенной пошло кувырком.

Ход моих мыслей нарушил стук в дверь. Я соскочил со стола. *Должно* быть, это Дакота, вернулась выслушать мои извинения... или сама решила попросить прощения. Стук повторился, я кинулся в коридор и рывком распахнул дверь. Но это была не Дакота, а Нора с продуктами.

– Пожалуйста, возьми часть пакетов.

Я подхватил все что смог, стараясь ничего не уронить. Внутри оказалась куча чего-то зеленого и рассыпчатого. Непонятно, что это такое. Самый тяжелый пакет я водрузил на стол. Послышалось позвякивание: оказалось, три бутылки вина.

– Извини, – сказала Нора, поставив другой пакет на кухонный стол, – я чуть было не лишилась руки или вина. А после сегодняшнего я бы предпочла потерять руку.

Она принялась выкладывать продукты так, словно жила в нашей квартире. Я наблюдал за тем, как она молча расхаживала по моей кухне и перекладывала продукты в мой холодильник. Одну за другой достала бутылки вина и положила их в морозилку. Я подумал, что в отличие от

крепких алкогольных напитков вино замерзает, но решил ни о чем не спрашивать, чтобы не выглядеть идиотом.

– Ты ждешь Тессу или что?

Я не знал, как начать с ней разговор и стоит ли это делать.

После того как Дакота наехала на нее с упреками, что она за мной увивается, мы отделились друг от друга.

Нора кивнула:

– Да. У нее тоже была трудная ночь, пришло двадцать человек, и их отправили в ее секцию, несмотря на то что она еще стажирется. – Она закатила глаза. – Меня достали жалобами на старшую официантку.

– Дань справедливости? – Я с улыбкой пожал плечами, чтобы она догадалась, что я шучу.

– Твоя правда!

Я смотрел, как Нора выдвинула ящик и достала разделочную доску. Положила ее рядом с микроволновкой и начала разбирать последний пакет. Я неуклюже прислонился к стойке и принялся обдумывать план отступления, прежде чем я стану неудобной ношей.

– О господи! – простонала Нора, прикоснувшись ко лбу кончиками пальцев. – Прости меня. Может, ты занят или у тебя гости? Я ворвалась без приглашения, выкладываю продукты и не подумала, что могу помешать.

Сейчас она как раз не мешала. Я был о-о-очень рад, что она не пришла десять минут назад.

– Нет, все нормально. Я собирался позаниматься и идти спать. Так что можешь свободно располагаться в кухне.

Она сдула выбившуюся прядь темных волос, но та снова упала ей на глаза. На Норе была форма, такая же, как у Тессы: черные брюки, белая рубашка на пуговицах и яркий зеленый галстук.

Рубашка облегла ее сильнее, чем Тессу, или так мне казалось.

– Спасибо. Мне действительно не хотелось сегодня вечером возвращаться к себе. У меня сегодня была такая отвратительная смена, и, если честно, я не смогу выдержать этих сучек.

Она посмотрела мне в глаза и прикрыла ладонью рот.

– Не в обиду будет сказано.

– Все нормально.

У меня и в мыслях не было вмешиваться в дружбу-вражду между Дакотой и Норой и в их соседские отношения. Я бы предпочел сидеть в кабинете у профессора Амбридж и пялиться на картины с котятками, пока меня мучают. Они обе – как бушующий пожар, и я не хочу превратиться в горстку пепла, слишком близко подойдя к пламени.

– Хочешь есть? Могу что-нибудь приготовить. Я принесла кучу продуктов и сейчас взгляну, что можно сделать на скорую руку, – предложила Нора.

Самый длинный разговор между нами за долгое время. Я порадовался, что она снова общается со мной. Я боялся, что мы будем избегать друг друга и смущаться, но поддерживать нормальные отношения было разумнее.

– Я не голоден. Только что поел, – солгал я.

Конечно, Нора принесла продукты, чтобы приготовить ужин себе и Тессе, а не тупому соседу, поэтому я не хотел путаться под ногами. Самое неприятное, когда ты не уверен, хотят ли, чтобы ты остался. Когда ты точно знаешь, что лишний, легче. По крайней мере, нет ни малейшей надежды на то, что в твоём обществе нуждаются.

– Хорошо. Я оставлю лишнее от порции Тессы на случай, если ты передумаешь, – сказала Нора, глядя на мою грудь.

Мне следовало надеть рубашку, потому что сейчас я мог думать только о том, как она впервые ко мне прикоснулась.

Потом второй раз.

И как она меня поцеловала.

Ее губы были сладкими, как леденцы, и я хотел еще.

Мне нужно подумать о чем-нибудь другом. О чем угодно.

Торты. Большие воздушные торты с толстым слоем фиолетовой глазури и замысловатыми цветочками. Не та глазурь, которой была испачкана ее рубашка. Торты и кулинария – не сексуальная тема. Мне нравится, как Нора готовит. Она – чертовски хороший кулинар! Размышления о ее сладких шедеврах привели меня к мысли, что завтра день рождения Эллен. А я до сих пор не решил, что ей подарить. Я собирался посоветоваться с Дакотой, но теперь это невозможно.

– Ты умеешь выбирать подарки? – неожиданно выпалил я.

Нора, нахмурившись, повернулась ко мне и подняла голову.

– Чего?

Меня раздражала собственная неловкость.

– Я имею в виду на день рождения.

– Пожалуй. То есть я давно ничего такого не покупала, но могу попробовать помочь. Для кого? Для Дакоты? Можно выбрать что-нибудь связанное с танцами, или новый коврик для йоги, или что-нибудь в этом роде.

Я даже не знал, что Дакота занимается йогой. Было странно, что Нора знала о ней что-то, чего не знал я.

– Это не для нее. Для одной знакомой девушки.

Блин, это странно! Может быть, мне следовало уточнить, что это для семнадцатилетней девушки, а не для кого-то еще... нет, это еще хуже. И будет совсем нелепо, если я начну объяснять, что это для соседки, как будто думаю, что это волнует Нору, словно я с ней заигрываю.

Тьфу, я в этом всем совсем не разбираюсь!

– Да? – Нора казалась озадаченной, но никак не прокомментировала мою явную оплошность. – А что ей нравится?

Нора продолжала выкладывать еду, и я задумался, не прийти ли на помощь. Откровенно говоря, я не представлял, куда девать все эти покупки и что можно приготовить из банки консервированного миндаля и пакета брюссельской капусты.

Я смутно помню, как в детстве меня заставляли есть брюссельскую капусту.

И надеялся, что Нора готовит ее лучше.

– Точно не знаю. Она много читает и не любит цветы.

– Умная девушка. Я тоже не люблю цветы. Сначала они такие красивые, а вскоре ты смотришь на то, как они чахнут и вянут и в конце концов оказываются в мусорном ведре, потому что выглядят неряшливо. Пустая трата времени. Как и отношения.

Она произнесла это без всякого выражения. Я так и не понял, шутит она или нет, но решил защитить любовь – хотя я не в том положении, чтобы этим заниматься.

– Не все отношения такие.

Нора достала брокколи из пакета, и я заметил, что она смотрит куда угодно, только не на меня.

– Как давно ты с ней знаком? Что еще тебе о ней известно?

– Больше ничего, – я пожал плечами.

Нора положила брокколи в раковину и пустила воду.

– Больше ничего? Тогда почему ты хочешь купить ей подарок? Ты считаешь ее близким другом?

Мне показалось, что она старается не проявлять лишнего любопытства. Стало неловко, что я затеял этот разговор. Но поскольку сейчас она предоставила мне возможность все объяснить, я сказал:

– Эта девушка работает на первом этаже, в угловом магазине. Я бы не сказал, что мы друзья, но завтра ее день рождения, и мне кажется, никому нет до этого дела.

Нора повернулась ко мне – с брокколи в ее руках капала на пол вода – и спросила:

– Погоди, что?

Я пожал плечами, не уловив смысла ее интонации.

– Ну да. Это ужасно. Ей исполняется восемнадцать. Она тут работает. И учится. Она все время учится.

Нора подняла руку с мокрой брокколи.

– Ты хочешь сделать приятное девушке, которая торгует внизу? Той, что всегда носит обруч на голове?

Я кивнул. Прикусив губу, она пристально посмотрела мне в глаза, вынудив меня отвернуться. Нора снова нахмурила густые брови, и на ее щеках появился румянец. Сегодня она накрашена больше обычного, и ей это к лицу.

Она напомнила мне бьюти-блогеров с YouTube, которых любит смотреть Тесса. Она говорит, что старается наложить косметику так, как они показывают, но в результате ее косметика всегда оказывалась в помойке, а глаза были покрыты не тенями, а слезами.

– Таких, как ты, поискать, Лэндон Гибсон, – сказала Нора.

Мои щеки запылали. Я слегка отвернулся, сделав вид, что хочу пить, открыл холодильник и молча достал гаторейд.

Я не сомневался, что если задержусь здесь дольше, то либо что-нибудь брякну, либо сделаю глупость. Сегодня я уже сделал все, что мог, и не хочу напугать и Нору, чтобы она тоже убежала. Тессе нужны друзья, особенно Нора.

– Мне нужно закончить свою работу.

Вообще-то я ее уже закончил.

– Если тебе что-нибудь понадобится, я буду у себя, – сказал я и сунул руки в карманы штанов.

Нора кивнула и отвернулась к раковине, чтобы домыть брокколи.

В своей комнате я закрыл дверь и прислонился к ней голой спиной. Я был выжат как лимон. Сегодняшний день меня окончательно *доконал*, и я радовался, что он кончился.

Я не стал открывать учебник, чтобы хотя бы прикинуться, что занимаюсь. Я даже не позаботился включить свет, а лег на кровать и закрыл глаза. Поворочавшись на кровати, я попытался заснуть, но мои мысли вертелись вокруг Дакоты.

И вокруг Норы. Она сейчас в кухне, и я должен держаться от нее на расстоянии, хоть я не уверен, что этого хочу.

Глава двадцать шестая

Через несколько минут из кухни послышалась музыка.

Я знал эту песню. Я сел на кровати, хотя вставать не собирался. Здорово, что Нора тоже слушает Кевина Гаррета. Эта песня – одна из моих любимых.

Как ни странно, сейчас слова говорили мне больше, чем раньше. Я слышал, как Нора вполголоса напевает, и представлял себе, как она легко двигается по кухне в ритм медленной мелодии.

Лег обратно, опершись спиной на железную спинку. На сборку этой кровати я убил несколько часов, и она все равно скрипит, когда я шевелюсь. Когда мы с Тессой ее покупали, то провели в IKEA полдня. Это был сплошной ад. Магазин был набит народом, а дорога оказалась слишком долгой. Пока мы пытались сориентироваться по карте, Тесса без умолку трещала о красном половнике из книги о жестоком преследователе, в которого – по непонятной причине – она была влюблена. Среди прочего, она уверяла, что Бек, главная героиня, другими словами, его добыча, «его недостойна». Я закатил глаза и сказал, что Тессе следует чаще выходить из дома, но потом почитал в Интернете отзывы об этой книге и обнаружил, что многие читатели считают так же, как она. Удивительно, как ловко рассказчик способен вывести то, что, как вам кажется, вы знаете о мире.

Не важно, насколько хороша книга и много ли красных половников благодаря ей продала IKEA, я предпочел бы никогда больше не ходить в этот магазин. У них есть карандашики, которыми можно записывать номера выбранных для покупки товаров, а после того, как мы обошли все залы, нам захотелось всё. Домой мы вернулись с миллионом товаров, которые было чертовски тяжело нести вверх по ступенькам и еще труднее собрать. Более того, мы потеряли набор шурупов, и я целых сорок минут пытался дозвониться до клиент-сервиса, но потом повесил трубку и отправился в хозяйственный магазин. И все это после того, как я специально нанял парня с фургоном, чтобы перевезти наши покупки домой. После этой истории я решил избегать еще одного места: сайта с предложением разовых услуг.

Нора напевала все громче, я взял со стола компьютер и включил свет. Надо было отвлечься и чем-нибудь заняться. Мне не следовало возвращаться в кухню.

Но неожиданно во мне начало нарастать внутреннее сопротивление.

Чем больше я сосредоточивался на том, почему мне не нужно идти в кухню, тем больше я этого хотел. Быть другом Норы замечательно. Это не похоже на сегодняшнее происшествие с Дакотой.

Когда рядом Тесса, мы по-дружески общаемся, но почему-то Нора вызывает у меня чувство опасности и смущает. Я знаю, что мы никогда не будем встречаться, но если она снова меня поцелует или я буду и дальше думать о ее поцелуях, для Тессы ситуация станет неприятной...

Уф, какие сложности в собственном доме!

Я нажал на «Вкл.» и попытался вспомнить пароль. Мне все время приходится его менять, потому что я не могу ничего запомнить. А чем чаще я его меняю, тем сложнее Apple заставляет его делать. Первый пароль был LANDON123, а последний, который я помню, LaNdON123123!@#. Я думал, что сохранил его где-то в телефоне, но где, я тоже забыл.

Наконец, после четырех попыток, я вошел в компьютер. На экране все еще висела моя работа по истории США, хотя я ее уже дописал. Было открыто три окна: iTunes, работа и поисковик Yelp. С тех пор как я переехал в Бруклин, я пользуюсь этим сайтом почти каждый день. Кроме того случая, когда я не стал искать бар, о котором мне говорила Нора. Это странно, потому что обычно я все проверяю. Кажется, это было так давно, хотя на самом деле недавно.

Невероятно: Дакота ушла всего час назад. Такое ощущение, что это произошло несколько часов, даже несколько дней назад. Я собирался позвонить ей только завтра. Я знал, что ей нужно время и мне стоит подождать.

В кухне зазвучала новая песня. Кевин Гаррет запел о том, как его бросили и как он одинок. Я любил Гаррета с тех пор, как услышал в его исполнении «Skinny love», но он никогда мне не был так близок, как сейчас. На самом деле каждая песня в его альбоме описывала наши нынешние отношения с Дакотой.

Голос подпевавшей Норы слышался все громче. Неужели это так страшно – пойти и переброситься с ней парой слов? Очевидно, что между мной и Норой ничего не происходит и она не собирается со мной целоваться, ведь я все еще – что бы ни случилось – с Дакотой. Я безотчетно поднес пальцы к губам и отшвырнул ноутбук.

Я взрослый человек и в состоянии вести себя со своими друзьями иначе, чем с теми, к кому меня тянет. В кино часто так бывает. Правда, в конце фильма герои, как правило, оказываются вместе. Нужно перестать сравнивать художественный вымысел с жизнью, а порно с реальным сексом. Мелодрамы и кино для взрослых так далеки от жизни, особенно от

моей.

Я вспоминаю о порно второй раз за день, хотя, клянусь, что не так помешан на нем, как может показаться. На самом деле я смотрю его реже, чем большинство сверстников. Это точно.

Нужно прекратить внутренний монолог и пойти пообщаться.

Сначала я должен надеть рубашку, верно?

Определенно.

Я открыл шкаф и схватил первую толстовку, попавшуюся на глаза, сине-зеленую с большим круглым логотипом «Сихокс» на груди. Она напомнила, как мы с Хардином в прошлом году пошли на футбол и он едва не ввязался в драку с парнем, который мне нагрубил. Вообще-то я не оправдываю насилие, но тот парень и правда был засранцем.

Оделся и зашел в кухню, Нора продолжала напевать. Она стояла спиной ко мне у плиты и поворачивала ручку конфорки. Она сняла форменную рубашку с длинными рукавами и осталась в черной майке, из-под которой выглядывали бретельки белого лифчика. Над ним я увидел тату. Наполовину облетевший на спину одуванчик, как будто кто-то загадал желание и подул на него. Я не удивился, что у нее есть тату, ее тело казалось созданным для чего-то такого.

Я остановился в дверном проеме, прислонился к косяку и стал наблюдать. Я ждал, когда она меня заметит. Нора взяла бутылку оливкового масла и налила немного в сотейник на конфорке. Ее бедра медленно двигались, а голос звучал нежнее – как будто готовить и петь было ее второй натурой.

Нора переложила нарезанную брокколи на разогретую сковороду и, когда капуста зашипела слишком сильно, убавила огонь, взяла с подставки на стойке лопатку и помешала.

Я смотрел на нее и чувствовал себя таким же придурком, как парень из книжки Тессы. Нора меня не замечала. Может быть, задумалась о чем-то своем? Или когда она готовит, отключается от реальности? Я никогда не узнаю эту загадочную женщину.

Песня снова сменилась. Теперь звучал «Weeknd». Я не знал, стоит ли мне продолжать стоять и следить за тем, как она танцует. Песни Гаррета довольно сексуальны... ее бедра такие крутые, а брюки такие узкие.

Лучше умотать в свою комнату и лечь в кровать.

Прошло еще полминуты, а я все стоял и наблюдал за ней. Нора помешала брокколи, поливая ее каким-то соусом, а потом повернулась и увидела меня.

Ее не удивило и не смутило мое присутствие. Губы изогнулись в

улыбке, и она помахала лопаткой, подзывая меня поближе. Просигналила духовка, и Нора, напевая, отвлеклась на нее. Я молча сел за стол. Наша кухня маленькая, стол стоит в углу, в нескольких десятках сантиметров от плиты и холодильника. Нора взяла со стола прихватку с подсолнухом, вынула из духовки пирог и поставила на свободный край плиты. Она без труда справлялась со многими делами одновременно. Я еле мог испечь торт из купленной в магазине смеси и не забывать дышать, не говоря уже о том, чтобы самому делать тесто и в то же время что-то готовить на плите.

– Тесса прислала мне эсэмэску. Все клиенты уже получили свои блюда. Она скоро придет, – сказала Нора.

Мельком взглянув на нее, я кивнул, безнадежно пытаюсь не пялиться на грудь в глубоком вырезе майки.

Она сочтет за грубость просьбу надеть блузку? Да, наверняка. Кроме того, стало бы очевидно, что я рассматриваю ее гораздо внимательнее, чем следует.

– Паршиво, – я отвел взгляд от ее груди. – Как ей может там нравиться? Она говорит, что все хорошо, но ты же знаешь, она никогда не жалуется.

Я старался поддерживать разговор на нейтральные темы, не касающиеся частей Нориного тела. Не важно, насколько они сексуальны.

Нора взяла вилку, проткнула угол пирога, затем бросила вилку в раковину и повернулась ко мне.

– Она утверждает, что ей нравится. А теперь, когда приедет мистер блондин доктор Гай Роберт, я уверена, полюбит свою работу еще больше.

Я поводил глазами вокруг, потом снова посмотрел на Нору.

– Хм-м. – Я не нашел слов.

Возможно, Нора не знает, что Тесса и Хардин расстались, и мне не хотелось сболтнуть лишнего. Это было не мое дело.

– Он симпатичный. Тесса говорила, что ты раньше тоже его знал. Правда, он милый?

Он привлекательный? Да я даже не помню, как он выглядит.

– Ну же! Только не говори, что ты из тех, кто так не уверен в своей мужественности, что не может признать другого парня симпатичным, – закатила глаза Нора.

Я рассмеялся.

– Нет, нет, я не такой. Просто не могу его вспомнить.

– Хорошо, я в тебе не сомневаюсь. Но он сексуальный, поверь мне.

Не такой уж он сексуальный. Все, что я помню, – светлые волосы. Уверен, он не очень сексуален. Может быть, то, что он учится в

медицинском, делает его для женщин таким привлекательным? Не знаю.

– Конечно, – согласился я, пожав плечами.

Нора подняла сковородку и выложила на блюдо брокколи в облаках пара.

– Послушай, я знаю, Хардин – твой брат, – начала она, – и Тесса безумно влюблена в него, но мне кажется, то, что они сейчас не встречаются, совсем не плохо. К этому она не готова. Как верная подруга, я на ее стороне и хочу, чтобы она была счастлива.

Я не ожидал, что наш разговор пойдет в таком направлении.

– Я уже пыталась устроить встречу с парнем...

Нора не договорила. И оборвала фразу, словно поймала себя на том, что сказала лишнее.

– Ты имеешь право на свое субъективное мнение, – я улыбнулся, чтобы сгладить неловкость, чем бы она ни была вызвана, – даже если оно неверное.

Она рассмеялась и села рядом со мной за стол.

– Что он за человек, этот Хардин?

– Ты же его видела, разве нет?

Я помню, это было несколько месяцев назад. Да, они встречались раз или два. Насколько мне известно, они никогда друг с другом не разговаривали, но их дороги определенно пересекались. Мне кажется, он и ее называл неправильным именем.

– Да, я видела его, но что он за человек? Это тот случай, когда Тессе лучше без него и, как ее подруге, мне следует помочь ей определить верное направление? Или у них просто трудный период и в конце концов они будут вместе?

Нора торопилась: похоже, благополучие Тессы было для нее действительно важно. Это здорово.

– Сложно сказать. – Я скovyрнул со стола облупившуюся краску. IKEA опять не оправдывала ожиданий. – Как ее лучший друг и его сводный брат, я стараюсь оставаться нейтральным, насколько это возможно. Мне они оба безразличны, и если бы я считал, что они просто зря тратят время, я бы сказал им об этом. Но, если честно, я придерживаюсь другого мнения. Надеюсь, что все у них будет хорошо. А если нет, то это будет трагедией для всей нашей семьи, потому что все мы любим обоих.

Нора уставилась на меня, изучая каждый миллиметр моего лица.

– Ты всегда говоришь то, что чувствуешь?

Ее вопрос меня удивил. Она поставила локти на стол и положила подбородок на руки.

– Стараюсь, – я пожал плечами. *Хотя я не собираюсь говорить, что не могу перестать думать о том, какая ты красавица.* – Но иногда чем меньше, тем лучше.

– Я думала, что это правило применимо только к пластической хирургии и засранцам в капюшонах.

– А что за засранцы в капюшонах? – Я должен был узнать ответ на этот вопрос.

Нора усмехнулась, откровенно довольная, что может меня просветить.

– Знаешь рубахи, которые носят парни, увешанные стразами и большими крестами? Слишком узкие, так что мужчины в них всегда выглядят чересчур жирными, и кажется, что они только что обкололись в ванной стероидами.

Я даже не пытался сдержать смех. Наклонив голову, Нора коснулась указательным пальцем кончика моего носа и хихикнула. Станный, но милый жест.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Ну, конечно. Слава богу, я такую никогда не носил, в отличие от половины одноклассников. Описание попало в самую точку. Подумав, я рассмеялся еще сильнее.

– Знаю, – признался я.

Она улыбнулась, а когда ее пухлые розовые губы опять сомкнулись, они стали похожи на сердечко.

– Хочешь помочь мне украсить торт? После того, что ты сказал, я решила испечь его для твоей подруги из магазина. У каждого на день рождения должен быть праздничный торт. – Ее слова казались добрыми, как мед.

Я был рад тому, что Нора сделала для Эллен, несмотря на поздний вечер и на то, что ей целыми днями приходится печь на работе.

– Как здорово ты придумала! – улыбнулся я. – А когда твой день рождения? – Сам не знаю, почему я спросил.

– Вообще-то на следующей неделе. Но если мы собираемся оставаться друзьями, ты должен мне кое-что пообещать, – проговорила она тише и серьезнее.

– Я готов.

– Ты никогда, никогда не будешь мне делать подарков на день рождения.

Какая странная просьба!

– Хм, точно?

Она отодвинула стул и встала.

– Я серьезно... Ни открыток, ни тортов, ни цветов, договорились? – Она поджала губы, и ее глаза потемнели.

– Ладно.

Она одобрительно кивнула, радуясь, что я не стал спорить. Напряжение, наполнявшее комнату, мгновенно рассеялось.

Не знаю, почему она попросила об этом, в шутку или нет, но мы недостаточно близки, чтобы я приставал к ней с расспросами. Если наступит день, когда мы сможем быть абсолютно откровенны, я буду рад ее выслушать. Но у меня такое ощущение, что хоть что-то об этой женщине знают очень немногие.

– Ну, с какого цвета хочешь начать? – Нора подошла к дальнему застекленному шкафчику, стоявшему у стены.

Я никогда туда не заглядывал, поэтому для меня стало сюрпризом, что в шкафчике оказалась куча продуктов.

Нора взяла пакетик сахарной пудры и маленькую коробочку с нарисованной на ней радугой. Может, это пищевые красители? Мои предположения подтвердились, когда она открыла коробочку и достала четыре маленьких флакончика с белыми крышками. Красный, желтый, зеленый и голубой.

– Подай, пожалуйста, из холодильника масло и молоко.

Она надорвала пакет с пудрой и, открыв ящик перед собой, достала мерную чашку. Мне показалось забавным, что я здесь живу и не знаю, где все это находится.

– Конечно, мэм, – ответил я.

Она повернулась ко мне с дьявольской улыбкой на лице... Я слишком невинен, чтобы на меня так смотреть.

Глава двадцать седьмая

Выяснилось, что я ужасный кондитер. Мне не удалось украсить простой торт, не перевернув в кухне все вверх дном.

– Только одну-две капли, – напомнила мне Нора, как будто полминуты назад, когда она накричала на меня за то, что в первую чашку с глазурью я вылил полбутылки красителя, я не усвоил урок.

Откуда мне было знать, что этой маленькой бутылочки достаточно, чтобы выкрасить рот Эллен в красный цвет на неделю?

– Нам нужно еще сахара, – сказала Нора.

Я схватил со стойки упаковку: пудра пересыпалась на одну сторону, и тут я заметил, что верх пакета отрезан. Прежде чем я успел что-то сделать, порошок оказался на столе и на полу. Мое лицо покрыло облако белой пыли, а Нора махала рукой, и на нее садился сахарный туман.

– О господи! – смеясь, воскликнула она.

Я оглядел устроенный мной беспорядок и положил пакет на стойку. Как бы в насмешку он соскользнул на пол, и последняя пудра клубами взвилась в воздух. Моя толстовка стала почти совсем белой, и изображенный на ней сокол был едва виден. Когда Нора улыбнулась, в уголках глаз у нее появились очаровательные лучики.

– Извини, я не знал, что он был открыт.

Я вытер руку о стол. Хотя ощущение пудры на коже было приятным, я больше никогда не буду ничего печь. Принято к сведению. Черная майка Норы тоже покрылась пятнами сахарной пудры, так же как руки, щеки и темные волосы.

– Ничего страшного!

Она заразительно улыбнулась, и я перестал смущаться из-за устроенного кавардака. Удивительно, что она не сердилась. Не понимаю почему.

Поглядывая на меня и покачивая головой, Нора отодвинула от себя миску для смешивания и взяла рулон кухонных полотенец. Пустила воду и начала руками сгребать в раковину пудру.

– В первом семестре в кулинарной школе я забыла закрыть крышкой пятилитровый миксер и рассыпала четыре с половиной килограмма кондитерского сахара. Думаю, можно не объяснять, что мне понадобилось еще три часа, чтобы все почистить и переделать задание. А мой учитель был таким мерзавцем, что не позволил никому мне помогать.

Ее руки, наводившие порядок, так и мелькали. Наверное, мне нужно ей помочь.

– Ты получила зачет? После того, как все переделала?

– Не-а. Я же говорила, мой инструктор – настоящий засранец.

Я взглянул на нее. Нора подняла покрытую пудрой руку, чтобы почесать лицо, и вытерла щеку, размазав белое пятно по загорелой коже.

Я взял бумажное полотенце и стал помогать ей.

– Вот почему я хочу быть учителем.

Она положила пустой пакет из-под пудры в мусорное ведро.

– Чтобы быть засранцем?

Я рассмеялся и покачал головой:

– Нет. Как раз наоборот. В десятом классе у меня был преподаватель, мистер Хапонек. Он работал с полной отдачей и был замечательным учителем. Но чем старше я становился, тем хуже мои педагоги выполняли свои обязанности. Среди учеников в нашей школе я видел много ребят, которым требовался хороший учитель. Сама понимаешь, это имеет значение.

– Как тебе было учиться в старших классах?

Ужасно. Полная жопа.

– Все было нормально, – ответил я.

Я не думал, что она рассчитывает на правдивый ответ, и не был уверен, что хочу рассказывать ей, как это было на самом деле.

Это было похоже на то, как люди спрашивают «Как дела?» и хотят услышать только «Хорошо». Дальнейшие объяснения вызывают у них только неловкость.

– А я не ходила в школу. Я училась в частном заведении под Сиэтлом. Это был кошмар, – сказала Нора, удивляя меня искренностью.

– В моей школе тоже был кошмар, – признался я.

Нора окинула меня скептическим взглядом.

– Бьюсь об заклад, ты пользовался популярностью. Ты же был качок, да?

Я чуть было не рассмеялся.

Качок? Я? Пальцем в небо.

– Не совсем так. – Я почувствовал, как краснею. – Я был никем, потому что был недостаточно крут, чтобы считаться популярным, и недостаточно умен, чтобы зубрили принимали меня за своего. Я был где-то посередине, и никто не обращал на меня внимания. Я был толстым, и популярные ребята дразнили меня, когда им надоедало доставать других. Но, если честно, я не осознавал, как плохо мне было, пока не переехал

в Вашингтон посреди последнего учебного года. Там моя жизнь оказалась совсем другой.

Нора достала из хозяйственного шкафа щетку и совок. Она стала подметать пол, а я смочил бумажное полотенце и принялся вытирать стол, попутно прикидывая, что бы еще вспомнить о школе, чтобы поддержать разговор.

– Ничего нет хуже компании уродов, которые верховодят в старших классах, – сказала Нора.

В ответ я хихикнул.

– Это самое верное замечание из всех, которые мне доводилось слышать.

– Думаю, я немного упустила, – добавила Нора, глядя в никуда.

На ее лице снова появилось скучающее выражение.

– Ты всегда хотела стать шефом-кондитером? – спросил я ее.

Мы практически убрали сахарную пудру, но я не хотел заканчивать разговор. Я почти жалел, что нет другого пакета, который я мог бы случайно опрокинуть на пол.

Я никогда раньше не слышал, чтобы Нора так много говорила, если не считать случая, когда они с Тессой захлеб обсуждали поцелуй двух парней на шоу, которое Тесса никогда не пропускала. Обычно я не принимал участия в их разговорах, а сидел в своей комнате и занимался или был на работе. Но сейчас мы оказались одни, и Нора была непривычно разговорчива. Я не хотел пропустить ни единого слова.

Подметая кафельный пол, она взглянула на меня.

– Спасибо, что не называешь меня пекарем. Вообще-то я хотела стать хирургом. Как папа, дедушка и прадедушка.

Хирургом? Этого я от нее не ожидал.

– Правда?

– Не удивляйся. На самом деле я очень умная.

Она наклонила голову набок. Мне нравилось ее шутливое настроение. Она совсем не такая, как Дакота. Не такая резкая и жесткая.

Дакота.

За последние полчаса я ни разу о ней не вспомнил, и это имя показалось мне таким далеким. Значит, я плохой? Только что был голый с ней рядом и забыл о ней через минуту.

Может, она сидит дома и ждет, когда я ей позвоню.

Почему-то верилось с трудом.

– И не сомневался, – я протянул к Норе покрытую пудрой руку, – просто думал, что ты скажешь о чем-то вроде искусства.

Нора посмотрела на меня задумчиво.

– Хм, это еще почему?

Она приставила щетку к столу и нагнулась ко мне. Открыла кран, слегка задев рукой мою толстовку. Я отодвинулся, чтобы не мешать.

– Я не знаю. Мне кажется, что ты творческая личность. – Я провел рукой по волосам, и на пол посыпались комки пудры. – Не знаю, как сказать точнее.

– Ты должен снять это до того, как я подмету. – Ее пальцы поймали тесемку толстовки, я опустил взгляд вниз на ее руку.

– Да, наверное, – согласился я.

Нора приблизилась ко мне. Я задержал дыхание. Она посмотрела мне в глаза и спокойно вздохнула.

– Иногда мне кажется, что ты знаешь меня слишком хорошо, – шепнула она.

Я не мог пошевелиться. Когда она находилась так близко, я не мог ни дышать, ни двигаться, ни тем более говорить. Даже покрытая сахарной пудрой, она была такой потрясающей, что я едва смел на нее взглянуть.

– Возможно, ты права, – сказал я, почему-то почувствовав то же самое.

На самом деле я знал о ней немного, но речь шла не о фактах. Не важно, знаю ли я имя ее матери или любимый цвет. Возможно, чтобы узнать человека, совсем не требуются годы, как мы привыкли думать, может быть, самое важное – намного проще. Значение имеет только то, насколько глубоко мы пытаемся понять, какой друг этот человек или может ли он испечь торт для того, кого не знает, хотя его об этом не просили.

– Так не должно быть, – сказала Нора, все еще не отрывая от меня глаз.

Не раздумывая, я сделал шаг к ней навстречу, и она закрыла глаза.

– Может быть, должно.

Я не знал, кем я был в эту секунду. Я не волновался из-за того, что стою рядом с такой красавицей, и не переживал, что недостаточно хорош, чтобы прикоснуться к ее лицу. В моей голове не было ни одной мысли, и мне нравилась эта тишина.

– Мы не можем, – еле слышно проговорила она.

Ее глаза были по-прежнему закрыты, моя ладонь лежала на ее щеке, хотя я не помнил, когда прикоснулся к ней. Я провел большим пальцем по краю ее пухлых губ и ощутил, как ускоряется пульс под рукой, лежавшей на ее шее.

– Может быть, можем, – прошептал я.

В то мгновение я мог думать только о ее руках, стиснувших толстовку.

Несмотря на прозвучавшее в голосе сомнение, она притянула меня к себе.

– Ты не понимаешь, насколько это плохо, – сорвалось с ее губ.

Мое сердце было готово разорваться от нахлынувших чувств.

В темно-зеленых с коричневыми крапинками глазах отразилась боль. Я впервые заметил это, почувствовав всю глубину ее отчаяния. Что-то внутри меня изменилось и тут же исчезло. Я не мог подобрать названия этому ощущению. Я хотел исцелить ее и убедить, что все будет хорошо.

Она должна понять, что боль может стать постоянной, только если мы сами ей это позволим. Я не знал, откуда она появилась, но был готов на все, чтобы забрать у Норы эту боль. Мои сильные плечи могут выдержать ее груз. Они созданы для того, чтобы поддерживать ее, и мне нужно, чтобы Нора об этом знала. Сейчас я отчаянно хотел ее защитить, словно от нее зависела вся моя жизнь.

– Ты не понимаешь, во что ввязываешься, – предупредила Нора.

Я приложил палец к ее губам. Те раскрылись при моем прикосновении, и послышался тихий вздох.

– Это не важно, – честно ответил я.

Она снова закрыла глаза и привлекла меня еще ближе. Наши тела слились, словно были созданы друг для друга.

Я наклонился, и она застонала, как будто целую вечность ждала, когда наши губы встретятся. Я почувствовал неопишемое облегчение, как будто нашел недостающую частицу меня, о которой я не догадывался.

Я снова прикоснулся к ее щеке, между нашими ртами едва оставалась пара сантиметров. Ее дыхание было таким легким, как будто я был хрупким и она старалась меня не разбить.

От поцелуя Норы на моих губах остался вкус сахара. Она – мой любимый десерт.

Я нежно поцеловал уголок ее рта, она издала такой звук, что у меня закружилась голова. Когда она приоткрыла губы и ее язык мягко коснулся моего, я перестал соображать.

Я плохо понимал, что происходит, и мне не хотелось возвращаться к реальности. Я обнял ее за спину и крепко прижал к себе. Нора шепотом позвала меня; я раньше никогда не испытывал такого наслаждения. На секунду она откинулась в сторону, и земля ушла из-под моих ног, как будто я оказался в вакууме. А когда ее губы снова нашли мои, я почувствовал, что она привязала меня к себе неразрывными узами.

Стол завибрировал, заглушая музыку, которую я перестал замечать.

Казалось, последние пять минут жизни выпали из моего сознания, но я не хотел их вернуть. Я хотел остаться потерянным здесь, рядом с ней.

Но у реальности были другие планы, и Нора отстранилась от меня, забрав с собой тишину.

Она взяла со стола свой мобильный, взглянула на него и нажала пальцем на зеленый круг. Я прислонился к столу, чтобы опереться на него. Нора извинилась и вышла в коридор.

Через несколько секунд я услышал ее голос, но не мог разобрать слова. Она повысила тон, и я не без усилия заставил себя стоять на месте подальше от порога, чтобы не подслушать ее разговор.

– Мне нужно идти, – сказала она, вернувшись назад. – Но я приеду утром помочь тебе украсить торт. Я заверну его, чтобы он не зачерствел.

Она пересекла кухню, и я заметил, как она переменялась. Опустив плечи, она отворачивалась, избегая встречаться со мной взглядом.

Сердце бешено заколотилось.

– Все в порядке? Я могу чем-нибудь помочь? – спросил я.

В тот момент я решил, что мог бы сделать для нее почти все в этом мире.

Я понимал, что это безумие и я едва ее знаю. Конечно, трудно защитить того, кто не позволяет тебе этого сделать. Кроме того, у меня запутанные отношения и с другими, но теперь ничего нельзя изменить. Я не мог стереть из жизни последние минуты, и, даже если бы это было в моих силах, я никогда бы на это не пошел.

– Все в порядке. Мне нужно вернуться на работу. Начальник вызывает, – ответила она со слабой улыбкой, значение которой я сразу понял.

Нора обернула пищевой пленкой блюдо с тортом и взяла со спинки стула свою рубашку. Я молча наблюдал за ней. Она засунула галстук в задний карман своих черных брюк и пошла к выходу. Она по-прежнему не смотрела мне в глаза, и от этого у меня заболел живот.

– Не беспокойся о тарелках, утром разберусь.

Я кивнул, не зная, что сказать. Блаженство от нашего поцелуя мгновенно развеялось, и вместо него появились бесконечные вопросы, которые я хотел задать.

– Прости меня, – сказала она.

Я чувствовал, что она говорит искренне. По крайней мере, правда сожалеет.

Она исчезла в дверном проеме, а я несколько минут так и стоял, вспоминая каждое мгновение, которое мы провели вместе. От сладкого вкуса ее сахарного поцелуя до отчаянного желания, с которым ее пальцы стискивали мою толстовку. В квартире стояла тишина, чего я не мог сказать

о своей голове. Я включил кран и открыл посудомойку, потом выбросил несъеденную брокколи и убрал оливковое масло в шкаф.

Когда Тесса вернулась домой, я все еще сидел за кухонным столом. Чистые тарелки стояли на месте, и нигде не было и следа сахарной пудры.

Она сняла фартук и повесила его на спинку стула.

– Привет! Что ты тут делаешь?

Я взглянул на часы на плите. Почти час ночи.

– Не знаю, – солгал я.

У Тессы был сложный день, и я не хотел нагружать ее своими проблемами, тем более я и сам не до конца их понимал. Она задумчиво посмотрела на меня. Окинув глазами кухню, увидела на столе торт.

– Где Нора? – спросила она.

Пока я объяснял, у меня пересохло в горле:

– Она ненадолго зашла, но потом ей позвонили и вызвали на работу.

– На работу? Кто? Я только что ушла. Мы с Робертом были последними.

Это должно было меня удивить, но я не удивился.

– Видимо, я что-то не так понял, – я беззаботно махнул рукой. – Как дела на работе?

Я сменил тему разговора, и Тесса не возражала.

Глава двадцать восьмая

Утро наступило быстрее, чем я ожидал.

После пробуждения я повалялся в постели, уставившись на потолочный вентилятор. Интересно, кто жил здесь до меня и почему он выкрасил вентилятор в плохо сочетающиеся цвета? Каждая лопасть была другого цвета. Синяя, зеленая, пурпурная, желтая и, наконец, красная. Я решил, что это была детская. Если нет, то у предыдущих обитателей были странные представления о прекрасном.

Не помню, во сколько я решился вылезти из постели, но только встал – и сразу почувствовал, как измучен. Взял телефон, чтобы посмотреть, который час, но трубка разрядилась. Я воткнул ее в розетку и пошел в гостиную.

Там было темно, но телевизор работал: шли «Кексовы войны» с приглушенным звуком. Тесса спала на диване. Я взял с ее живота пульт и выключил ящик. Тесса так и не переоделась. Слишком устала на работе. Я заметил, как она засыпала, когда она ела принесенное из ресторана. Мы сидели за столом почти полчаса, и она подробно описала свой вечер.

За двадцать минут до закрытия явилась компания преподавателей из Нью-Йоркского университета, и их посадили в ее секторе. Думаю, от этого она несколько расстроилась, хоть и не сказала: ведь ее не приняли именно в этот университет. Уверен, что она все равно поступит, хотя не в этом семестре. Тесса не хотела, чтобы Кен использовал свой авторитет и договаривался о ней в университете, но я уверен, если зимой ее не примут, он все равно так сделает. Здорово, если мы будем учиться вместе, хотя у нас разные специальности. На втором курсе некоторые семинары у нас будут совпадать, несмотря на то что я учусь на учителя младших классов, а она изучает английский язык.

Я прошел в кухню посмотреть, сколько времени. Было всего восемь утра. Удивительно: единственные работающие часы в квартире оказались на плите! Обычно мы узнаем время по мобильным. Любопытно, как это отражается на часовом бизнесе.

Странно все же было жить во времена, когда, чтобы узнать время, требовалось зайти в дом или сходить на городскую площадь. А когда часы шли неправильно, их было никак не проверить. Если бы Хардин здесь жил, у него все часы показывали бы разное время, чтобы путать других.

Я должен сказать Тессе, что в следующие выходные приезжает

Хардин. Я поговорю с ней, когда она проснется.

Я это сделаю. Прямо сейчас.

Тишину на кухне нарушало только негромкое гудение холодильника. Неукрашенный торт под пищевой пленкой все еще лежал на столе. Я гадал, придет сегодня Нора или вчерашнее дело задержит ее и сегодня.

Заглянул в холодильник, чтобы чем-нибудь позавтракать перед работой.

Блин!

Работа!

Я же должен был быть там сегодня в шесть, чтобы подменить Поузи. Я кинулся в комнату за мобильником, чтобы позвонить начальнику. Зацепился ногой за что-то тяжелое. Я попытался сохранить равновесие, но не смог и ударился пальцами ноги о ножку стола. *Блин, как больно!*

Я схватился за ногу и наконец добрался до своего телефона. Тот все еще не включился. *Блин, блин, блин!*

Придется взять мобильный Тессы, чтобы позвонить на работу. Я бросил бесполезный сотовый на кровать и запрыгал в гостиную на одной ноге, потому что палец на ноге еще ломило от боли. Добравшись до Тессы, спавшей на диване, я внимательно огляделся. Ее мобильный должен был быть где-то рядом.

Почему я не послушал маму и не провел городской телефон?

Никогда не знаешь, что может случиться, Лэндон.

Оператор сотовой связи может перестать работать.

Ты можешь потерять мобильный и использовать городской телефон, чтобы позвонить и найти его.

Инопланетяне могут наводнить Бруклин и украсть все технологии, чтобы реализовать план захвата Земли в своих злобных целях.

Да, последнее предостережение я придумал сам, когда посмеивался над ее привычкой обо всем беспокоиться.

Вот одно из многочисленных свидетельств, что моя мать, как правило, знает, о чем говорит. Большинство двадцатилетних никогда в этом не признаются, но я рад, что у меня такая мать.

Мобильный Тессы завалился между спинкой дивана и ее бедром. Я осторожно потянулся к нему, задержав дыхание, чтобы не разбудить. Как только мои пальцы коснулись телефона и я собрался его взять, Тесса, вздрогнув, открыла глаза.

Отодвинувшись, я подождал, пока она сообразит, что это лишь я и ей нечего опасаться на диване в нашей гостиной.

— С тобой все в порядке? — со вздохом спросила Тесса, словно еще не

проснулась.

– Да, извини. Мой мобильный сдох, а я опаздываю на работу.

Она кивнула и передала мне свой телефон. Я хотел набрать номер, но мобильный потребовал пин-код. Тесса продиктовала мне цифры.

– Ноль, два, ноль, один, – пробубнила она и, снова закрыв глаза, повернулась на бок и свернулась калачиком.

– Спасибо.

Я взял одеяло со спинки дивана и укрыл Тессу. Она улыбнулась и сказала «спасибо», а я наконец включил ее мобильный. По сравнению с моим он был таким маленьким, даже странно. Тесса в шутку называла мой телефон айпадом, а я в ответ издевался над тем, что она всегда теряла и ломала свои трубки. Я припоминал телефончик, который она уронила в унитаз, тот, что «потерялся» в такси, и тот, который она метнула в паука на крыше. Уцелел только один телефон – ее первый мобильный.

Она нарочно портила экран и наступала на него, по меньшей мере, раз двадцать, уверяя, что больше никогда не будет пользоваться айфоном. Но я подозревал, что дело было вовсе не в технологии. У нее была причина посерьезней. Думаю, та же, по которой она теперь пила только холодный кофе и редко слушала любимую группу.

Тесса быстро отказалась от своих слов: неделю она пользовалась другим телефоном и потеряла все свои саундтреки, всю сохраненную информацию, авторизацию на всех сайтах и все данные о кредитках. Она проклинала Apple всю дорогу в магазин, возмущалась, что они захватили весь мир и бесят ее тем, что производят настолько хорошую продукцию, что не оставляют покупателям другого выбора, кроме как использовать их гаджеты. Вот парадокс!

Несколько раз она повторила, что им следует снизить цены. С этим я согласился.

Когда экран загорелся, мне пришло в голову, что я не знаю телефона «Мельницы» наизусть, потому что номер всегда был забит в моем мобильном. Я почти не помню период, когда смартфоны еще не были так популярны. Мне было двенадцать, и у меня была старая «Нокия», которую мама на всякий случай заставляла таскать с собой. Я разряжал батарейку, играя в «Змейку» дни напролет.

Боже, как будто это было сто лет назад!

Что бы мы вообще делали без новых технологий? Мне стало стыдно за то, что я так от них завишу, но в то же время меня передернуло от мысли, что нужно искать телефонную книжку, где записан рабочий номер. Господи, до чего мы, люди, избаловались! Хотя не совсем так: это мы,

американцы, очень избалованы. Во многих странах мира люди никогда не видели айфона, а я тут размышляю, как вообще можно существовать без гаджетов Apple.

Возможно, мне бы понравилось.

Я нашел номер телефона кофейни в Интернете и позвонил, но было занято. Что за черт? Я даже не знал номер телефона Поузи. Помехой были те же технологии. Вообще-то номера телефонов моих друзей я всегда помнил наизусть. Правда, у меня всего два друга, и жили мы в одном доме, но тем не менее.

– Мне нужно спешить, одеться и бежать, – торопливо объяснил я.

Положил телефон Тессы на кофейный столик и пошел в свою комнату.

Палец на ноге все еще болел.

Если я выйду прямо сейчас, я доберусь быстрее, чем за пятнадцать минут. Я был бы уже на полпути к кафе, если бы одевался, вместо того чтобы пытаться позвонить. Я взглянул на свой мобильный, брошенный на кровати. Если бы оставил его на подзарядке, то сейчас уже смог позвонить.

Что-то теряешь, что-то находишь.

Я бросился в свою комнату, влез в черные джинсы и простую серую футболку. Поспешил в ванную и почистил зубы. Пописал и вымыл руки. Не взглянув на себя в зеркало, я выключил свет и вернулся в гостиную. К моей радости, к пальцу вернулась чувствительность. Я был уверен, что выгляжу ужасно, но ничего: как только приду на работу, причешусь.

Мои кроссовки... Где же мои кроссовки? Я внимательно осмотрел пол, заглянул в шкаф. Гостиная! Я их оставил у двери. *Где им и место.* Я услышал в голове голос Тессы, произносящий эти слова, и улыбнулся.

Через пять минут после того, как я пытался позвонить в кофейню, я топтался у двери и обувался. Схватив ключи, я рывком открыл дверь. На пороге кто-то стоял.

Это была Нора. С мешком для мусора в руке и коробкой у ног.

Она увидела и распахнула от удивления глаза. Я посмотрел вниз. В коробке лежали сваленные в кучу книга, рамка для картины и еще какие-то вещи.

– Привет, – произнесла Нора еле слышно и нерешительно взглянула на меня.

– Привет, – ответил я, пытаясь сообразить, зачем она пришла. С вещами.

– Все хорошо? – спросил я ее.

Нора кивнула. Внезапно ее глаза наполнились слезами, а свободная рука крепко сжалась в кулак. Глубоко вздохнув, она расправила плечи и

сдержала слезы.

– Можно войти?

Она проговорила это расстроенным тихим голосом, но пыталась улыбаться. Я наклонился и поднял коробку. Свободной рукой забрал у нее пакет.

В глазах девушки застыла твердость. Она – боец. Это сразу видно по ее взгляду.

Пакет оказался тяжелым, и я положил его на пол в гостиной, рядом со столом моей бабушки. Там же поставил коробку и пригласил Нору в квартиру.

Она медленно вошла, Тесса сидела на диване.

Я взглянул на ее мобильный на столе. Черт побери!

Я виновато взглянул на Нору.

– Мне нужно бежать на работу. Я *очень* опаздываю.

Нора улыбнулась и кивнула. Такой беспомощной улыбки я никогда не видел. Эта улыбка напомнила о данном себе вчера вечером обещании защищать Нору. Я не хотел видеть ее в таком состоянии.

Тесса поднялась с дивана, оценивая обстановку. У меня не было времени на объяснения. Я не понимал, что происходит, и это сводило меня с ума.

Что случилось?

Почему Нора здесь с вещами?

Это как-то связано с Дакотой?

От этой мысли у меня скрутило живот.

Когда я уйду, она расскажет Тессе, что мы снова целовались?

Я хотел бы остаться, но не мог. Люди на меня рассчитывают, а я и так потерял этим утром слишком много времени.

Выскочив из двери, я побежал по ступенькам. У меня не было времени дожидаться, пока на мой этаж придет самый маленький в мире лифт.

Глава двадцать девятая

Когда я вбежал в «Мельницу», там было много народа. О нет! По магазину от кондитерской витрины до зоны выдачи вилась длинная очередь. Весь зал был заполнен людьми в деловых костюмах, мелкими глотками потягивающими свой утренний кофе. В конце очереди я заметил несколько раздраженных лиц. Я тут же пробрался сквозь толпу и, не надев фартук, встал за стойку. Эйден принимал заказы, быстро перебирая пальцами по клавишам кассы. Его обычно бледное лицо и шея покраснели от напряжения. Его рубашка на спине стала мокрой от пота.

Черт побери! Похоже, он не очень-то мне рад! Когда я подошел к нему сзади, он протягивал сдачу брюнетке в красном костюме. Женщина всем своим видом выражала недовольство.

– Привет, я уже здесь. Извини, старик. Телефон разрядился, а будильник...

– Проехали, – Эйден сердито сверкнул на меня глазами. – Давай помоги разобраться с этой очередью, – продолжил он спокойно.

Мне захотелось позвать Гермину, чтобы она превратила его в хорька.

Однако я кивнул, понимая его досаду. Столько народа – это не шутка, да и люди иногда встречаются, мягко говоря, неприятные.

Драко, то есть Эйден, прокричал:

– Макиато с пеной!

Я схватил маленькую чашку и принялся за работу. Пока я кипятил молоко, взглянул на Эйдена. Он выглядел ужасно: рубашка спереди была испачкана черной кофейной гущей, на груди расплылось влажное пятно. Это было бы забавно, если бы в этом не было моей вины. Приди я вовремя, у нас все равно не было бы ни одной свободной секунды, но работать вдвоем намного легче.

Когда я наливал пенное молоко в черный эспрессо, Эйден передал мне новый заказ. Так мы продолжали работать, пока очередь не уменьшилась до трех человек. Эйден успокоился и снова начал дружески улыбаться посетителям. Я облегченно вздохнул.

Работа помогала не думать о странном появлении Норы у нас в квартире и о том, насколько глупо было не взять с собой телефон: я мог бы послать Тессе эсмэску, чтобы убедиться, что все в порядке. Хоть это-то я способен был сделать!

Были заняты все столики, и в зале стояло по меньшей мере двадцать

человек с кофе в руках. Я заметил на их шеях шнурки для бейджиков и понял, что эта толпа – с конференции по электронике, которую каждые два месяца проводят неподалеку. В такие дни у нас бывало больше посетителей, чем обычно, но это хорошо для бизнеса. Еще одно достоинство Нью-Йорка: здесь всегда что-то происходит.

Я принялся наполнять контейнеры зернами и вытирать кофеварки, а Эйден энергично приводил в порядок раздатчик специй, заливал сливки в капучинатор и пополнял ассортимент из семи разных видов сахара, предлагавшихся у нас в кафе. До того как я приехал в город, я не видел сахар в кубиках, как в «Багз Банни». Я думал, что такое бывает только в мультфильмах.

Помню, в Сагино время от времени посетители заказывали что-то обезжиренное, но в маленьком городке штата Мичиган было трудно достать что-нибудь в этом роде. Мы с Дакотой часами просиживали в местной кофейне. Когда нам надоедал вид за окном, мы пересаживались за другой столик. Напившись сладкого кофе, мы возвращались домой, держась за руки и мечтая под звездным небом.

Следуя по знакомой тропинке памяти, я вспомнил, как мы с Дакотой подрались в «Старбаксе». Ее волосы пахли кокосовым орехом, а новый блеск для губ был липким. Я бежал за ней по улице, а она мчалась впереди, лишний раз напоминая мне, что бегают быстрее всех. Тренер в нашей школе тоже об этом знал, но Дакота не интересовалась спортом. Чтобы порадовать меня, она смотрела со мной спортивные соревнования, задавая сотни вопросов каждый раз, когда раздавался звук свистка.

Дакота хотела танцевать. Она всегда это знала. Я завидовал ее уверенности. Дакота убегала все дальше и дальше от «Старбакса», а я догонял ее, как всегда.

Она свернула за угол в переулок, и я ее потерял. У меня было ощущение, что я не смогу дышать, пока не найду ее. Было слишком темно, чтобы девочка могла бегать в этой части города. Я нашел ее через несколько минут неподалеку. Она сидела на земле рядом с почти развалившимся забором. За ее спиной чернели деревья.

В сетке-рабице зияли огромные дыры. На улице совсем стемнело. Через минуту я наконец отдышался. Дакота стала собирать серые камни и бросать их в рытвину на дороге. Я помню, какое облегчение я почувствовал, когда увидел Дакоту. Она была в желтой блузке со смайликом и в блестящих сандалиях. Она злилась на меня, потому что я считал, что не стоит пытаться искать ее маму.

Иоланта Хантер уехала много лет назад. Я понимал: если бы она

хотела, чтобы ее нашли, то не пряталась бы. Дакота сердилась, доказывая мне, что я не понимаю, каково это – не иметь родителей. Ее мать сбежала, оставив детей с пьющим отцом, которому нравилось бить сына.

Когда я нашел Дакоту, она плакала и не сразу смогла взглянуть на меня. Странно, что я помню мельчайшие детали той ночи. Я волновался. Иногда я думал, что она собирается исчезнуть так же, как ее мама.

– Ты не докажешь, что она не позволит мне жить с ней, – говорила она мне той ночью.

– А ты не докажешь, что позволит. Подумай о том, что ты почувствуешь, если не услышишь от нее того, на что надеешься? А если она вообще ничего тебе не скажет? – убеждал ее я, усаживаясь рядом на шуршащий гравий.

– Все будет нормально. Лучше, чем ничего не знать, – возражала она.

Я взял Дакоту за руку, и она склонила свою голову мне на плечо. Мы сидели в тишине, запрокинув головы в небо. Той ночью над нами так ярко сверкали звезды.

Иногда, как и в тот раз, нас удивляло, что над нашим городом сияют звезды.

– Думаю, они здесь, чтобы мучить нас. Чтобы издеваться над теми, кто застрял в гиблых местах и живет дерьмовой жизнью.

– Нет, я думаю, что они дают нам надежду. Надежду на то, что есть выход. Звезды добрее людей, – не согласился я.

Дакота взглянула на меня и сжала мою руку, а я пообещал, что когда-нибудь, не знаю как, но мы уедем из Сагино.

Казалось, она мне верит.

– Прости, что так поздно!

Сквозь облако воспоминаний прорвался голос Поузи. Она говорила с Эйденем. Женщина в черном платье, подняв над головами табличку, объявила всем, что пора уходить. Когда толпа повалила из заведения, я прислушался к разговору между Поузи и Эйденем. Он краем рубашки вытирал пот с лица.

– Все в порядке. В конце концов, Лэндон пришел.

Поузи повернула голову и увидела меня. Я вытирал тряпкой металлический прилавок.

Я их не подслушивал.

– Прости, – заговорила Поузи, направляясь ко мне и завязывая на ходу фартук за спиной. Ее рыжие волосы были сегодня подняты наверх и собраны в пучок, – могу поклясться, что мы поменялись сменами, но, видимо, я забыла тебя попросить, – объяснила она.

Я вытряхнул тряпку над мусорным ведром, перед тем как замочить в мыльной воде.

– Нет. Мы действительно поменялись. Вчера я об этом не вспомнил, а мой телефон разрядился. Прости, что тебе пришлось прийти.

Поузи повернулась к Эйдену, и я проследил ее взгляд. Он, не глядя на нас, беседовал с завсегдатаем о том, что кофе без кофеина отвратительный и бесполезный.

– Он напоминает безалкогольное пиво. Пустая трата времени, – сказал хриплым голосом собеседник Эйдена, мужчина средних лет, выглядевший так, словно уже принял пару кружек.

– Мне были нужны эти несколько часов, – шепнула мне Поузи и кивнула на стол, стоявший у стены маленького холла рядом с комнатой отдыха. За столом терпеливо сидела ее маленькая сестра Лайла, положив подбородок на сложенные перед собой руки. – Я привела подмогу.

Малышка порылась в кармане и достала оттуда три машинки. Наверное, фирмы Hot Wheels?

– Ей нравятся машинки. – Я улыбнулся девочке, но она не заметила.

– Ага, – кивнула Поузи.

– Ты точно хочешь остаться? Я сегодня могу поработать. Мне совершенно нечего делать, – предложил я.

Противная эгоистичная часть меня хотела, чтобы Поузи осталась, а я мог бы пойти и узнать, как там Нора, но я никогда не сказал бы этого вслух.

– Не-а. Все в порядке, правда. Утром мне нужно было два часа, чтобы отвести бабушку к доктору. Она неважно себя чувствует.

Поузи с опаской взглянула на сестру. Студентке, работающей в кофейне, практически невозможно растить младшую сестру на одну свою зарплату. Я не знал подробности ее жизни, но понимал, что ее родители не вернутся волшебным образом.

– Я могу на несколько часов взять с собой Лайлу. Мы можем пойти с ней ко мне домой или в парк через дорогу.

Я с удовольствием пригляжу за ней, чтобы Поузи спокойно отработала последние два часа своей смены. Ведь это значило, что я смогу пойти домой.

Я ужасный человек.

Поузи поглядывала на свою сестру каждые несколько секунд. Она внимательно следила за ней, даже когда работала за кассой. Малышка все еще сидела, мило положив подбородок на стол.

– Ты уверен? Ты же не должен.

– Я знаю, – ответил я, – просто я хочу помочь.

Господи, я попаду в ад!

Поузи опять посмотрела на сестру и, похоже, поняла, как девочке скучно.

– Хорошо. Но заberi ее домой, сегодня жарко, и мы все утро провели на улице. – Она засмеялась: – Лайла еще слишком мала, чтобы так утомляться.

– Отлично. Протру эти столы и пойду.

– Спасибо, Лэндон!

Поузи улыбнулась. Ее веснушки сегодня казались ярче. Это клевое.

– Без проблем.

Я взял ведро, Поузи подняла перегородку кассы и помахала мне рукой.

СтолЫ были еще грязнее, чем обычно. Мне три раза приходилось менять салфетки, чтобы вытереть лужи и круги от кофе. Наконец толпа рассеялась. Остался только один завсегдатай, молодой хипстер, работающий на маленьком золотом «макбуке». Похоже, у него все в порядке.

Когда я собрался уходить, Лайла сидела на том же месте. Но теперь она подняла голову и возила пурпурную машинку по поверхности стола, издавая разные звуки.

– Привет, Лайла! Помнишь меня? – спросил я ее. Она подняла свое круглое личико, взглянула на меня и кивнула. – Классно. Хочешь погулять со мной, пока твоя сестра на работе? Пойдем ко мне в гости? У меня есть подруга. Она будет рада с тобой познакомиться.

Я наклонился к девочке, а она снова посмотрела на машинку.

– Да, – сказала она тихим, ясным голосом.

Меня позвала Поузи, и я сказал Лайле, что сейчас ее заберу.

Когда я подошел, на лице моей подруги проявилась серьезность.

– Ты правда знаешь, как обращаться с детьми? Она ведь очень маленькая. Я тебе доверяю, иначе бы не отпустила ее с тобой, но ты сумеешь о ней позаботиться? Что ты будешь делать, если она проголодается? Или упадет и поцарапает коленку? – тихим голосом допытывалась Поузи. – На улице ты должен держать ее за руку. Все время. А ест она только картошку фри и крекеры с арахисовым маслом, – напутствовала она меня, как мама.

Я кивнул.

– Только картошка фри и крекеры с арахисовым маслом. Держать за руку. Не позволять упасть. Она слишком мала, чтобы писать за меня рефераты. Понял.

Я весело улыбнулся Поузи, а она вздохнула.

– Ты уверен, что справишься? – переспросила она.

– Абсолютно.

– Позвони мне, если что-нибудь будет нужно, – сказала она.

Я кивал и снова обещал, что все будет хорошо. Я не сказал, что оставил мобильный дома, но я туда и направлялся, а сказать, что до меня будет можно дозвониться, только когда я буду на месте, значило ввергнуть ее в еще большую панику.

Поузи объяснила Лайле, что собирается поработать, потом придет ко мне и заберет ее. Лайла не возражала.

Когда я прощался с Эйденем, я заметил на его шее, прямо под воротником рубашки, багровый засос. Меня чуть замутило, и я постарался не думать о том, что за женщин он к себе водит.

По дороге Лайла, держась за мою руку, показывала пальцем и называла все автобусы, грузовики и машины «Скорой помощи», мимо которых мы проходили. Все машины с мигалками она считала «Скорой помощью».

Мы шли быстро, но она все время болтала, хотя не все, что она говорила, можно было разобрать. Казалось, что сегодня вокруг – уйма женщин. Возможно, так оно и было, а может быть, женщины больше обращают внимание на мужчину с ребенком. За все время, как я переехал в Нью-Йорк, я не видел столько улыбок и не слышал столько раз «Привет!», как за последние двадцать минут. Забавно. Как в фильме про собаку, где друг Оуэна Уилсона использует своего щенка, чтобы привлекать внимание женщин.

Хотя, наверное, не стоит сравнивать детей со щенками.

Когда мы дошли до дома, я позволил Лайле нажать на кнопку лифта. Я считал секунды, пока он поднимется на мой этаж. Я надеялся, что Нора еще там.

Наконец мы вошли. Тесса, собравшая волосы в пучок на макушке, сидела на диване перед включенным телевизором. Я сразу заметил, что она одна. Она устало поздоровалась с нашей гостьей.

– Ну, привет, – сказала она Лайле, улыбнувшись.

Лайла помахала рукой и достала из кармана крошечных джинсов синюю машинку.

– Это сестренка Поузи. Я пригляжу за ней часа полтора.

Это Тессу немного расшевелило. Она улыбнулась и помахала Лайле.

– Как тебя зовут?

Лайла не ответила. Она уселась на пол и принялась катать свою машинку по цветному ковру, изображая шум, когда игрушка пересекала

линии рисунка.

– Она очень милая, – заметила Тесса.

Я кивнул.

– Я поставлю телефон на зарядку и сбегая в ванную. Посмотришь за ней минутку?

Я старался незаметно осмотреть комнату еще раз, чтобы понять, здесь ли Нора.

– Конечно, – сказала Тесса.

Я направился в свою комнату и включил в розетку мобильник. Постель была разобрана, на полу рядом с кроватью лежал ноутбук. Хорошо, что я сегодня утром не наступил на него, когда торопился на работу. Я подождал минуту-другую, пока телефон заработал, и написал Поузи сообщение, что мы благополучно добрались. Никто не упал. Проблем нет.

Включил телефон и увидел эсэмэску от Норы: «Пожалуйста, не говори ничего Тессе. Сейчас не нужно никаких драм».

В ответ спросил, где она.

Прошло несколько секунд, а я так и не получил ответа, поэтому я послал эсэмэску Поузи и оставил телефон заряжаться. Заглянув в гостиную, я пошел в ванную и закрыл за собой дверь. Когда я мыл руки, дверь открылась, и я увидел в зеркале отражение Норы.

Глава тридцатая

Несколько минут мы смотрели друг на друга.

Она не подошла, а осталась стоять в дверях, глядя на меня. Не поворачиваясь к ней, я выключил воду и взял полотенце, чтобы вытереть руки. Должно быть, когда я пришел, она пряталась в комнате Тессы.

– Привет, – сказала отражение Норы.

– Привет, – повторил я.

Кажется, мы сегодня уже здоровались. Что случилось?

Я собирался подождать, пока она сама все расскажет, но не смог удержаться и спросил сам.

Она глубоко вздохнула, и я наблюдал, как ее грудь вздымается и опускается. Я обернулся, она зашла в ванную и закрыла за собой дверь.

Нора казалась подавленной, не похожей на ту девушку, которую я вчера вечером видел в кухне. Она сложила руки перед собой, а не сжимала мою толстовку и не целовала меня.

Волосы были заплетены в косу, спускавшуюся на плечо. Нора была не накрашена, и на ее щеках я заметил веснушки. По усталым глазам было видно, что она мало спала. На ней была белая футболка, спущенная с одного плеча, черные легинсы и носки с изображением пиццы. Второй раз я увидел на ней эти странные носки. Мне они нравятся.

– Все в порядке, – сказала Нора, облизнув губы.

Я взял ее за руку и потянул к себе.

Пластиковый мешок с одеждой говорит о другом, Нора.

– Не похоже, что все в порядке, – я протянул руку и коснулся кончика косы. Ее веки опустились. – Ты можешь мне сказать. Ты же знаешь.

Я убрал руку от волос и слегка приподнял ее подбородок.

Взглянул Норе в лицо, увидел темные круги под миндалевидными глазами. Глаза припухли, и у меня заболел живот при мысли, что она плакала. Я провел подушечкой большого пальца по закрытому веку, и ее губы разомкнулись.

Длинные ресницы Норы напоминают птичьи перышки. Очень, очень симпатичная птичка.

Ой, со мной творится что-то странное!

Она кивнула, и я провел большим пальцем под ее подбородком. По полузакрытым глазам я понял, что она что-то скрывает.

Она отодвинулась, чтобы я больше не прикасался к ней, и произнесла

тихим голосом:

– Я разберусь.

Я отступил на шаг, чтобы освободить ей место. Неожиданно Нора вцепилась в мою майку, притянула к себе, обвила руками и положила голову мне на грудь. Она не плакала, просто молча стояла, прижавшись.

Я погладил ее спину, ни единым словом не нарушая тишину, которая ей требовалась.

Через несколько секунд Нора подняла голову и посмотрела на меня.

Я хочу заботиться о тебе, сказала мое сердце. Потом те же слова повторили мои губы. Она внимательно выслушала, глядя мне в глаза.

– Я не хочу, чтобы обо мне заботились.

Ее откровенность ранила, но не стоит забывать, что она на несколько лет старше меня и давно стала самостоятельной.

– Мне не нужна помощь родителей. Мне не нужна твоя помощь. Мне не нужна ничья помощь. Я должна сама разобраться со своей чертовой ситуацией и не доставлять окружающим проблем. Я принесу тебе только неприятности... вот что случится. Я такая. Я говорю это не для того, чтобы произвести впечатление, это серьезно, Лэндон.

Она смотрела на меня, глазами умоляя услышать. Действительно услышать.

– У меня богатое прошлое, и мне не нужен рыцарь в блестящих доспехах, чтобы меня спасти.

Я не знал, что сказать. Я не понимал, как все исправить и хочет ли она этого.

Я не привык быть ненужным. Я мастер на все руки. Кто я такой без этой роли?

– Я знаю, принцесса, – сказал я шутливо, пытаясь разрядить напряжение, с которым не мог справиться.

– Фу! – На лице появилась гримаса отвращения. – Я не принцесса.

– Кто же ты тогда? – спросил я, искренне не понимая, кем она себя считает.

– Человек, – ответила она с сарказмом. – Я не дева в беде и не принцесса. Я женщина и человек в полном смысле этого слова.

Мы встретились глазами, и она снова меня обняла.

– Можем мы постоять так несколько секунд? Можешь ты поддержать меня в объятиях, чтобы я запомнила это чувство?

Я разозлился, потому что ее слова не предвещали ничего хорошего, как будто она прощалась со мной.

Я не ответил, а просто молча сжал ее в объятиях. Через несколько

секунд она шевельнулась.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что происходит, – попросил я, когда она высвободилась из объятий.

Не глядя на меня, Нора ответила:

– Я тоже.

Потом выпрямилась, и в ее взгляде появилась решительность.

– Пойдем украшать торт, и пусть у Эллен будет лучший день рождения в ее жизни.

Поведение девушки кардинально изменилось. Меня беспокоило, как быстро она замыкается и прерывает разговор.

Я ждал от Норы большего. Мне требовались объяснения. Мне было необходимо знать, что у нее за проблемы, чтобы предложить решение. Я хотел держать ее в объятиях, пока она не поверит, что я готов ради нее на все, целовать, чтобы ее боль ушла, и смешить, пока она не забудет, почему она таилась от меня. Она должна понять, что я беспокоюсь о ней, хотя она этого и не хочет.

Я хотел так много, но этого недостаточно... Нужно, чтобы она тоже этого хотела. Но я ответил так, как, казалось, в данный момент лучше для нее.

– Погнали! – Я изобразил фальшивую улыбку. – Дай пять! – И поднял вверх руку.

Нора хлопнула ладонью по моей пятерне.

– Ты самый настоящий «ванильный» человек из всех, кого я знаю, – сказала она, открывая дверь ванной.

Я направился следом.

Все в порядке, правда. Вот так, мы стали снова «друзьями».

Когда мы вместе вошли в гостиную, Тесса и Лайла все еще там сидели. Лайла увлеченно играла с машинкой, а Тесса сидела, скрестив ноги на диване, и следила за девочкой, улыбаясь во весь рот.

Тесса посмотрела на меня, потом на Нору, потом снова на меня. Она не скрывала любопытства и настороженности, но не произнесла ни слова.

– Лайла, – я склонился к малышке, – мы будем украшать торт. Пойдешь в кухню с нами?

Лайла взглянула на меня и взяла свою игрушку.

– Машинка, – прощепетала она, показывая ее мне.

– Угу, ты можешь взять ее с собой. – Я взял ее за руку.

– Я немножко полежу, – сказала Тесса.

Я посоветовал ей поспать и повел Лайлу в кухню. Нора пошла за нами.

– Ну, здравствуй, красавица! Как тебя зовут? – спросила Нора.

Лайла, не глядя на нее, представилась и села за стол.

– Какое красивое имя! Ты любишь торты? – поинтересовалась Нора.

Лайла не ответила.

Я прикоснулся к руке Норы, чтобы привлечь ее внимание. Она повернулась ко мне, а я прикрыл рукой рот, чтобы Лайла не слышала.

– У нее аутизм, – объяснил я.

Нора кивнула и села рядом с Лайлой за стол.

– Классный автомобиль, – сказала она девочке.

Лайла улыбнулась и провела машинкой по руке Норы, повторяя «вжик-вжик». Я решил, что это знак одобрения.

– Ты помнишь, как делать глазурь? – спросила Нора, не поднимаясь с места.

Я кивнул.

– Сахарная пудра, сливочное масло, ваниль и что-то еще...

Я не мог вспомнить последний ингредиент, хотя мы делали глазурь только вчера вечером.

– Молоко.

Я кивнул.

– Точно, молоко и семнадцать капель пищевой краски.

Она бросила на меня быстрый взгляд.

– Одну или две капли.

– Хорошо. Десять капель. Я понял.

Нора рассмеялась, закатив глаза. Я заметил, что к ней вернулась прежняя живость.

– Две капли.

Я достал из шкафа коробочку с пищевыми красителями.

– Ну, чтобы я все сделал правильно, нужно, чтобы кто-нибудь за мной приглядывал. Ты случайно не знаешь какого-нибудь пекаря?

Вот тебе, шеф-кондитер. Нора покачала головой.

– Не-а. С такими не знакома. – Ее лицо озарила лукавая улыбка.

Я деланно вздохнул и взял новый пакет пудры из шкафа.

– Это плохо. Не могу обещать, что ничего не перепутаю.

Нора весело взглянула на меня.

– Он ужасный пекарь, – сказала она Лайле театральным шепотом.

Девочка посмотрела на нее и улыбнулась.

Я махнул на них большой ложкой:

– Не наваливайтесь все на одного!

Нора рассмеялась.

Я подошел к холодильнику и достал оттуда молоко и пачку масла.

Потом взял из посудомойки миску для смешивания. На самом деле я помнил, как делать глазурь.

По крайней мере, я так думал.

Когда я начал готовить, Нора не тронулась с места. Размешав сахар и масло, я добавил в серебряную миску ваниль и молоко и еще две капли зеленого пищевого красителя. Нора хлопала мне в ладоши.

Посидев минуту-другую спокойно, Нора встала и подошла ко мне. Она развернула торт и выбросила пищевую пленку. Я обмакнул ложку в глазурь и начал размазывать ее по ванильному коржу.

– Ого, посмотрите-ка на него! Сам украшает торт. Ты прошел долгий путь, салага.

Я рассмеялся над шуткой, и Нора толкнула меня плечом.

Потом взглянула на Лайлу.

– Чей это ребенок? Я не спросила.

– Это сестра моей подруги Поузи. Она сейчас на работе, я предложил приглядеть за малышкой. Поузи придет примерно через час и ее заберет.

Нора взглянула на меня своим пронзительным взглядом, и мне показалось, что она буквально читает мои мысли. У меня участился пульс.

– Таких, как ты, поискать, Лэндон Гибсон, – сказала она мне второй раз за эти два дня.

От этих слов я покраснел, и меня не смутило, что она могла это заметить.

– Ты хорошо с ней справляешься, – заметил я, указывая ложкой в зеленой глазури на Лайлу.

– Я? Хорошо справляюсь с детьми? – искренне удивилась она.

– Да, – сказал я и коснулся указательным пальцем кончика ее носа так же, как она сделала это вчера.

– Эй, ты украл мою фишку!

Она повернулась ко мне и оказалась в нескольких дюймах от моего лица.

Я аккуратно распределил ложкой глазурь по коржу будущего торта, стараясь хорошо намазать края.

– Не пойму, о чем ты говоришь.

Я взглянул на потолок, потом перевел взгляд на торт.

Нора снова подтолкнула меня.

– Врун.

– Я врун, а у тебя есть секреты. Мы похожи...

Это вырвалось прежде, чем я смог сдержаться, и я расстроился, что на ее лице вновь появилась озабоченность.

– Это не одно и то же. Секреты и ложь – разные вещи, – возразила Нора.

Я повернулся, уронив ложку на край блюда.

– Вовсе нет, прости.

Нора не смотрела на меня, но я заметил, что ее озабоченность рассеивается с каждым выдохом.

– Пообещай мне одну вещь, – наконец, заговорила она.

– Все что хочешь.

– Не пытайся мне помочь.

– Я... – Я колебался.

– Обещай мне это, – наставляла Нора, – а я пообещаю тебе никогда не лгать.

Я посмотрел на нее.

– Но у тебя будут от меня секреты? – уточнил я, зная ответ наперед.

– Я не буду лгать.

Потерпев неудачу, я обреченно вздохнул. Мне не хотелось, чтобы у нее были от меня какие-то тайны.

– Это единственно возможный вариант?

Нетрудно было догадаться, что она ответит.

Нора кивнула.

Несколько секунд я обдумывал ее предложение. Только так я мог быть ближе к ней. Это было все, что я пока мог получить.

Я не был уверен, что смогу сдержать такое обещание, но это был мой единственный шанс.

С глубоким вздохом я медленно кивнул.

– Обещаю не пытаться тебе помогать.

Она выдохнула, и я понял, что она задержала дыхание в ожидании моего решения.

– Теперь твоя очередь.

Она немного поколебалась.

– Я обещаю не лгать, – она подняла свой мизинец, и я подцепил его своим. – Это договор, не нарушай его, – предупредила она.

Я взглянул на Лайлу, которая сидела за столом и увлеченно играла машинкой.

– А что случится, если я его нарушу? – спросил я.

– Я исчезну...

От этих слов Норы мне стало больно и страшно, потому что я твердо знал, ни секунды не сомневался: она не шутит.

Благодарности

Я решила написать эту книгу не так давно, еще до разговора с редактором о серии «После». Я писала в сообществе Wattpad, пытаюсь понять, что мне делать в жизни. Меня так радовало, что я буду писать эту книгу, я с нетерпением ждала, когда проникну в мысли Лэндона.

Когда же наконец я приступила к работе, то обнаружила, что это не так увлекательно, как в мечтах. Мне нравился роман, но он таял на глазах, как будто чего-то не хватало, и я не знала чего. Сидя в гостиничных лобби и в переполненных кафе, я печатала и печатала, но когда я перечитывала написанное, мне казалось, что за меня писал кто-то другой (напоминало фанфик, но было не так ужасно).

Приближался срок сдачи рукописи; я уже знала, что с романом все в порядке, но он не увлек меня так же, как мои первые книги. Я думала: «О боже, а действительно ли я писатель? Может быть, „После“ – мой единственный роман?»

Потом я стала посылать отрывки книги друзьям, читавшим мои первые произведения. И тут что-то случилось. Их отзывы получать было очень приятно, хотя большинство из них были примерно такие: «OMFGGG!» (Спасибо Браю, Треву, Лорену и Челсу. Я люблю вас, ребята!) Вскоре я приступила к переработке романа и практически уничтожила первый вариант.

Оставалась одна небольшая проблема. Прежде чем отправить рукопись редактору, я решила опубликовать главы романа онлайн, в сообществе Wattpad. Такой необычный шаг обычно пугает редакторов. Я понимаю почему, но чувствую, что писать в сообществе Wattpad для меня принципиально важно. Мне нравится коллективная работа над текстом, комментарии, адреналин во время публикации новой главы.

Писатель – это человек, который работает в тишине и одиночестве и не мечтает, чтобы тысячи людей прочли его творение раньше редактора. На миг меня охватил ужас, но я держала кулаки в надежде, что редактор поймет и оценит эту идею.

Затаив дыхание, объяснила ситуацию моему редактору Адаму Уилсону. Первое, что он сказал: «В этом есть смысл». Я была так счастлива, что чуть не взвизгнула от радости! Адам понимает, что все писатели разные. С нашей первой встречи я знаю, что он понимает меня. (Я повторила это десять раз подряд, ха-ха-ха.)

Адам всегда так открыт и интересуется новыми своеобразными способами письма. Он знает, что те, кто пишет в Интернете, – другие, и он не заставляет меня соответствовать традиционному типу писателя. Он всегда поддерживает мои заскоки и одобряет мою способность идти своим путем. Так что, Адам, я хочу тебя поблагодарить 39 394 раза! Спасибо за твои терпение и помощь. Без тебя книга не появилась бы на свет.

Эшли Гарднер, спасибо, что помогала мне и была решающей силой в модернизации традиционной публикации книги.

Урсула Уриарте, благодарю за то, что ты – мой мозг и моя лучшая подруга. И за то, что посылала мне gif-анимации малеков^[11]. С тобой я забываю обо всем.

Арон Левиц, спасибо за то, что поддерживал во мне веру в себя. Теперь отложи в сторону книгу и возьми чертов отпуск (японский смайлик кролика).

Сообщество Wattpad, спасибо, что было моим домом.

Джен Бергстром, благодарю, что ты согласился разрешить мне попробовать что-то новое. Это много для меня значит и приносит мне настоящее счастье. Я так люблю всех в «Галерее»!

Спасибо моему техническому редактору и штату издательства. Вы – моя опора и умеете действовать решительно.

Огромное спасибо моим зарубежным издателям. Мне было очень приятно встретиться со многими из вас, я высоко ценю ваш усердный труд.

Примечания

1

Эндрю Хозиер-Бирн (Hozier) – ирландский музыкант, автор-исполнитель.

«Браунс» (*англ.* Cleveland Browns) – клуб из Кливленда, штат Огайо, выступающий в Национальной футбольной лиге (американский футбол).

Популярный изотонический спортивный напиток.

4

Популярный в США исполнитель кантри.

«Парки и зоны отдыха» (*англ.* Parks and Recreation) – американский сериал, снятый в стиле псевдодокументалистики, рассказывает о жизни сотрудников департамента парков и зон отдыха вымышленного города Пауни в штате Индиана.

«Уиндбрейкер» – марка демисезонной и спортивной одежды.

«Чикаго Блэкхокс» (*англ.* Chicago Blackhawks) и «Детройт Ред Уингз» (*англ.* Detroit Red Wings) – профессиональные американские хоккейные клубы, выступающие в НХЛ.

«Джоффри Баллет» (*англ.* Joffrey Ballet) – балетная труппа, основанная в Нью-Йорке в 1956 году танцовщиками Робертом Джоффри и Джеральдом Арпино. Начиная с 1995 года базируется в Чикаго. Балетный сезон длится с октября по май, спектакли даются в театре «Аудиториум».

FAFSA (*англ.* Free Application for Federal Student Aid) – стандартная форма, используемая для определения права студента на получение финансовой помощи на обучение от государства.

«Нью-Йорк Джайентс» (*англ.* New York Giants, «Нью-Йоркские гиганты») – профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге.

Малек – название двенадцатого эпизода сериала «Сумеречные охотники: Орудия смерти». Образовано из имен главных героев сериала Магнуса Бейна и Александра Лайтвуда.